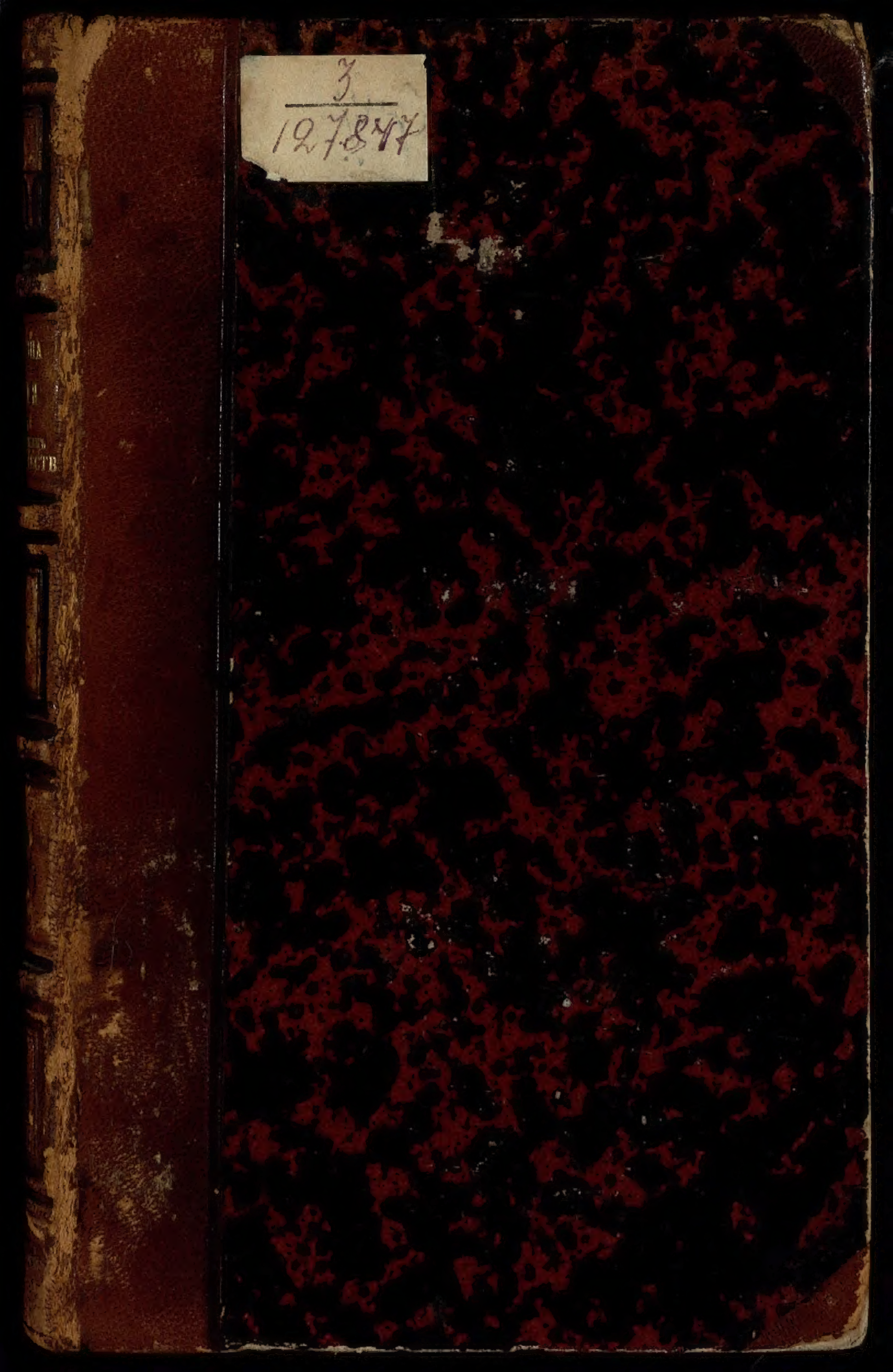
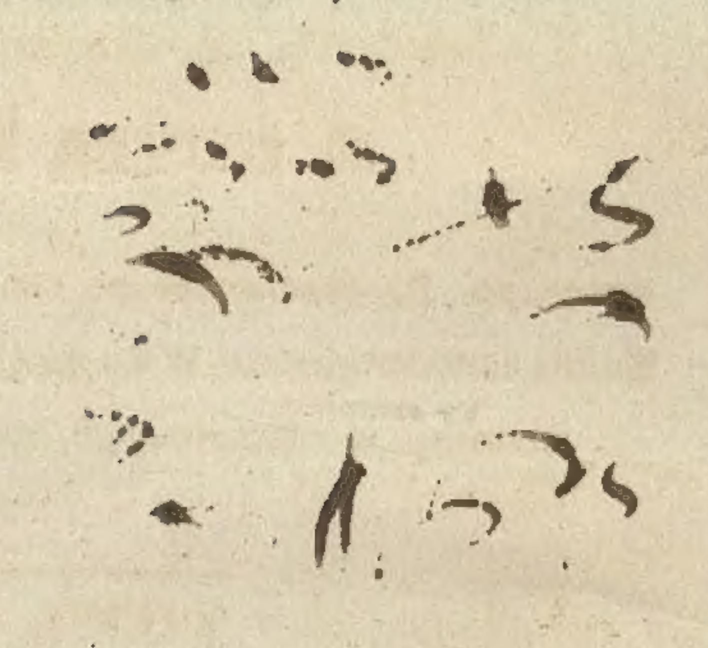
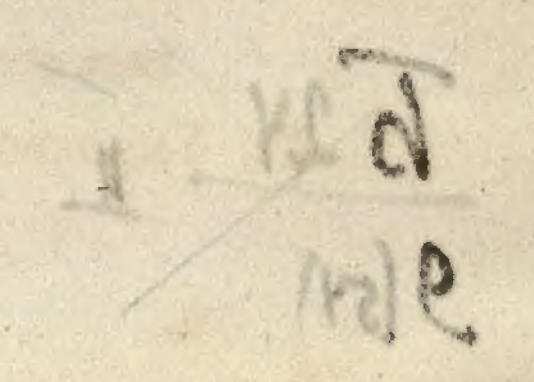

ИНДІЯ

ПОДЪ АНГЛІЙСКИМЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ.

ИНДІЯ

ПОДЪ

АНГЛІЙСКИМЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Барщу де Паноэна.

ПЕРЕВЕДЕНО СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПО ПОРУЧЕНІЮ И. В. ГОЛУБКОВА,

Русскаго Географическаго Общества Дѣйствительнаго Члена и Члена Соревнователя, Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Почетнаго Члена.

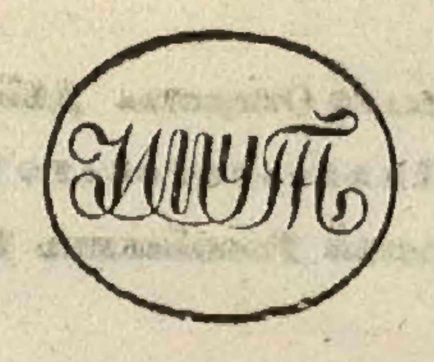
ТОМЪ ВТОРОЙ.

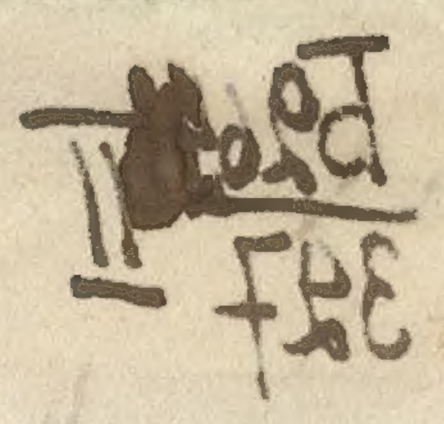
МОСКВА.
Въ Университетской типографіи.
1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 1849 года, Апрѣля 12-го дня.

Цензоръ В. Лешковъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

О военныхъ учрежденіяхъ.

ГЛАВА I.

Общій взглядъ на англо-индійскую армію.

Англо-индійская армія, какъ извѣстно, состоитъ изъ войскъ трехъ родовъ: изъ войскъ европейскихъ, принадлежащихъ къ королевской арміи, изъ войскъ европейскихъ, принадлежащихъ къ арміи компаніи, и изъ войскъ, набранныхъ изъ туземцевъ и управляемыхъ европейскими офицерами. Этотъ послѣдній родъ, самый многочисленный, собственно составляетъ основу индо-британской арміи. Два первые рода не болѣе, какъ вспомогательный корпусъ или резервъ.

Въ военномъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, положеніе англичанъ въ Индіи было таково, что исторія прошедшаго не представляетъ ни одного подобнаго примѣра.

Положеніе римлянъ въ древнемъ мірѣ, положеніе испанцевъ въ Америкѣ было совсѣмъ другое. Римляне обезпечивали себѣ повиновеніе завоеванныхъ народовъ, вводя въ ихъ земли войска, которыхъ вооруженіе, устройство, дисциплина упрочивали и поддерживали перевѣсъ. Племенное превосходство испанцевъ и огнестрѣльное оружіе еще болѣе содѣйствовали къ покоренію народовъ Америки. Положеніе англичанъ въ Индіи, по обстоятельствамъ, вышло совсѣмъ другое: повиновеніе покоренныхъ народовъ упрочено при помощи солдатъ, набранныхъ изъ среды этихъ самыхъ народовъ. Эти солдаты выправлены, пріучены къ службѣ, образованы поевропейски; они посвящены во всѣ тайны нашей военной организаціи. Духъ, характеръ различныхъ народовъ, изъ которыхъ Англія должна была набрать эту армію, еще болѣе затрудняли это насильственное дѣло. Это вовсе не были племена однородныя; онѣ принадлежали къ разнымъ поколѣніямъ, къ разнымъ религіямъ. Сначала дѣленіе огромное и древнее составляло изъ нихъ какъ будто два лагеря, двѣ непріятельскія арміи: на одной сторонѣ побѣдители, на другой побѣжденные. Послѣдніе раздѣлялись, подраздѣлялись на касты, на трибы, враждебныя одна другой, между которыми была бездна. Между браминомъ и судрою, между шактріемъ и вайсіемъ никакой связи не было и быть не мог-

ло: однакожъ всѣ, мусульмане и индусы, брамины, шактріи, вайсіи, судры соединились однимъ общимъ чувствомъ ненависти, отвращенія къ новымъ властителямъ Индіи. Сипай, бросающійся на пушки по приказанію своего начальника, считаетъ себя навѣкъ оскверненнымъ малѣйшимъ прикосновеніемъ этого начальника. Въ тысячу разъ скорѣе онъ согласится умереть, чѣмъ употребить пищу, которую готовилъ, до которой только дотронулся его начальникъ.

Изъ этихъ элементовъ. столь различныхъ, столь враждебныхъ другъ другу, Англіи удалось однакожъ создать, образовать многочисленную, страшную армію. Вотъ безъ сомнѣнія одна изъ самыхъ рѣдкихъ историческихъ проблеммъ, надъ которыми стоитъ подумать.

Но изученіе этого предмета интересно еще по другимъ причинамъ. Эта армія, изъ элементовъ столь разнородныхъ, есть настоящая основа англійскаго владычества въ Индіи. Изъ этихъ странныхъ матеріаловъ Англія успѣла выковать орудіе своего всемогущества, орудіе единственное, послужившее къ пріобрѣтенію и могущее послужить къ сохраненію этого всемогущества. По крайней мѣрѣ такъ единогласно говорятъ люди, на судъ которыхъ всего болѣе можно положиться.

„Эта имперія, говоритъ сэръ Джонъ Мэль-кольмъ, основана шпагою и можетъ быть сохранена только шпагою.“ (*)

Сэръ Джонъ часто обращается къ этому предмету. „Мы можемъ создать въ Индіи бѣдность или довольство, удовольствіе или негодованіе посредствомъ хорошаго или дурнаго правленія; мы можемъ своими политическими мѣрами уменьшить до безконечности всякую вѣроятность успѣха заговоровъ, довести почти до нуля ихъ начала; мы можемъ до извѣстной степени обезоружить враждебное расположеніе государей Азіи; но ни въ какомъ случаѣ, никакими средствами мы неможемъ надѣяться найдти, въ часъ опасности, помощь и опору въ массѣ индійскаго народонаселенія. Повиновеніе страдательное—вотъ все, что можетъ дать эта масса иностраннымъ властителямъ: да и это повиновеніе должно становиться менѣе вѣрнымъ по мѣрѣ того, какъ это народонаселеніе образуется подъ вліяніемъ новыхъ идей и чувствъ, которыя оно почерпнетъ въ сношеніяхъ съ нами. (**)

Сэръ Джонъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „опираясь на храбрость и вѣрность этой арміи

(*) Malcolm. Du gouvernement de l'Inde. Appendice, p. 187.
(**) ——— Idem, ibidem.

(т. е. туземной), до сихъ поръ непоколебимыя, мы смѣло можемъ приступать ко всякой реформѣ, ко всякому измѣненію въ другихъ отрасляхъ нашего правленія. Но не будь этой опоры нашего могущества, все зданіе нашей власти начнетъ колебаться Всѣ наши планы, всѣ предположенія, какъ бы ни были они хорошо разсчитаны, не поведутъ больше ни къ чему. Одно только слѣдствіе выйдетъ изъ нихъ—новое доказательство безумія, свойственнаго всѣмъ временамъ и состоящаго въ томъ, что питаютъ себя добрыми планами, совершенно пренебрегая наилучшія средства ихъ осуществленія, лишая себя всякой возможности привести ихъ въ дѣйствіе. (*)“

Въ другомъ мѣстѣ:„ безъ арміи это громадное зданіе, воздвигнутое такими трудами, начинаетъ колебаться въ основаніи, и непремѣнно обрушится при первой будущей бурѣ.“ (**)

Наконецъ: „всякій экономическій разсчетъ, всякое слишкомъ строгое приложеніе нашихъ административныхъ правилъ должно уступить необходимости поддерживать этотъ краеугольный камень нашего владычества. (***)“

(*) Malcolm. Polit. hist. t. 11. p. 226.
(**) Idem ibidem.
(***) Idem ibidem.

Войска туземныя, какъ мы сказали, составляютъ господствующую стихію этой арміи. Объ нихъ въ особенности хотѣлъ говорить приведенный нами историкъ. Войска европейскія никогда не могли составлять главной части арміи, ни даже достигнуть значительнаго числоваго отношенія къ туземнымъ. Однѣ издержки, гораздо болѣе значительныя и однакожь необходимыя, были бы достаточнымъ побужденіемъ къ ограниченію числа этихъ войскъ. Этого мало. Умноженіе ихъ произвело бы самое дурное дѣйствіе на войска туземныя, отняло бы у нихъ самоувѣренность, чувство ихъ силы, ихъ достоинства, все, что составляетъ воинскій духъ. А это есть единственное нравственное чувство, которое въ сердцѣ этихъ солдатъ можетъ бороться съ чувствомъ національности, столь могущественнымъ въ душѣ человѣка, съ которымъ положеніе дѣлъ поставляетъ ихъ въ борьбу.

Важность туземной арміи обнаружилась вполнѣ въ обстоятельствѣ крайне критическомъ для англійскаго владычества. Мы говоримъ о возстаніи велорскомъ, о которомъ еще будемъ говорить въ послѣдствіи. Полки туземной пѣхоты, возмутившись, перерѣзали большое число своихъ европейскихъ офицеровъ. Все показывало, что возмущеніе можетъ пойдти далеко, можетъ достигнуть Мадраса или Каль-

кутты. Но въ сосѣдствѣ находился полкъ кавалеріи, подъ командою полковника Джиллепси, получившаго знаменитое имя въ исторіи Индіи. Привязанность этихъ солдатъ къ ихъ начальнику восторжествовала надъ духомъ національности. Они не поколебались напасть на возмутителей. Не рѣшись они на это одну минуту, — что было бы неминуемо при другомъ начальникѣ, съ меньшимъ вліяніемъ, — ничто не остановило бы возстанія. Всѣ причины заставляютъ думать, что англійское владычество пресѣклось бы въ Индіи. Судьба имперіи несомнѣнно зависѣла отъ поведенія одного полка; поведеніе полка отъ характера человѣка, надъ нимъ начальствовавшаго. Страшно подумать, какая тонкая нить удерживала эту неизмѣримую массу на краю бездны.

Однакожъ мы уже сказали: самое свойство, всѣ возможныя соображенія всегда будутъ дѣлать туземныя войска главною частью арміи компаніи. Это самый любопытный предметъ для изученія съ тою цѣлію, какую мы себѣ предположили. Заняться арміею значитъ положить руку на существенную основу, на главную часть необыкновеннаго механизма этого правленія; это значитъ разсмотрѣть самыя основанія зданія, котораго вышина, странныя формы, необыкновенные размѣры поражаютъ зрителя удивленіемъ и изумленіемъ.

ГЛАВА II.

Взглядъ на военное устройство Великобританіи.

Англійская армія есть типъ, модель, по которой военное законодательство предположило устроить индо-британскую армію.

Англія, если позволено такъ выразиться, доставила форму, Индія вещество, долженствующее принять форму. Итакъ слѣдуетъ сначала обратить нѣкоторое вниманіе на военныя постановленія Великобританіи. Тогда только мы будемъ въ силахъ понять устройство арміи индо-британской, не всегда его оправдывая.

Англія, благодаря своему положенію на островѣ, одна изъ послѣднихъ государствъ въ Европѣ почувствовала потребность постоянныхъ войскъ. Карлъ II первый завелъ три полка пѣхоты и два эскадрона кавалеріи; до тѣхъ поръ короли англійскіе имѣли только тѣлохранителей. Въ воинственныя царствованія Вильгельма III и Анны, въ царствованіе, впрочемъ болѣе мирное, ихъ непосредственныхъ преемниковъ, этотъ зародышъ росъ, развивался непрерывно. При концѣ каждой континентальной войны законодательство опредѣляло уменьшеніе арміи: но эти уменьшенія обыкно-

венно были менѣе увеличенія, опредѣляемаго въ началѣ или въ продолженіи войнъ. Французская революція, заставившая Англію вмѣшаться больше, чѣмъ когда либо, въ дѣло континента, повела ее въ тоже время на этомъ пути къ быстрымъ успѣхамъ. Долго продолжавшаяся угроза французской высадки побудила ее пройдти это поприще до конца. Пришла минута, когда цѣлое народонаселеніе Великобританіи, подъ разными именами, вступило подъ знамена. Въ первые годы имперіи было время, когда Англія считала болѣе шести сотъ тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ, записанныхъ дѣйствительно въ линейныя войска, въ милицію волонтерами. Въ этотъ счетъ не входила армія въ Индіи. Такъ при грозѣ чуждаго нашествія на родную землю, въ виду союза европейскихъ государствъ, четырнадцать армій изникли нѣкогда изъ почвы нашей Франціи.

Раздѣленіе на два класса: на классъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ и на классъ офицеровъ, есть общій фактъ для всякой европейской арміи. Онъ имѣетъ основаніе въ самой сущности вещей. Во всякомъ случаѣ, нигдѣ оно такъ полно не было, такъ глубоко не укоренялось, какъ въ арміи англійской. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это раздѣленіе составляетъ главную, истинно характеристическую черту англійской арміи.

Для солдата принадлежавшаго къ народонаселенію трехъ королевствъ и добровольно вступившаго въ службу, (*) званіе унтеръ-офицера есть послѣдній предѣлъ; это самая высшая награда, представляющаяся его честолюбію. Счастіе, на своихъ прихотливыхъ крыльяхъ, конечно, выше подымало нѣкоторыхъ избранниковъ жребія: но эти примѣры столь рѣдки, что они скорѣе могутъ привести въ уныніе, чѣмъ ободрить къ соревнованію. Военный законъ не отнимаетъ у солдата и унтеръ-офицера права сдѣлаться офицеромъ. Но если эта демаркаціонная линія не означена въ военномъ кодексѣ, то, въ замѣнъ этого, она существуетъ въ правахъ и идеяхъ народа. Здѣсь заключается вѣчное препятствіе для англійскаго солдата воспользоваться дарами законодателя. То, что въ этомъ отношеніи происходитъ въ Англіи, совершенно противоположно тому, что было во Франціи при прежнихъ короляхъ. Тогда у насъ обязанность держать экзамены на офицерскія должности установляла формально это раздѣленіе въ военномъ законѣ, между тѣмъ какъ народный духъ изглаживалъ его каждую минуту. Англійское племя представляетъ ту особенность характера, что умѣетъ подбирать въ своихъ законахъ то, что бросаетъ безжалостнѣйшимъ

(*) На семь лѣтъ въ пѣхотѣ и на двѣнадцать въ артиллеріи.

образомъ въ своихъ обычаяхъ. Такъ мы видѣли, что Америка провозгласила въ своихъ кодексахъ равенство племенъ чернаго и бѣлаго, и въ тоже время угнетала первое фактическимъ первенствомъ, можетъ статься, болѣе невыносимымъ. Это похоже на то, что дѣлается въ Англіи въ отношеніи къ офицеру и солдату.

Два класса, составляющіе англійскую армію, могутъ быть разсматриваемы, какъ совершенно различные, совершенно отдѣленные другъ отъ друга. При непрерывномъ соприкосновеніи, они однакожъ никогда не смѣшиваются. Можно бы было сказать, что они принадлежатъ къ двумъ различнымъ народамъ, раздѣленнымъ, при видимомъ соприкосновеніи, бездною, которую невозможно перейдти. Слова Людовика XVIII къ молодымъ рекрутамъ: „дѣти! у каждаго изъ васъ маршальскій жезлъ въ сумѣ“, — эти слова не имѣли бы смысла для солдатъ англійскихъ. Это обстоятельство, болѣе, чѣмъ нѣкоторыя подробности организаціи, существенно розпитъ англійскую армію отъ всякой другой арміи европейской.

Офицеры линейнаго войска считались нѣкогда владѣльцами недвижимой собственности. Англіи нечего было страшиться внѣшняго врага. Ревнивая къ своей свободѣ, недовѣрчивая къ правительству, она боялась видѣть оружіе

въ другихъ рукахъ, а не въ тѣхъ, для которыхъ выгодно сохраненіе порядка и свободы; она страшилась того, что постоянная армія можетъ сдѣлаться орудіемъ деспотизма и угнетенія. Отсюда продажность должностей, изгнанная теперь изъ всѣхъ армій Европы и остающаяся въ одной арміи британской. Первое званіе, т. е. прапорщика въ пѣхотѣ и корнета въ кавалеріи, покупается безъ выполненія какихъ бы ни было условій со стороны того, кто его получаетъ; дальше всякій кандидатъ на высшее званіе можетъ купить право на него только тогда, когда прослужитъ извѣстное число лѣтъ въ званіи, непосредственно ему предшествующемъ. Деньги не менѣе остаются очень дѣятельнымъ двигателемъ повышенія. Офицеръ богатый, принадлежащій къ сильной фамиліи, остается въ каждомъ званіи никакъ небольше строго опредѣленнаго числа лѣтъ, чтобы получить право идти выше.

За то выше чина подполковника старшинство службы становится единственною пружиною повышенія. Офицеръ идетъ выше только въ свою очередь и не иначе какъ въ свою очередь. Съ чисто военной точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, эта система противна той, какую слѣдовало бы принять. Самыя высшія должности суть самыя важныя, самыя трудныя для выполненія; не всѣ офицеры къ нимъ

способны. Но въ этомъ порядкѣ виденъ тотже самый аристократическій духъ, который учредилъ продажность должностей низшихъ; онъ виденъ, говоримъ мы, даже при кажущемся противорѣчіи. Посредствомъ денегъ, при помощи кредита, аристократія быстро проводитъ черезъ первыя должности, до должности подполковника включительно, членовъ своихъ семействъ или своихъ кліентовъ, избравшихъ для себя военную службу. Достигши этого званія, эти господа уже между своими, у себя. Отсюда принципъ старшинства въ повышеніи.

Этотъ же самый аристократическій духъ создалъ для полковниковъ англійской арміи положеніе, какого нѣтъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ. Въ этой арміи полковникъ полка не обучаетъ его, не командуетъ имъ, не является съ нимъ предъ непріятелемъ. Это генералъ всегда отсутствующій, можетъ быть, никогда не являвшійся передъ полкомъ, ведущій съ нимъ сношенія административныя очень простыя и особенно менѣе всего военныя. Онъ получаетъ отъ правительства извѣстную сумму, назначенную для обмундировки полка, вступаетъ для этого въ торги съ поставщиками, извлекая свои выгоды изъ разности суммъ получаемыхъ и выдаваемыхъ. Нельзя представить себѣ системы болѣе ненавистной, хотя, безъ сомнѣнія, практика поправила въ ней нѣкоторыя

злоупотребленія. Отсюда неудовольствія солдатъ, отсюда низшее качество одежды — источникъ богатства полковниковъ; отсюда въ англійской арміи надѣлѣ недостаетъ чина полковника, чина, признаннаго существенно необходимымъ во всѣхъ другихъ европейскихъ войскахъ. Но генералы сами члены аристократіи или въ связи съ нею: такимъ образомъ всѣ военныя потребности принесены въ жертву потребности упрочить для каждаго изъ нихъ богатѣйшее содержаніе, великолѣпнѣйшее обезпеченіе.

Въ подробностяхъ своего устройства, англійская пѣхота и кавалерія мало отличаются отъ пѣхоты и кавалеріи другихъ армій материка. Это и не могло быть иначе. Военное устройство есть образованность въ другой формѣ: а не видимъ ли мы, что образованность повсюду обычаи, привычки, характеры, народные костюмы стремится сдѣлать тождественными, однообразными.

Англійская пѣхота спокойна, молчалива, послушна, умѣренна въ своей стремительности, одарена удивительнымъ хладнокровіемъ. Въ дѣлѣ она безъ малѣйшаго смущенія дастъ раздробить себя ядрами, не закашляется, не оглянется назадъ. Она вкореняется въ почвѣ; подобно нѣкоторымъ сильнымъ деревьямъ, она

углубляется въ ней тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе буря. Она идетъ подъ картечью въ строгомъ и неразрывномъ порядкѣ. Подобно пѣхотѣ русской, прусской, французской, она строится въ бою въ три шеренги, но не боится строиться въ двѣ, даже противъ кавалеріи. Въ сраженіи она начинаетъ общимъ залпомъ, за которымъ слѣдуетъ хорошо поддерживаемый бѣглый огонь. Она смѣло идетъ на непріятеля въ штыки, и, остановленная въ этомъ движеніи, ворочается въ строгомъ порядкѣ, чтобы выдержать атаку угрожающую съ тылу. Съ другой стороны она тяжела, медлительна, мало обучена, нѣтъ ни общности, ни стройности въ ея движеніяхъ, тратитъ безъ мѣры и не умѣетъ удовлетворить своимъ нуждамъ. Она неспособна къ быстрымъ, смѣлымъ, громящимъ маневрамъ прусской пѣхоты при Фридрихѣ, французской при Наполеонѣ.

Кавалерія англійской арміи не можетъ сравниться достоинствомъ съ пѣхотой. Англійская лошадь, превосходная для бѣга и охоты, вовсе не такова для войны. Лопатки у ней сжаты, она тугоузда и это мѣшаетъ ей останавливаться или поворачиваться во время. Столь же безстрашный, какъ и пѣхотинецъ, англійскій всадникъ, по командѣ своего начальника, пускаетъ лошадь во весь опоръ. Въ виду самаго страшнаго каре, самыхъ убійственныхъ

батарей, онъ не поколеблется, не остановится, не уменьшитъ бѣгу. Но это страдательное послушаніе, удивительное для защиты, не столь удовлетворительно для атаки. Часто англійскій всадникъ не выполняетъ своего назначенія, то не достигая цѣли, то переходя за цѣль. Съ той поры, какъ ряды кавалеріи будутъ разорваны непріятельскимъ огнемъ или безпорядкомъ бѣга, всадникъ теряетъ всю бодрость. Онъ не умѣетъ управлять лошадью, чтобы извертываться, чтобы оборачиваться разомъ во всѣ стороны, какъ легкій гусаръ Богеміи или Венгріи, ни дѣйствовать саблею, какъ кавалеристъ русскій или французскій. Дальше онъ рубитъ, а не колетъ, угрожаетъ лицу, но щадитъ грудь врага.

Англійская артиллерія часто была предметомъ удивленія непріятелей. „Въ битвѣ, по выраженію одного изъ нашихъ военныхъ писателей, дѣйствія англійскихъ артиллеристовъ обдуманы, взглядъ вѣренъ, храбрость достойна героевъ." (*) Способъ сражаться, принятый вообще англійскими генералами, не много страдательный, какъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ, не даетъ однакожь ихъ артиллеріи такой важности, какую имѣла она въ арміяхъ имперіи. Это было всемощное орудіе, посред-

---

(*) Foy. Guerres de la Pèninsule, t. 1. p. 294.

ствомъ котораго Наполеонъ дѣлалъ свой прорывъ, свою широкую брешь, въ которую онъ спѣшилъ пустить массы кавалеріи или пѣхоты. Въ своихъ войнахъ на полуостровѣ Англія употребляла не болѣе двухъ орудій на тысячу человѣкъ: въ арміяхъ континента употребляется гораздо болѣе. (*) Въ 1793 г. англійская артиллерія составила изъ своихъ возчиковъ военный корпусъ: улучшеніе, позднѣе не скопированное, но вновь созданное во Франціи, (**) и все таки съ большимъ превосходствомъ. Корпусъ англійской артиллеріи состоитъ изъ одного полка; но изъ десяти баталіоновъ, каждый въ десять ротъ, по сту двадцати человѣкъ, кромѣ того одной ротѣ конной артиллеріи на каждый баталіонъ. Отряды этого полка доставляютъ артиллерію во всѣ англійскія арміи въ Индіи, въ Америкѣ, въ Европѣ; можно сказать, онъ наполняетъ міръ.

Военные инженеры составляютъ рѣшительно слабую часть англійской арміи. Неимѣніе

(*) Въ бородинскомъ сраженіи съ каждой стороны было въ дѣйствіи отъ пяти до шести сотъ пушекъ.

(**) Можетъ быть, нѣтъ подробности болѣе любопытной, какъ постепенное устройство воженія артиллеріи, которое изъ толпы возчиковъ, сдѣлало отборный корпусъ, окончательно слившійся съ самой артиллеріей.

крѣпостей въ самой Великобританіи есть, можетъ быть, причина этой слабости. Впрочемъ достоинства, также какъ и недостатки характера націи, обнаруживаются въ относительномъ превосходствѣ различныхъ родовъ оружія національной арміи; конечно не всѣ роды одинаково хороши. Вѣрно одно, что англійскіе инженеры оказывались всегда ниже инженеровъ другихъ европейскихъ войскъ. Иногда они бьютъ въ брешь на разстояніи, на которомъ ядро не можетъ сдѣлать пятна на камнѣ; иногда проливаютъ волны дорогой крови для бреши, которой они не съумѣли ни какъ слѣдуетъ сдѣлать, ни достаточно развѣдать. (*)

Служащіе въ главномъ штабѣ не составляютъ въ Англіи, какъ въ Германіи или во Франціи, отдѣльнаго корпуса. Впрочемъ надо признаться, что выраженіе приказовъ, всегда ясное и положительное, вознаграждаетъ отчасти это неудобство. (**)

Военная администрація, оказавшая огромныя услуги нашимъ войскамъ во время рево-

---

(*) Осады Бадайоза, Бгуртпура и пр.

(**) Обязанности нашего начальника штаба въ Англіи раздѣлены между двумя офицерами: генералъ адъютантомъ

люціи и имперіи, не существуетъ, такъ сказать, въ англійскихъ войскахъ и мало тамъ уважается. Послѣдніе континентальныя войны англичанъ не заставили ихъ почувствовать всю ея важность. Англійская армія въ Испаніи и Португаліи жила въ изобиліи среди странъ, жители которыхъ томились голодомъ. Море, покрытое судами Англіи, доставляло произведенія цѣлаго свѣта для пользы тѣхъ изъ ея сыновъ, которые сражались за нее въ Испаніи и Португаліи. На бивуакахъ Ла-Манхи и Аррагоніи англійскія лошади ѣли сѣно луговъ Йоркшира; люди питались мукой, привезенной съ большими издержками изъ Америки. Англійская армія была

и генералъ квартирмейстеромъ: раздѣленіе удерживаемое дома и за границей. Одинъ изъ адъютантовъ командующаго генерала исполняетъ обязанности военнаго секретаря, раздѣленіе неудобное для служебной дѣятельности, но удобное для главнокомандующаго, котораго оно освобождаетъ отъ многихъ подробностей. Коммиссаріатъ обязанъ заботиться о продовольствіи: онъ производитъ торги, собираетъ реквизиціи, выдаетъ провіантъ. Но общность англійскаго устройства отнимаетъ у него всякій вѣсъ. Внутри государства способъ управленія полками отнимаетъ у нихъ все, за границей деньги метрополіи дѣлаютъ для нихъ все удобнымъ. Впрочемъ они мало воевали на твердой землѣ, имѣли мало случаевъ обнаружить свои административныя способности. Въ Испаніи нечего было взять со страны и золото было въ изобиліи въ рукахъ англичанъ.

немногочисленна, море свободно, безчисленныя суда обязаны кормить ее, золото неистощимо. Но это не всегда могло быть такъ. Недостатокъ умѣнья пользоваться средствами покоренной страны могъ поставить, при другихъ обстоятельствахъ, английскую армію много ниже другихъ. Всякое устройство арміи должно имѣть въ основаніи дѣятельную и могущественную систему военной администраціи.

Управленіе военно-судными дѣлами ввѣрено корпусу гражданскихъ чиновниковъ.

Ихъ глава, пребывающій въ Лондонѣ съ титуломъ генералъ-судьи-адвоката, имѣетъ подчиненныхъ во всѣхъ арміяхъ. Ихъ обязанность изслѣдовать проступки офицеровъ и солдатъ, требовать созванія военныхъ судовъ и пр. Они тоже, что публичное министерство. Военные полковые суды судятъ проступки тогоже рода, съ меньшею торжественностью, но также независимо. Во время войны старшій офицеръ (prévot) обходитъ окрестности лагерей, является тамъ и здѣсь, на флангахъ и въ тылу колоннъ, онъ имѣетъ власть вѣшать на мѣстѣ, безъ дальнѣйшихъ судебныхъ формъ, воровъ, дезертеровъ и пр. право безъ сомнѣнія страшное, если бы оно приводилось въ дѣйствіе, но въ окончательномъ результатѣ оно не болѣе, какъ полезное пугало.

Въ замѣнъ того наказаніе плетью, изгнанное издавна изъ гражданскаго законодательства Англіи, безславитъ до сихъ поръ ея военный кодексъ. Къ стыду прошедшихъ временъ, временъ смягченія всеобщаго законодательства, этотъ законъ вписанъ въ кодексъ столь же кровавыми буквами, какъ и въ первый день своего изданія. Не разъ приводили его въ исполненіе съ такой суровостью, что это исполненіе влекло за собой смерть преступника.

Англійскій офицеръ, по этому званію, зависитъ отъ произвола короля, Одинъ обычай, а не право, не законъ, гарантируетъ ему сохраненіе его мѣста. Послѣ сорока лѣтъ службы, генералъ лейтенантъ можетъ быть отставленъ безъ малѣйшаго награжденія, безъ всякихъ предуготовительныхъ формальностей. Права короны касательно этого пункта были уважаемы англійскими публицистами даже въ самыхъ капризахъ. Оппозиція однажды подняла большой шумъ за отставку офицера. Долго Питтъ отказывался отъ объясненій, отзываясь незнаніемъ причинъ принятой мѣры. Однакожь наконецъ рѣшился. „Ну, господа, сказалъ онъ, я говорю: наружность этого офицера имѣла несчастіе не понравиться его величеству.“ Притворяясь защитникомъ права, даже до самаго смѣшнаго его злоупотребленія, Питтъ хотѣлъ

показать, какъ неприкосновенно было право само въ себѣ. Дѣло тѣмъ и кончилось.

Въ походѣ недостатокъ подвижности есть большое несовершенство англійскихъ армій. Онѣ идутъ огромными колоннами, неумѣренно удлиненными и обремененными багажемъ. Сначала боевыя войска, потомъ длинные, безконечные обозы съ кухонными сосудами, которые нашъ солдатъ преспокойно вѣшаетъ на плечахъ; потомъ экипажи корпуса, палатки, отдѣльная поклажа офицеровъ; посуда, обѣденный приборъ каждаго полка, хлѣбъ, котораго французъ несетъ на четыре дня, англичанинъ рѣдко даже на одинъ; лошади и мулы офицеровъ: одинъ подпоручикъ часто содержитъ ихъ нѣсколько; потомъ множество женщинъ и дѣтей: ибо бракъ не только не запрещенъ, но даже ободряется въ англійской арміи; потомъ еще другія колонны возовъ съ громоздкими вещами арміи, съ мукою, съ крѣпкими напитками ипр. Благодаря этому бремени, благодаря трудности остановки на извѣстномъ мѣстѣ, видали, что англійская армія, при назначенныхъ ускоренныхъ переходахъ, приходила къ двумъ часамъ по полудни на мѣсто ночлега и не думала дѣлать ни шага впередъ.

Лишенная средствъ извлекать выгоды изъ проходимой земли, за недостаткомъ админи-

страціи, англійская армія остается тамъ чужою по правамъ, по привычкамъ людей, ее составляющихъ, по недостатку въ нихъ сочувствія, скажемъ лучше, по гордому презрѣнію ко всему тому, что есть иностранное. Не образуется никакой связи между нею и жителями. Съ другой стороны въ ней нѣтъ легкихъ войскъ, могущихъ доставлять свѣдѣнія, какъ партизаны войскъ прусскихъ, венгерскіе гусары, а особенно безчисленные казаки въ русскихъ арміяхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что она маневрируетъ какъ бы съ завязанными глазами, ощупью.

Впрочемъ стойкость, энергія, слѣпое повиновеніе солдатъ, личное сознаніе своего достоинства у каждаго офицера, чувство долга у всѣхъ—богато вознаграждаютъ за эти невыгоды.

Въ походѣ англійская армія напомнитъ вамъ, можетъ статься, армію Дарія; на полѣ битвы передъ вами солдаты Александра.

ГЛАВА III.

О происхожденіи войскъ туземныхъ; ихъ подраздѣленіе на три арміи: калькуттскую, мадрасскую и бомбейскую. Характеристическія черты каждой изъ нихъ.

Войска индо-британской имперіи подраздѣляются на три арміи: калькуттскую, мадрасскую и бомбейскую.

Устройство всѣхъ трехъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ подробностей, во всемъ одинаково. По тѣмъ не менѣе различныя племена, изъ которыхъ онѣ набираются, даютъ каждой изъ нихъ отличительный характеръ, весьма любопытный для наблюденія. Не менѣе любопытно бросить взглядъ на политическія событія, на обстоятельства, отъ которыхъ и среди которыхъ эти арміи получили свое начало.

Съ самаго основанія первыхъ учрежденій въ Индіи, европейцы пользовались извѣстнымъ числомъ туземцевъ для охраненія магазиновъ, для конвоированія купеческихъ обозовъ; ихъ называли пеонами. Со дня на день они становились многочисленнѣе. Имъ дали начальни-

ковъ; ихъ подвергли особому роду дисциплины. Нѣсколько послѣ стали называть ихъ новымъ именемъ: поанглійски sepoys, по Французски cipayes, сипаи, отъ Индійскаго слова *cipahi*, солдатъ, воинъ. Ружье, короткая кривая сабля, щитъ составляли ихъ вооруженіе, чалма, полукафтанье и широкія панталоны—платье и головной уборъ. Они оказались вѣрными, храбрыми, преданными, во всѣхъ родахъ службы, въ какіе ихъ употребляли. Дюпле первый понялъ всю выгоду, какую онъ могъ извлечь изъ нихъ для великихъ предпріятій, ознаменовавшихъ его управленіе. Онъ началъ употреблять ихъ въ большемъ числѣ, чѣмъ его предшественники Однакожь ничто не возвѣщало еще важной роли, какую они стали играть немного послѣ въ исторіи полуострова.

Около половины XVIII вѣка была минута, когда англійское владычество въ Индіи чуть не было подавлено въ корнѣ. Коромандельскій берегъ былъ тогда театромъ великой борьбы между Франціею и Англіею. Французское знамя побѣдоносно вѣяло на стѣнахъ Мадраса. Роковыя неудовольствія между Дюпле и Ла-Бурдонне были единственною причиною спасенія нашихъ противниковъ. Но,—вещь странная,—въ ту самую минуту, когда англійское владычество готово было уничтожиться, такъ сказать, еще не родившись, подъ пушками Ла-Бур-

доне, среди разрушающихся стѣнъ Мадраса, родилось учрежденіе, которое долженствовало покорить подъ власть Великобританіи весь индійскій полуостровъ.

Европейскія войска компаніи были очень малочисленны въ Мадрасѣ, во время осады этого города. Губернаторъ попытался извлечь для компаніи выгоду изъ туземцевъ. Онъ назначилъ начальниками надъ ними молодыхъ англичанъ, бывшихъ въ городѣ въ качествѣ волонтеровъ. Изъ числа сихъ послѣднихъ одинъ гражданскій чиновникъ, по имени Галибуртонъ (*) оказалъ большую способность къ дѣламъ такого рода. Онъ назначенъ былъ поручикомъ. Въ слѣдующемъ году президенство ввѣрило ему для образованія и обученія поевропейски корпусъ туземцевъ изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Онъ исполнилъ это порученіе съ такимъ же успѣхомъ, и съ этой минуты число туземныхъ войскъ возрастало съ году на годъ. Туземные государи, союзники европейцевъ, отдавая свои собственныя войска въ распоряженіе послѣднихъ, тѣмъ самымъ придали обширное развитіе учрежденію. Галибуртонъ управлялъ первыми опытами: но ему не суждено было избѣжать почти общей судьбы всѣхъ людей, сдѣлавшихъ великія нововведенія; онъ не видалъ

(*) Malcolm, Politic. histor. t. II. p. 195.

и, можетъ быть, самъ не понялъ — сей важности своего дѣла.

Однажды случилось ему въ полномъ парадѣ сдѣлать нѣсколько упрековъ одному изъ сипаевъ. Раздраженный несправедливостію укоризны, или, можетъ быть, одной ея формой, послѣдній поразилъ его саблею или штыкомъ. Галибуртонъ умеръ на слѣдующій день, но его убійца предупредилъ его въ могилѣ; его собственные товарищи, соотечественники, бросившись на него единодушно, убили его на самомъ мѣстѣ преступленія. (*) Такимъ образомъ, — это съ гордостію замѣчаютъ англійскіе военные историки, — сипаи въ самомъ началѣ обнаружили двѣ отличительныя черты своего характера: чувствительность въ дѣлѣ чести и безграничную преданность къ начальникамъ, заслужившимъ ихъ довѣренность.

И такъ Галибуртонъ можетъ по справедливости считаться основателемъ мадрасской арміи, а до извѣстной степени даже творцемъ индо-британской арміи. Въ этомъ значеніи его имя осталось народнымъ между солдатами коромандельскаго берега. И теперь еще объ немъ говорятъ въ казармахъ и на бивуакахъ: солдаты Индіи, подобно солдатамъ Европы, охот-

---

*) Депеша совѣта крѣпости св. Георга, 2 сент. 1748.

ники передавать свои разсказы изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Офицеры бомбейской арміи старались доказать, что первенство учрежденія и употребленія туземныхъ войскъ принадлежитъ бомбейскому президенству. Но общее мнѣніе, какъ мы уже говорили, приписываетъ его президенству мадрасскому. Впрочемъ при подобныхъ обстоятельствахъ естественно думать, что одно и тоже учрежденіе явилось почти въ одно время во всѣхъ трехъ президенствахъ. Во всякомъ случаѣ, оно скоро привилось въ Бомбеѣ и Калькуттѣ, также хорошо и съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ Мадрасѣ.

Бомбей, при всемъ томъ, что онъ былъ первымъ мѣстомъ въ Индіи, гдѣ англичане пріобрѣли нѣкоторую территоріальную власть, не имѣлъ въ эту эпоху такой важности, какъ Мадрасъ и Калькутта; во всякомъ случаѣ вѣрно, что съ 1747 года два корпуса сипаевъ, правда, не такъ хорошо устроенные, какъ войска Галибуртона, вышли одинъ изъ Бомбея, другой изъ Теллчерри и соединились въ Карнатикѣ съ мадрасской арміей. Десять лѣтъ спустя, нѣсколько отрядовъ бомбейской арміи принимали еще участіе въ знаменитой битвѣ плессійской.

Калькуттское президенство было театромъ событій современныхъ тѣмъ, которыя происходили на коромандельскомъ берегу и вовсе не уступали имъ въ важности. Здѣсь возгорѣлась ожесточенная и нѣсколько времени сомнительная борьба между англійскимъ правительствомъ и набобомъ бенгальскимъ. Англичане не замедлили воспользоваться всѣми своими средствами. Они употребили туземныхъ солдатъ, обученныхъ поевропейски. (*) Именно съ бенгальскими сипаями Клейвъ совершилъ часть великихъ дѣлъ, послужившихъ къ основанію имперіи. Въ битвѣ при Плесси сипаи составляли наибольшую часть его силъ. Баталіоны бенгальской арміи продолжали долгое время называться именами ихъ первыхъ начальниковъ. Эти имена замѣнены впослѣдствіи простыми нумерами, при замѣтномъ неудовольствіи солдатъ. Такая же перемѣна и также, можетъ быть, съ неудовольствіемъ была сдѣлана во Франціи. Кто не пожалѣетъ объ этихъ именахъ нашихъ старыхъ полковъ, именахъ, которыя дѣлали изъ нихъ существо дѣйствительное, живое, недѣлимое: Шампань, Пи-

(*) Спачала были образованы два баталіона; вскорѣ потомъ и другіе по томуже образцу. Солдаты перваго назывались *Красными мундирами* по цвѣту ихъ платья, или Галисъ по имени перваго командира: солдаты втораго, по имени командира, *Матью*.

кардія, Ангумоа и пр. Капитанъ Вилліамсъ, офицеръ бенгальской арміи, сдѣлался ея историкомъ. Пріятно слѣдить съ нимъ вмѣстѣ за ея походами, побѣдами, превратностями, возмущеніями, однимъ словомъ, за всѣми измѣненіями въ жизни этихъ искателей приключеній:

Мадрасская армія составлена изъ людей, то выше, то ниже средняго роста, за то дѣятельныхъ, бодрыхъ. Они ознаменовали себя способностію переносить тяжкіе труды. Они всегда отличались привязанностью, преданностью къ своимъ офицерамъ, вѣрностью, почти неслыханною, къ своему знамени. Побѣгъ, не смотря на снисходительность судопроизводства по этимъ дѣламъ, здѣсь почти неизвѣстенъ. Баталіоны этой арміи переходили много разъ огромныя разстоянія, не оставивши назади ни одного человѣка. (*)

Мадрасская армія набирается изъ мусульманъ и индусовъ; послѣдніе обыкновенно принадлежатъ къ высшимъ кастамъ. Прежде достаточно было для набора членовъ однихъ самыхъ

(*) Напримѣръ первый баталіонъ третьяго полка туземной пѣхоты, вышедши изъ Мадраса въ 1803 г., достигъ береговъ Тантіи, и т. обр. прошелъ тысячу миль. Онъ не оставилъ въ Мадрасѣ ни одного сипая, хотя всѣ почти были изъ окрестностей города.

высшихъ военныхъ сословій, хотя вступленіе въ армію было открыто для туземцевъ всѣхъ классовъ. Но въ этомъ отношеніи дѣла скоро и сильно измѣнились. Много солдатъ поступаетъ теперь изъ классовъ самыхъ низшихъ: изъ нихъ составлены цѣлые корпуса, которые порой заслуживали высокую воинскую славу. Впрочемъ англійское правительство не поддерживаетъ этихъ людей: оно боится, чтобъ не вышло изъ этого отвращеніе и неуваженіе къ военной службѣ въ духѣ высшихъ классовъ. Съ тайнымъ прискорбіемъ оно видитъ, что должности офицеровъ становятся достояніемъ самыхъ низшихъ членовъ индусскаго общества; можетъ быть впрочемъ, въ этомъ случаѣ оно увлекается столько же своими собственными предразсудками, какъ и предразсудками туземцевъ. Но, какъ мы увидимъ ниже, не отъ него зависитъ воспрепятствовать этому ходу дѣлъ. (*)

Армія бомбейская отъ своего начала и до нашего времени набиралась также во всѣхъ классахъ туземнаго народонаселенія. Здѣсь болѣе, чѣмъ въ Мадрасѣ, правительство вынуждено было пожертвовать необходимости своими тайными побужденіями. Мусульмане, индусы

(*) *Malcolm.* Government of India etc. p. 202-5. Парламентское слѣдствіе.

всѣхъ классовъ, даже жиды доставляютъ свой участокъ рекрутъ для этой арміи. Члены низшихъ сословій, часто самыхъ низшихъ между индусами, находятъ себѣ здѣсь работу; воинственныя и аристократическія трибы Раджпутна имѣютъ здѣсь только небольшое число представителей: за то жиды нашли здѣсь себѣ мѣсто, въ которомъ вообще всюду имъ отказано. Довольно часто они достигаютъ офицерскихъ мѣстъ. Одинъ военный писатель высшаго сословія, приведенный сэръ-Джономъ Мэлькольмомъ, который самъ раздѣляетъ это мнѣніе, говоритъ объ нихъ: „жиды чистоплотны, послушны, хорошіе солдаты; изъ нихъ выходятъ хорошіе унтеръ-офицеры и офицеры, по крайней мѣрѣ, прежде достиженія старости, потому что тогда они предаются пьянству." Свидѣтельство важное въ томъ отношеніи, что мы видимъ почти совсѣмъ противное въ Европѣ. Здѣсь, какъ намъ кажется, нигдѣ не замѣчено, чтобъ жиды оказали значительную способность къ военной службѣ и еще менѣе къ чистоплотности.

Бомбейскій сипай такого же роста, какъ и мадрасскій, также силенъ, смѣлъ, способенъ къ перенесенію величайшихъ трудовъ и также трезвъ. Отличіе отъ солдатъ обоихъ другихъ президентствъ состоитъ въ томъ, что бомбейскій солдатъ никогда не обнаруживалъ отвраще-

нія къ переѣздамъ водою. Причина этой особенности заключается въ самомъ свойствѣ набора. Онъ производится, какъ сказано выше, въ низшихъ классахъ. Оттого нѣкоторые изъ солдатъ исключительно могутъ подвергаться лишенію воды и оскверненіямъ всякаго рода, которыхъ нельзя избѣжать на морѣ и которыя въ высшихъ классахъ влекутъ за собой потерю касты. Темная сторона картины въ томъ, что побѣгъ нѣкогда былъ чаще въ этой арміи, чѣмъ въ обѣихъ другихъ, — обстоятельство, объяснявшееся впрочемъ довольно естественно сосѣдствомъ владѣній маратскаго союза. Ибо, прежде подпаденія этого союза подъ британское владычество, дезертёры находили въ его владѣніяхъ убѣжище легко и вѣрно. Малѣйшее неудовольствіе, которое былъ необходимо долженъ переносить сипай другихъ армій, въ Бомбеѣ было достаточною причиною оставить знамена.

Бенгальская армія содержитъ въ своемъ составѣ болѣе аристократическихъ элементовъ, чѣмъ арміи другихъ президенствъ. Она набирается главнымъ образомъ изъ магометанъ и воинскихъ трибъ раджпутскихъ. Магометане почти исключительно поступаютъ въ кавалерію, индусы, большею частію раджпуты, въ пѣхоту.

Подъ англійскимъ знаменемъ эти раджпуты продолжаютъ гордиться воинственною не-

зависимостью своихъ предковъ. Подвиги древнихъ героевъ ихъ племени — обыкновенные предметы ихъ народныхъ преданій, ихъ національныхъ пѣсенъ. Это первыя слова, которыя мать заставляетъ лепетать ребенка. Въ маханіи саблей, въ метаніи копья, въ стрѣльбѣ изъ ружья и пистолета состоятъ его первыя игры. Достигши мужескаго возраста, онъ никогда не забываетъ первыхъ впечатлѣній своего дѣтства. Когда земледѣлецъ правитъ плугомъ, шпага и щитъ его висятъ на сосѣднемъ деревѣ. Подъ знаменами онъ отличается безстрашіемъ, удивительнымъ для всѣхъ, которымъ удалось быть свидѣтелями. Иногда у него недоставало постоянства въ продолжительныхъ усиліяхъ, необходимыхъ въ долговременной войнѣ: но, лицемъ къ лицу съ какою нибудь опасностью, никогда онъ не являлся слабымъ или нерѣшительнымъ. Презрѣніе къ смерти, охота бороться съ нею въ немъ вещи совершенно естественныя. Истощенный трудомъ и нуждою, раджпутскій солдатъ иногда отказывался сражаться дольше: но даже тогда видали, что онъ ожидалъ смертельнаго удара съ безстрастнымъ самоотверженіемъ.

Если магометане съ своей стороны уступаютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ высшимъ племенамъ раджпутскимъ, за то они, какъ солдаты, много выше индусовъ низшихъ кастъ.

Они не такъ легко покоряются дисциплинѣ, но вознаграждаютъ этотъ недостатокъ смѣлостью, отважностью, предпріимчивостью даже до безразсудства.

Коротко, нельзя было составить военнаго единства, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе выгоднаго, чѣмъ это смѣшеніе двухъ племенъ, составляющихъ бенгальскую армію. Достоинства и недостатки обоихъ уравновѣшиваются и пополняются взаимно. Но самое превосходство элементовъ, составляющихъ бенгальскую армію, не могло порой не быть вреднымъ. Раджпуты суть племя существенно воинственное, не забывшее ничего въ своей исторіи; они доставляютъ англійской арміи отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ и могли бы доставить вдвое. У этихъ солдатъ религіозные предразсудки индусовъ сохранились во всей силѣ. Итакъ случись, что эти предразсудки будутъ раздражены, какимъ бы то ни было образомъ, англичанами, раджпутскіе солдаты, удалившіеся изъ службы, и солдаты въ ней состоящіе, могли бы соединиться одной цѣлью мщенія или защиты. Мусульмане, также не забывшіе своей исторіи, вспоминающіе, что они начальствовали тамъ, гдѣ теперь повинуются, не преминули бы къ нимъ присоединиться. Близость и огромность опасности, которая бы угрожала тогда англійскому владычеству, по истинѣ неисчи-

слимы. Созданное шпагою, какъ съ гордостію любятъ говорятъ англичане, поддержанное шпагою, кто ручается — не падетъ ли это владычество отъ шпаги?

Арміи трехъ президенствъ, первоначально явившіяся при одинаковыхъ обстоятельствахъ, продолжая набираться каждая отдѣльно, достигли однакожь однообразнаго устройства. Мы намѣрены теперь набросать главныя черты этой организаціи.

ГЛАВА IV.

О разныхъ видахъ устройства англо-индійской арміи отъ ея начала до нашего времени.

Учрежденіе сипаевъ родилось естественно, какъ будто само собою, изъ необходимости. Оно получило отсюда огромное могущество, неминуемо достающееся въ удѣлъ всѣмъ политическимъ учрежденіямъ, изникшимъ изъ такого начала; но вмѣстѣ съ тѣмъ получило особенный характеръ неправильности, также свойственный всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ.

Англичане сперва видѣли необходимость быть крайне осторожными съ своими новыми

солдатами. Они не трогали ихъ обычаевъ, привычекъ, предразсудковъ, облегчили, сколько возможно, тяжкое бремя дисциплины, устроили поевропейски только то, что было рѣшительно необходимо. Что касается до платья, они ограничились только тѣмъ, что роздали ротнымъ начальникамъ англійское сукно; послѣднимъ велѣно сдѣлать костюмы по образцу національныхъ. Въ дѣлѣ военнаго обученія они удовольствовались тѣмъ, что научили правильно дѣйствовать ружьемъ, да сверхъ того показали два-три простѣйшіе маневра: свернуться въ колонну, развернуться въ линію, составить каре и пр. По правдѣ сказать, и европейскія войска въ то время знали немного больше. И такъ эти нововведенія были слишкомъ достаточны для упроченія за этими новыми войсками большихъ преимуществъ надъ ихъ соотечественниками. Малѣйшіе отряды ихъ были достаточны для обращенія въ бѣгство цѣлыхъ армій.

Сипаи составляли тогда роты, изъ которыхъ каждая состояла подъ начальствомъ субагдара или туземнаго капитана. Потомъ извѣстное число этихъ ротъ соединялось на опредѣленное время подъ начальствомъ офицера европейскаго. Это былъ генералъ, ихъ выправлявшій и обучавшій.

Невыгоды, пороки этого устройства, съ военной точки зрѣнія, оказались съ перваго взгляда. Дисциплина, обученіе не могли никогда при немъ быть успѣшны, по крайней мѣрѣ въ европейскомъ значеніи этихъ словъ. А правительство непрерывно занималось ихъ усовершенствованіемъ. Съ самаго, такъ сказать, рожденія этихъ войскъ оно предположило себѣ, или, кажется, предположило, устроивать ихъ ежедневно по образцу англійской арміи и достигло этой цѣли посредствомъ трехъ главныхъ преобразованій, совершившихся послѣдовательно одно за другимъ.

Первое преобразованіе явилось въ 1766 г. Подъ именемъ баталіоновъ составлены были корпуса, изъ тысячи человѣкъ каждый, и начальство надъ каждымъ было поручено европейскому офицеру съ двумя помощниками. Ничто не измѣнилось въ положеніи офицеровъ индусскихъ и мусульманскихъ. Роты остались, какъ и прежде, подъ начальствомъ субагдаровъ; низшія должности поручались по прежнему туземцамъ. Отношенія европейскихъ офицеровъ къ сипаямъ изъ временныхъ стали постоянными, — вотъ и все. Съ тѣхъ поръ также туземные офицеры увидѣли, что имъ нѣтъ ходу выше капитана.

Вторая мѣра, принятая въ 1782 г., сдѣлала болѣе рѣшительный шагъ впередъ на

этомъ пути. Въ каждую роту опредѣлено по три европейца: капитанъ, адъютантъ, сержантъ. Итакъ власть туземнаго капитана сдѣлала шагъ назадъ. Изъ перваго въ ротѣ онъ сталъ вторымъ. Онъ потерялъ еще больше на дѣлѣ, чѣмъ по видимости, потому что европейскіе капитанъ, адъютантъ и сержантъ стали разсуждать вмѣстѣ о всѣхъ подробностяхъ службы.

Въ этой системѣ европейскій капитанъ сталъ существеннымъ чиновникомъ арміи, осью, около которой вращалась служба. На него возложено было управленіе ротою. Этимъ чиномъ обыкновенно ограничивался карьеръ европейскаго офицера; но, по своей важности, этотъ же чинъ давалъ ему положеніе, удовлетворяющее обыкновенному честолюбію, Съ другой стороны какъ онъ былъ единственный европейскій офицеръ въ ротѣ, то ему необходимо нужно было замѣнить нравственнымъ вліяніемъ на туземцевъ физическую, такъ сказать, слабость, могущую произойдти изъ такого одиночества. На дѣлѣ, туземные офицеры не переставали имѣть значительный вѣсъ. Польза, какую они доставляли европейскому офицеру, служа какъ бы посредниками между нимъ и солдатами, ставила ихъ въ отношеніи къ этому офицеру почти на ровную ногу. Таже причина давала нѣкоторую важность и туземнымъ унтеръ-офицерамъ.

Третья мѣра, принятая въ 1796, сильно измѣнила этотъ порядокъ дѣлъ. Баталіонъ перестaлъ быть основаніемъ военнаго устройства; имъ сдѣлался полкъ, такой же какъ въ англійской арміи, т. е. состоящій изъ двухъ баталіоновъ; каждый баталіонъ состоялъ изъ ротъ, которыхъ число измѣнялось по обстоятельствамъ. Сверхъ того (и вотъ что составляетъ самую важную часть этой реформы) каждая рота получила постольку же европейскихъ офицеровъ, по скольку ихъ было въ ротѣ англійской пѣхоты. Туземные офицеры однакожь удержаны, даже число ихъ увеличено. Въ каждой ротѣ былъ субагдаръ или туземный капитанъ, джемадаръ или поручикъ: но это, какъ мы покажемъ ниже, было только для формы. Вся власть ихъ была уничтожена. Кавалерія подверглась подобному преобразованію. Съ тѣхъ поръ англо-индійская армія окончательно устроилась по образцу арміи англійской; въ ней были тѣже раздѣленія и подраздѣленія; тѣ и другія соотвѣтствовали раздѣленіямъ и подраздѣленіямъ англійской арміи, командуемой европейскими офицерами соотвѣтствующихъ чиновъ.

Туземныя войска, повторимъ, составляютъ существенную, далеко многочисленнѣйшую часть арміи индо-британской имперіи, но не единственно изъ нихъ составлена эта армія. Войска

королевской арміи, европейскія войска компаніи составляютъ часть этой арміи, измѣняющуюся въ числѣ, но всегда мало значительную. Войска королевской арміи состоятъ изъ пѣхоты и кавалеріи; европейскія войска компаніи изъ пѣхоты, инженеровъ и артиллеріи. Устройство европейскихъ войскъ, служащихъ въ Индіи, совершенно такое же, какъ устройство британскихъ войскъ въ Европѣ и въ другихъ колоніяхъ. Намъ нѣтъ никакой надобности ими заниматься. Повторимъ еще: и по числу и по важности это не болѣе, какъ подкрѣпленіе арміи туземной.

Въ слѣдствіе этого послѣдняго устройства армія туземная подчинилась тѣмже правиламъ, какъ и армія англійская, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ. Повышеніе европейскихъ офицеровъ компаніи производится въ каждомъ полку до майора, выше этого чина — въ цѣлой арміи: такъ по крайней мѣрѣ въ пѣхотѣ и кавалеріи. (*) Артиллеристы и инженеры повышаются на вакансіи по полкамъ до полковника. Генеральскаго чина нѣтъ въ войскахъ компаніи: онъ дается отъ короны. Повышеніе туземныхъ офицеровъ, какъ мы замѣтили выше, ограничивается чиномъ субагдара и производится всегда исключительно по стар-

(*) Слѣдствіе. т. V. стр. 33.

шинству; (*) тоже и еще въ большей мѣрѣ наблюдается въ производствѣ сипаевъ въ унтеръ-офицеры. (**)

Офицеры компаніи, назначенные директорами, обязаны учиться въ аддискомбской школѣ. Европейскіе солдаты, какъ и во всей англійской арміи, вступаютъ въ службу по доброй волѣ. Народъ любитъ этотъ родъ службы и до сихъ поръ всегда являлось гораздо болѣе рекрутъ, чѣмъ было нужно. Каждый изъ нихъ имѣетъ право назначить президентство, въ которомъ хочетъ служить. Жены ихъ, если они женаты, получаютъ жалованье по пяти рупій въ мѣсяцъ. Дѣти отъ этихъ женъ, привезенные изъ Англіи, или отъ женъ, вступившихъ въ бракъ съ солдатами въ Индіи, воспитываются на счетъ компаніи съ величайшею заботливостію. На этотъ конецъ находятся школы и библіотеки при каждомъ полку. (***)

Одежда войскъ компаніи, европейскихъ и туземныхъ, совершенно сходна съ одеждою войскъ королевскихъ. Конечно, было бы можно одѣть лучше, по крайней мѣрѣ, войска ту-

---

(*) Слѣдствіе т. V. Общее обозрѣніе показаній свидѣтелей. стр. 60.

(**) Также. стр. 63.

(***) Также. Общее обозрѣніе стр. 54.

земныя. Сипай не может привыкнуть къ узкому и неудобному европейскому платью. Его мундиръ для него противенъ. Едва вышедши изъ службы, онъ прежде всего спѣшитъ освободиться отъ него и надѣть костюмъ націнальный. Было бы очень легко измѣнить сей послѣдній такимъ образомъ, чтобы онъ сталъ и красивъ и удобенъ для воина; но даже въ самыхъ мелочахъ мы находимъ и здѣсь неодолимую привязанность Англіи къ своимъ національнымъ обычаямъ. Во всякомъ случаѣ надо удивляться этому больше, чѣмъ всему другому: можно повторить съ однимъ очень извѣстнымъ писателемъ:

„Безъ сомнѣнія одинъ изъ самыхъ важныхъ примѣровъ страсти нашего правительства вводить повсюду англійскіе обычаи состоитъ въ томъ, что оно заставило туземцевъ одѣться въ европейскій мундиръ." (*)

Наказаніе плетью существовало въ англоиндійской арміи до 1835 г., сказать по правдѣ, болѣе въ законахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Невыгоды приведенія его въ дѣйствіе, глубокое отвращеніе, обнаруженное къ нему сипаями, заставили его уничтожить, но только для нихъ. По страшной

(*) Shore t. II. p. 436.

противоположности и къ чести сипаевъ, оно оставалось во всей силѣ для англійскихъ солдатъ.

Англійскія войска обѣихъ армій приносятъ въ Индію свои природныя достоинства. Различныя части этихъ войскъ показываются на этомъ новомъ театрѣ тѣмъ, чѣмъ онѣ были въ послѣднихъ континентальныхъ войнахъ Европы. Онѣ приносятъ сюда также, надобно сказать, тѣже недостатки физическіе и нравственные. Сіи послѣдніе, соединившись съ характеромъ войскъ, къ которымъ прививаются, являются иногда совершенно въ новомъ видѣ. Но на этотъ разъ мы будемъ говорить объ военной организаціи въ ней самой. Коммиссаріатъ и военно-судное управленіе арміею одинаковы въ Индіи и въ Англіи.

Недостатокъ подвижности, который мы выставляли на видъ, говоря объ англійской арміи, еще болѣе значителенъ въ арміи индобританской. Здѣсь онъ вытекаетъ гораздо естественнѣе изъ самаго свойства вещей. Восточныя арміи до сихъ поръ тоже, что онѣ были во времена Ксеркса. Войска, воюющія въ Азіи, по самому общественному устройству страны, обязаны везти съ собой все, въ чемъ онѣ могутъ имѣть нужду. Мы говорили уже объ этихъ длинныхъ рядахъ возовъ, муловъ, лошадей, слѣдующимъ за англійскою арміею. На-

добно умножить все это, такъ сказать, на безконечное число разъ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что затрудняетъ ходъ арміи индо-британской. Мы говорили также о большомъ числѣ женщинъ и дѣтей, слѣдующихъ за солдатами. Но здѣсь, въ Индіи, за арміею, истинно и безъ преувеличенія, движутся цѣлыя племена. Полковники, капитаны, простые поручики могутъ имѣть извѣстное число слугъ. При кавалеріи ихъ покрайней мѣрѣ столько же, сколько и боевыхъ солдатъ. Кавалеристъ не съумѣетъ накосить травы для своей лошади ипр. ипр,

Но это не все. Подлѣ лагеря, подъ именемъ базара, выстроивается настоящій городъ. Базаръ есть огромный рынокъ, на которомъ солдатъ найдетъ все, въ чемъ онъ можетъ нуждаться.

Наконецъ индо-британская армія, подобно арміи англійской, раздѣляется на два класса, разъединенныя непроходимой бездной: съ одной стороны европейскіе офицеры, съ другой офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты туземные.

Но здѣсь еще не всѣ общественныя отличія, вырывающія и распространяющія эту пропасть; есть еще различіе національности.

Оба класса, составляющіе армію, принадлежатъ къ разнымъ религіямъ, къ разнымъ цивилизаціямъ, къ разнымъ поколѣніямъ. Они раздѣлены обычаями, привычками, правами гораздо болѣе, чѣмъ пространствами океана, положенными между ними природой. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, индо-британская армія воспроизводитъ съ преувеличеніемъ главныя черты арміи англійской. Обратите къ исламизму и браминизму унтеръ-офицеровъ и солдатъ арміи англійской, вы будете имѣть армію индо-британскую; обратите въ христіанство офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ туземныхъ, вы получите армію англійскую. И такъ обѣ арміи, съ точки зрѣнія простой военной организаціи, совершенно тождественны въ томъ существенномъ отношеніи, что онѣ раздѣлены на два севершенно различные класса, только въ одной эти классы принадлежатъ къ одной и тойже національности, въ другой къ двумъ разнымъ. Но во всякомъ случаѣ это истинно англійская идея, перенесенная въ Индію, идея совершеннаго раздѣленія обоихъ классовъ: она послужила основою настоящаго устройства арміи индо-британской. Естествено, она должна была пріобрѣсть болѣе дѣйствительной важности, чѣмъ въ арміи, послужившей для ней образцемъ.

Выраженіе туземнаго офицера, о которомъ мы часто упоминали, безъ сомнѣнія съ

перваго взгляда покажется противорѣчащимъ нашему послѣднему положенію. Итакъ мы должны разсмотрѣть съ нѣкоторою подробностію: что такое туземный офицеръ, какое его положеніе, въ чемъ состоятъ его военныя обязанности.

Сказать по правдѣ, въ самой особенности этого положенія находится характеристическая черта организаціи индо-британской арміи.

ГЛАВА Г.

Объ одной характеристической чертѣ организаціи англо-индійской арміи. Положеніе туземныхъ офицеровъ.

Организація 1796 г. сохранила туземныхъ офицеровъ и даже значительно увеличила ихъ число. Но въ тоже время она приняла самыя мелочныя предосторожности, чтобы отнять у нихъ самую малѣйшую частицу, самую тѣнь прежней власти, чтобы лишить ихъ возможности когда нибудь вновь пріобрѣсть ее. Однимъ словомъ, она позаботилась объ уничтоженіи учрежденія, сохранивши его имя. Дѣло такъ далеко пошло въ этомъ отношеніи, что его

нельзя бы было понять иначе, какъ при помощи языка нѣсколько специальнаго и извлеченія изъ правилъ, опредѣляющихъ положеніе этихъ офицеровъ.

Организація 96 г. удержала въ каждой ротѣ, подъ начальствомъ европейскихъ офицеровъ, двухъ офицеровъ туземныхъ: субагдара или капитана, джемадара или поручика; потомъ также двухъ туземныхъ унтеръ-офицеровъ: гамильдара или сержанта, наика или капрала. Но будетъ полезно заняться только положеніемъ первыхъ. (*)

Субагдаръ или туземный капитанъ никогда не достигаетъ начальствованія надъ ротою. Если европейскій капитанъ убитъ, боленъ, въ отставкѣ, начальствованіе переходитъ къ поручику, отъ поручика къ прапорщику. Никогда также не поручается ему командованіе ни однимъ отрядомъ. Число людей въ ротѣ слишкомъ мало по отношеніи къ числу европейскихъ офицеровъ: такимъ образомъ всегда можно довольствоваться сими послѣдними или, въ другихъ случаяхъ, баталіоннымъ адъютантомъ. Итакъ дѣйствительная власть никогда

(*) Чтобъ не вдаваться въ подробности, мы говоримъ только о пѣхотѣ: устройство кавалеріи сходно съ устройствомъ пѣхоты.

не попадаетъ въ руки туземнаго офицера, не смотря на его титулъ.

Во внутреннемъ управленіи роты туземный офицеръ также не имѣетъ власти.

„Само собою разумѣется, говоритъ военный уставъ, что туземные офицеры такъ точно подчинены европейскимъ офицерамъ своихъ ротъ, какъ и всѣ другіе сипаи, что они не имѣютъ никакой особенной и отдѣльной власти, которая могла бы въ какомъ нибудь случаѣ сдѣлать ихъ независимыми отъ ротнаго начальника.“ (*)

„Имъ въ особенности запрещается вмѣшательство между европейскимъ офицеромъ и туземнымъ солдатомъ, когда послѣдній хотѣлъ бы обратиться къ первому съ просьбой или жалобой. Единственная обязанность туземнаго офицера въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что онъ приведетъ солдата къ европейскому офицеру, но удержится отъ всякаго предварительнаго изслѣдованія о предметѣ просьбы солдата“ (**) „Всякая попытка туземныхъ офицеровъ узнать предметъ просьбы сипая или откло-

(*) Abridged code of military regulations (infanterie), sect. IX, p. 4.

(**) Idem ibid. p. 5.

нить его отъ ней, считается съ ихъ стороны однимъ изъ важнѣйшихъ преступленій, какія они могутъ сдѣлать, и заслуживаетъ соразмѣрное наказаніе, (*) Съ другой стороны запрещается европейскимъ офицерамъ пользоваться, въ какомъ бы то ни было случаѣ, посредничествомъ туземныхъ офицеровъ въ сношеніяхъ съ сипаями, особенно для объявленія предписаній и депешъ правительства. Всякій актъ, всякое предписаніе правительства, которое по своей природѣ должно быть извѣстно сипаямъ, будетъ сообщено каждой ротѣ европейскимъ офицеромъ, ею командующимъ; онъ будетъ составлять каналъ, обязанный на этотъ родъ сообщенія." (**) На эти мѣста не нужно поясненій. Намѣренія законодателя очевидны. Онъ предположилъ себѣ уничтожить всякую прямую власть туземнаго офицера надъ его соотечественниками; онъ хотѣлъ предотвратить даже всякое вліяніе, болѣе или менѣе косвенное, которое могъ бы пріобрѣсть первый на послѣднихъ.

Въ другихъ отношеніяхъ законодатель представляется еще недовѣрчивѣе, еще подзорчивѣе. Не довольствуясь отдѣленіемъ туземныхъ офицеровъ отъ соотечественниковъ ихъ той-

(*) Idem ibidem sect. IX p. 7.

(**) Idem ibid. p. 8.

же роты, онъ силится разобщить ихъ между собою. Всякое общеніе, всякое общее сужденіе, о чемъ бы то ни было, всякое общество, хотя бы оно имѣло самую безразличную цѣль, имъ строго запрещено. Выпишемъ еще. „Всякій митингъ туземныхъ офицеровъ, всякое дѣйствіе съ ихъ стороны для узнанія причинъ жалобы ихъ солдатъ, для допроса или испытанія лицъ, отъ которыхъ происходятъ эти жалобы, строго запрещаются; о всѣхъ туземныхъ офицерахъ, замѣшанныхъ въ подобныя дѣйствія, немедленно дано будетъ знать главнокомандующему.“ (*)

„Въ случаѣ, еслибъ собралось общество туземныхъ офицеровъ съ цѣлію разсужденія о какомъ нибудь предметѣ, относящемся къ ихъ воинскимъ обязанностямъ, туземный дежурный офицеръ немедленно донесетъ объ этомъ европейскому дежурному офицеру, равно какъ и обо всемъ томъ, что онъ могъ узнать касательно этого собранія. Всякое небреженіе насчетъ этого пункта будетъ почтено формальнымъ нарушеніемъ военныхъ постановленій и слѣдовательно наказано.“ (**)

До сихъ поръ законодатель высказывалъ только отрицательныя распоряженія. Онъ не-

(*) Idem ibid. p. 8.

(**) Idem sect. X. p. 3.

ремѣняетъ языкъ только для того, чтобы дать положительныя инструкціи, выраженныя въ двухъ статьяхъ тогоже устава:

„Туземные офицеры суть источникъ, откуда европейскіе офицеры должны извлекать вѣрнѣйшія свѣдѣнія о характерѣ, привычкахъ ипр. унтеръ-офицеровъ и солдатъ ихъ роты; итакъ вмѣняется въ обязанность туземнымъ офицерамъ сообщать ротному командиру обо всемъ томъ, что произойдетъ новаго между солдатами, давать ему знать о добрыхъ и дурныхъ свойствахъ сихъ послѣднихъ, о случаяхъ, въ которыхъ тѣ и другія могутъ быть употреблены въ дѣло.“ Немного дальше:

„Туземные офицеры должны, подъ личной отвѣтственностью, извѣщать постоянно офицеровъ европейскихъ о поведеніи и чувствахъ ихъ солдатъ, такимъ образомъ, чтобы чувства непріязни и неудовольствія, какія обнаружатся, тотчасъ были узнаны и поправлены; чтобы въ томъ случаѣ, когда извѣстныя ошибки укоренились бы въ духѣ солдата, онѣ немедленно могли быть искоренены.“ (*) И здѣсь всѣ комментаріи были бы излишни.

(*) Idem, sec. XII. p. 3 и 4.

Итакъ туземные офицеры не имѣютъ никакой власти, которая соотвѣтствовала бы ихъ титулу. Въ противность этому громкому титулу, въ противность виду равенства, который, казалось бы, долженъ дать имъ этотъ титулъ съ европейскими офицерами, они окончательно не болѣе, какъ набранные солдаты. Ихъ эполеты не значатъ ничего больше, какъ нашивки нашихъ старыхъ солдатъ; сравненіе тѣмъ болѣе основательное, что эти эполеты даются за старшинство и только за старшинство. Все, что не касается военной службы, и въ этой службѣ все, что относится къ заслугѣ, къ таланту, исключено; все это изглажено передъ одной оцѣнкой долговременной службы. Съ другой стороны титулъ офицера нисколько не уменьшаетъ разстоянія, отдѣляющаго туземца, какой бы ни былъ его чинъ, отъ офицера европейскаго. Сипай, которому продолжительная служба доставила титулъ, жалованье, эполеты капитана, остается однакожъ на столькоже удаленнымъ отъ европейскаго офицера, какъ и послѣдній солдатъ его роты. Между ними нѣтъ ни одной точки соприкосновенія. Вѣроисповѣданія, нравы, языки содѣйствуютъ еще, если это возможно, всѣмъ другимъ разъединяющимъ причинамъ.

Прежде было не такъ. Туземные офицеры имѣли большую и дѣйствительную власть; бла-

городное братство оружія не было изгнано изъ ихъ сношеній съ европейцами. Законодатель думалъ, что должно измѣнить этотъ ходъ дѣлъ: но по свойству англійскаго духа, замѣчаемому вездѣ, въ дѣлахъ великихъ и малыхъ, перемѣняя вещи, онъ сохранилъ слова, измѣняя факты, удержалъ формулу.

ГЛАВА VI.

О характерѣ, нравахъ, привычкахъ индусскаго солдата.

Главныя черты характера обитателей индійскаго полуострова находимъ мы и въ сипаѣ. Мусульманинъ, индусъ, браминъ, шактрій продолжаютъ существовать надъ англійскимъ мундиромъ. Національный характеръ сохраняетъ много независимости и оригинальности даже подъ тяжестію военной дисциплины. Мы попытаемся набросать бѣгло нѣкоторыя черты физіономіи англійскаго сипая.

Рѣзкія черты, отличающія арміи трехъ президентствъ одну отъ другой, уже показаны.

Теперь намъ слѣдуетъ показать то, что есть въ нихъ общаго, то, что составляетъ ха-

рактеръ, особую физіономію туземнаго солдата подъ англійскимъ знаменемъ.

Сипай вообще росту ниже средняго. Физическая сила его незначительна: за то онъ способенъ переносить самые большіе труды. Ни одинъ европейскій солдатъ не превзойдетъ его, даже не сравнится съ нимъ въ способности ко всѣмъ военнымъ занятіямъ; у немногихъ людей умъ живѣе, быстрѣе, способнѣе ко всѣмъ родамъ ученія. Двѣ самыя рѣзкія черты въ его характерѣ суть: съ одной стороны наклонность къ повиновенію, съ другой большая воспріимчивость (чувствительность) къ тому, что съ нимъ дѣлаютъ. Эта воспріимчивость даетъ начальнику его выгоду огромную, но въ тоже время и затрудняетъ управленіе имъ. Польстите ему, и онъ бросится на самую крайнюю опасность, перенесетъ самые тяжкіе труды; раздражите его вашими дѣйствіями, тотчасъ за тѣмъ послѣдуетъ неудовольствіе, ропотъ, возмущеніе. Жажда мести заставляетъ его считать ни во что и свою жизнь и жизнь тѣхъ, которыхъ вчера еще онъ любилъ и уважалъ. Въ другомъ мѣстѣ мы сказали о туземцахъ:

„Индусы оказываютъ какую то женскую слабость въ сложеніи, въ пріемахъ, въ разговорѣ: это слѣдствіе причинъ частію физиче-

скихъ, частію нравственныхъ. Ихъ воздержность необычайна. Они удерживаются отъ всякой крѣпкой пищи, они живутъ въ климатѣ разслабляющемъ (énervant); отсюда ихъ сложеніе слабо, безъ энергіи, и это сложеніе каждый передаетъ своимъ потомкамъ еще болѣе ослабленное, чѣмъ получилъ самъ отъ своихъ отцевъ. Чрезвычайная врожденная осмотрительность у индуса увеличивается еще постояннымъ страхомъ обидѣть что нибудь живое, до самаго низшаго животнаго: онъ не можетъ ходить, не можетъ двигаться, не впадая въ опасность сдѣлаться виновнымъ въ неисправимомъ убійствѣ; онъ боится еще оскверниться въ минуту прикосновеніемъ иностранца или человѣка низшей касты. Вообще индусы имѣютъ красивыя черты лица, статно сложены, а красота женщинъ часто удивительна. Безъ силы въ мускулахъ, они вообще необычайно проворны и ловки; посыльные индусы могутъ дѣлать по пятидесяти миль въ день въ продолженіи пяти или шести недѣль; ихъ пѣхота, если она не обременена тяжестями выше силъ, оказывается на ходу лучше всякой другой пѣхоты; ихъ жонглеры превосходятъ жонглеровъ всѣхъ другихъ земель въ изгибаніяхъ и насильственныхъ движеніяхъ тѣла. Нѣжность ихъ тѣлосложенія соединяется съ большою тонкостію, большою чувствительностію всѣхъ органовъ чувствъ, и это обстоятельство даетъ имъ не-

оспоримое преимущество передъ другими въ нѣкоторыхъ родахъ самыхъ трудныхъ *ручныхъ* искусствъ, напр. въ искуствѣ ткача.“

„Гибкіе пальцы и легкое прикосновеніе (тупъ) индусовъ удивительно приспособлены къ тонкости матерій, выходящихъ изъ ихъ мастерскихъ. То самое орудіе, которое они употребляютъ для тканья самой прозрачной кисеи, подъ рукой европейца съ трудомъ произвело бы грубую канву. Нравственная организація индуса не менѣе утончена, какъ и его физическое сложеніе: это что-то подобное чувствительному цвѣтку, закрывающемуся при самомъ легкомъ прикосновеніи, развертывающемуся при малѣйшихъ лучахъ солнца. Онъ любитъ покой до крайности: пословица, очень распространенная въ Индостанѣ, говоритъ: „лучше сидѣть, чѣмъ стоять, лучше лежать, чѣмъ сидѣть; но смерть выше всего.“ Игра паннессъ (panchess), нѣсколько похожая на шашки и шахматъ, занимаетъ индусовъ по цѣлымъ днямъ. Терпѣніе и участіе, съ которыми они предаются этой томительной игрѣ, поистинѣ странны, и этотъ вкусъ, кажется, всегдашній. Въ Магабгаратѣ Джьюдиштеръ, славившійся впрочемъ какъ образецъ царской мудрости, и его четыре брата представлены теряющими сокровища и даже царство въ игрѣ въ кости. Впрочемъ эта слабость или нѣжность сложенія дѣлаетъ страсти и

умственныя способности индуса легко воспламенимыми, раздражительными до крайности: она становится источникомъ странныхъ противоположностей, о которыхъ мы уже говорили. Цѣлыя поколѣнія этихъ индусовъ, по наружности столь кроткихъ и боязливыхъ, умираютъ съ голоду, чтобъ получить прощеніе въ сдѣланномъ грѣхѣ. Охота заставляетъ ихъ переносить самые тяжкіе труды: не смотря на свою обыкновенную медлительность, они преслѣдуютъ львовъ и тигровъ съ жаромъ, съ смѣлостью, съ терпѣніемъ, въ которомъ ни одинъ народъ не превзойдетъ ихъ. Въ войнѣ они показали храбрость, которой не разъ дивились англичане. Они трепещутъ при мысли убить насѣкомое и добровольно бросаются на смерть подъ колеса колесницъ, везущихъ ихъ божества. Они, люди проводящіе жизнь въ покоѣ и лѣни, предаются для покаянія такимъ страданіямъ, къ которымъ не можетъ даже приблизиться ни одна казнь въ Европѣ. Можетъ быть, воображеніе имѣетъ тѣмъ болѣе власти надъ тѣломъ, чѣмъ менѣе силы и энергіи въ тѣлосложеніи. Нѣчто подобное замѣчается у женщинъ (*).“

Эти главныя черты характера индуса находятся и въ сипаяхъ. Могущество воображе-

---

(*) Histoire de la conquête ипр. t. 1.

нія, о которомъ мы говорили, производитъ въ нихъ одно явленіе, чрезвычайно важное: это необычайная привязанность и преданность къ офицерамъ, заслужившимъ ихъ довѣріе. Одинъ военный писатель говоритъ по этому поводу: „никто другой, кромѣ людей бывшихъ свидѣтелями, не въ силахъ вообразить, до какой степени европейскій офицеръ можетъ привязать къ себѣ сипаевъ. Эти послѣдніе, вообще необразованные, знаютъ только свое знамя и небольшое число своихъ товарищей; но они угадываютъ характеръ своего офицера лучше, чѣмъ солдаты европейскіе, и показываютъ ему гораздо больше благодарности за малѣйшее снизхожденіе.“ (*) Другой писатель говоритъ еще: „привязанность сипаевъ къ англійскому правительству имѣетъ характеръ совершенно частный. Она зависитъ отъ тѣхъ, которые ими командуютъ. Если офицеръ получилъ ихъ довѣренность, подѣйствовалъ на ихъ духъ, они не пощадятъ для него усилій самыхъ необычайныхъ.“ (**) Здѣсь видимъ мы ту потребность олицетворенія, такъ сказать, воплощенія отвлеченныхъ идей въ человѣческій образъ, которая всегда была отличительнымъ характеромъ

(*) Enquête p. 485.

(**) Shore. t 11. p. 418.

Востока. Арабъ, подходя къ европейцу, говоритъ ему вмѣсто всѣхъ разсужденій: „Наполеонъ!"

Подъ знаменами индусъ находитъ родъ порабощенія, сходнаго съ порабощеніемъ касты, а привычка къ порабощенію касты есть часть его жизни, сдѣлалась необходимостью его природы. Военная жизнь дѣлаетъ его членомъ другой касты, которой онъ посвящаетъ себя съ преданностью, подобною той, какую онъ питаетъ къ своей родной кастѣ. Онъ покоряется этимъ новымъ уставамъ съ тоюже легкостію, какъ и прежнимъ. Онъ наконецъ любитъ ихъ, прилѣпляется къ нимъ, исполняетъ ихъ съ какой то безкорыстной страстью, подъ условіемъ однакожъ, чтобы требованія досциплины никогда не были въ противорѣчіи съ привычками и обычаями его собственной касты. Касательно этого пункта онъ остается также неуступчивымъ, какъ и другіе его соотечественники. „Въ этомъ случаѣ, оставляя мгновенно свой характеръ мягкій, гибкій, безобидный, сипай можетъ обнаружить упорство самое рѣшительное, жестокость самую дикую." (Мэлькольмъ).

Общественное и политическое положеніе страны содѣйствуетъ обнаруженію у индусскаго солдата привязанности къ знамени. Учрежденія касты и селенія, столь благопріятствовавшія, какъ мы видѣли, завоеванію, не менѣе благо-

пріятны тому, чтобы укрѣпить въ рукахъ англичанъ орудіе сохраненія завоеванной страны. Мы сказали: разумное отечество индуса—каста. Онъ не перестаетъ жить въ этомъ отечествѣ повсюду, гдѣ только можетъ исполнять его обычаи, слѣдовать его привычкамъ. Земное отечество его есть селеніе. Итакъ если его интересы въ его отсутствіи также ограждены, какъ будто бы онъ находился тамъ лично, какъ будто бы онъ управлялъ ими самъ, своими руками, онъ продолжаетъ тамъ жить, покрайней мѣрѣ нѣкоторымъ образомъ, даже подъ знаменами англичанъ. Онъ получаетъ сверхъ того жалованье, для него болѣе выгодное, чѣмъ доходъ отъ всякаго другаго занятія.

Туземные солдаты не переставали никогда, ни на одной страницѣ своей исторіи, обнаруживать свойства, которыя мы имъ приписали. Впрочемъ нѣкоторыя черты, взятыя изъ военныхъ лѣтописей трехъ президентствъ, окончательно намъ ихъ покажутъ. Онѣ особенно представятъ намъ многочисленные примѣры преданности ихъ къ начальникамъ, личнаго самоотверженія, страсти къ дисциплинѣ.

Осада Аркота, защищаемаго Клейвомъ, открыла для англичанъ счастливую дорогу, по которой они не переставали идти. Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ ея исторію въ по-

дробности. Укажемъ на обстоятельство, дѣлающее величайшую честь сипаямъ. Въ послѣднее время осады съѣстные припасы приходили къ концу. Оставался только рисъ и то въ очень маломъ количествѣ. Сипаи просили, чтобъ имъ на будущее время поручили варить часть, назначенную для дневной пищи гарнизона. Они сказали Клейву: „ваши англійскіе солдаты могутъ ѣсть то, что приготовлено нами: мы напротивъ должны удерживаться отъ того, къ чему они прикасались. Довѣрьте намъ этотъ рисъ: мы отдадимъ его имъ до послѣдняго зерна, сами же будемъ довольствоваться водой, въ которой его варили“ (*)

Въ походѣ 1791 г. противъ Типпу, одинъ изъ самыхъ старыхъ туземныхъ капитановъ (субагдаровъ), по имени Суддеръ-Бегъ, ѣхалъ на лошади въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своей роты. Три всадника изъ арміи Типпу, воспользовавшись нѣкоторыми удобствами мѣстности, съѣхались съ нимъ, не бывши имъ замѣчены. Бой начинается между Суддеръ-Бегомъ и его противниками, или лучше, готовъ былъ начаться, когда сынъ субагдара, служившій гамильдаромъ въ тойже ротѣ, бросается на помощь къ отцу, убиваетъ того изъ мисорцевъ, который нападалъ на него всего ближе, и обращаетъ

(*) Malcolm. Histoire politique p. 195.

обоихъ другихъ въ бѣгство. Но старый капитанъ, при видѣ этого подвига своего сына, предался сильнѣйшему порыву гнѣва. Онъ велѣлъ его арестовать немедленно, и хотѣлъ строго наказать за то, что онъ осмѣлился оставить строй безъ позволенія. Полковникъ Флойдъ, начальствовавшій надъ корпусомъ, долженъ былъ употребить всю свою власть, чтобы воспротивиться исполненію угрозы. Старикъ не могъ утѣшиться въ томъ, что (по его собственнымъ словамъ) дерзкій молодой человѣкъ, молокососъ, вырвалъ у него изъ рукъ противниковъ въ глазахъ цѣлаго полка. (*)

Мадрасская армія считала еще въ числѣ своихъ храбрѣйшихъ офицеровъ одного Каудеръ-Бега, субагдара въ 4-мъ полку. Состоя ординарцемъ при полковникѣ Флойдѣ въ 1790 г. онъ отличился многими чертами храбрости и хладнокровія. За это дана ему почетная сабля, на которой выгравировано было повѣствованіе объ одномъ изъ самыхъ опасныхъ его подвиговъ. Впрочемъ его таланты и способности равнялись его храбрости.

Сэръ Джонъ Мэлькольмъ, безспорно отличный судья въ подобныхъ дѣлахъ, былъ въ 1799 г. въ кампаніи серингапатамской политиче-

(*) Idem p. 197—8.

скимъ агентомъ при арміи субагдара декканскаго; онъ командовалъ также корпусомъ этой арміи. Каудеръ-Бегъ также былъ начальникомъ небольшаго отряда туземной пѣхоты; но по великому уваженію, которымъ онъ пользовался, Мэлькольмъ выпросилъ у субагдара для Каудеръ-Бега начальство надъ отрядомъ кавалеріи въ двѣ тысячи человѣкъ, избранныхъ изъ лучшихъ войскъ арміи. Прошло два дня, какъ вдругъ сэръ Джонъ увидѣлъ всадника, прискакавшаго во весь опоръ. Всадникъ этотъ извѣстилъ его, что Каудеръ-Бегъ лично бьется съ непріятельскимъ всадникомъ. „Я поѣхалъ съ нѣкоторою поспѣшностью, говоритъ сэръ Джонъ, къ мѣсту боя. Я рѣшился, въ случаѣ побѣды Каудеръ-Бега, упрекать его какъ можно строже за поступокъ, неприличный въ его новомъ положеніи. Опасенія, какія я могъ имѣть насчетъ его собственной безопасности, тотчасъ разсѣялись. Онъ шелъ ко мнѣ пѣшкомъ, съ двумя саблями въ рукѣ, которыя поспѣшилъ поднести мнѣ. Онъ просилъ въ тоже время, чтобы я благоволилъ удержать свое неудовольствіе, пока его не выслушаю. Тогда, отведши меня въ сторону, онъ сказалъ мнѣ: „генералъ арміи низама, благодаря вашему свидѣтельству, остался до сихъ поръ убѣжденнымъ въ моей способности исправлять должность, которую, по вашему ходатайству, онъ мнѣ ввѣрилъ. Однакожь я скоро замѣтилъ, что офи-

церы высокаго происхожденія и титула, изъ корпуса кавалеріи, мнѣ ввѣреннаго, смотрѣли съ презрѣніемъ на мой короткій мундиръ, на мои узкія панталоны, на мои сапоги, сдѣланныя поевропейски. Очевидно, что они считали себя обезчещенными обязанностью мнѣ повиноваться. Итакъ это заставило меня принять единоборство, предложенное нашей линіи мисорскимъ всадникомъ огромнаго роста и не принятое никѣмъ изъ нихъ. Я обязался не употреблять огнестрѣльнаго оружія. Мнѣ удалось однакожь сбить его съ лошади. Одинъ изъ его родственниковъ прибѣжалъ къ нему на помощь; я его ранилъ и взялъ въ плѣнъ. Обѣщаю вамъ, что вы услышите хорошій отзывъ обо мнѣ у субагдара сего же вечера; обѣщаюсь также самымъ торжественнымъ образомъ не вступать болѣе ни въ одно единоборство." Старый субагдаръ сказалъ правду.

Нѣкто Шейкъ-Ибрагимъ, капитанъ въ гвардіи мадрасскаго губернатора, былъ не менѣе знаменитъ подвигами. Корпусъ, въ которомъ служилъ Ибрагимъ, былъ посланъ въ 1801 г. противъ полигардовъ, живущихъ на югѣ президентства мадрасскаго, племени древняго и воинственнаго. Этимъ корпусомъ тогда командовалъ капитанъ Александръ Грантъ. Офицеръ этотъ, желая отличиться, приказалъ атта-

ковать корпусъ туземныхъ копейщиковъ, гораздо многочисленнѣйшій, чѣмъ его собственный отрядъ. Шейкъ-Ибрагимъ, весьма опытный въ войнѣ, понялъ, что тѣ, которые будутъ управлять аттакой, не переживутъ ея. Онъ сказалъ это капитану Гранту: но тѣмъ не менѣе уговаривалъ его попытать успѣха въ дѣлѣ, которое, во всякомъ случаѣ, долженствовало принести большую честь отряду. Аттака произведена. Треть конницы осталась на мѣстѣ, и въ томъ числѣ много офицеровъ. Но непріятельская пѣхота была разбита и успѣхъ полный. Шейкъ-Ибрагимъ получилъ нѣсколько ранъ копьемъ; одно копье, пробившій ему горло съ одной стороны на другую, осталось въ ранѣ; онъ держалъ его рукой и въ тоже время освѣдомился объ участи капитана Гранта. Ему показали послѣдняго, лежащаго въ нѣскольких шагахъ оттуда, распростертаго безъ движенія, съ грудью, пробитою ударомъ копья, и повидимому умершаго. Ибрагимъ произнесъ нѣсколько жалобъ о судьбѣ своего начальника, не жалуясь на свою собственную судьбу. Потомъ, вырвавши копье изъ раны, онъ умеръ почти въ туже минуту.

Мадрасское правительство, узнавши объ этомъ событіи, поспѣшило обнародовать дневной приказъ въ честь Ибрагима; его вдовѣ

назначенъ пенсіонъ, равный жалованью, какое онъ получалъ при жизни: наконецъ подробное повѣствованіе о его жизни и послѣднемъ подвигѣ было составлено на языкахъ персидскомъ и индійскомъ и выдано его семейству отъ правительства.

Эти почести не остались безплодными; казалось, онѣ вдохнули духъ Ибрагима во весь корпусъ, въ которомъ онъ служилъ. Нѣсколько недѣль спустя послѣ этого событія, поручикъ (джемадаръ) этого корпуса былъ посланъ для рекогносцировки съ пятью или шестью кавалеристами, съ порученіемъ наблюдать надъ движеніемъ непріятельской колонны по дорогѣ, на которую она вступила. Эта колонна, состоящая изъ двухъ или трехъ сотъ человѣкъ, не замедлила показаться. Туземный офицеръ, не смотря на все различіе силъ, едва замѣтилъ ее, какъ бросился рѣшительно въ аттаку. Такое безразсудство привело колонну въ безпорядокъ и изумленіе. Начальники были ранены и сбиты съ лошадей прежде, чѣмъ могли опомниться. Джемадаръ началъ отступать. Нѣсколько минутъ отступленіе было счастливо, какъ вдругъ онъ получилъ смертельную рану. Въ самую минуту аттаки онъ послалъ одного всадника къ капитану Гранту, тому самому офицеру, который остался замертво въ одномъ изъ предъидущихъ дѣлъ, съ слѣдующею вѣстью: „пусть знаетъ ка-

питанъ, что въ гвардіи есть не одинъ Шейкъ-Ибрагимъ." (*)

Въ войнѣ 1791 г. главнокомандующему нужно было составить отборный отрядъ для нападенія на Манилу. Хотѣли набрать его изъ охотниковъ. Полковникъ Орамъ, офицеръ знаменитый своими талантами, храбростью и духомъ смѣлымъ и предпріимчивымъ, начальствовалъ тогда надъ 22 полкомъ туземной пѣхоты. На парадѣ, ставши передъ фронтомъ полка, онъ спросилъ: кто изъ солдатъ желаетъ участвовать въ осадѣ Манилы? Сипаи промолчали съ минуту. Наконецъ голосъ изъ рядовъ спрашиваетъ: „полковникъ Орамъ пойдетъ ли съ нами?" „Пойду." „Будетъ ли онъ продолжать нами командовать?" „Буду." Такъ мы идемъ всѣ, единодушно отвѣчали сипаи. Въ Европу, въ Европу! продолжаютъ они кричать безпорядочно, показывая тѣмъ, что они пошли бы на край свѣта. Извѣстно отвращеніе индусовъ къ морю: въ этомъ случаѣ однакожь они, до самаго входа на суда, обнаруживали рѣшимость, не ослабѣвшую ни на минуту. Не только ни одинъ человѣкъ не бѣжалъ, но при послѣднемъ смотрѣ, за нѣсколько часовъ до входа на суда, нашлось

(*) Malcolm, Abrégé de la naissance, des progrès, du caractère de l' armée indigène, p. 202—3.

въ рядахъ нѣсколько солдатъ сверхъ счета. Это были солдаты тогоже полка, но принадлежавшіе къ запасному баталіону. Они бѣжали, чтобы принять участіе въ экспедиціи подъ командою Орама. (*)

Въ 1804 г. небольшой англійскій отрядъ и вспомогатетьной корпусъ, принадлежавшій къ арміи низама, были заперты между двумя потоками; вода въ нихъ такъ разлилась, что переходъ былъ совершенно невозможенъ. Провизія перестала приходить. Впрочемъ тогда былъ общій голодъ, потому что жатвы не было на всемъ полуостровѣ. Начальникъ отряда, по имени Галибуртонъ, хотѣлъ узнать съ точностію количество своихъ запасовъ. Онъ осмотрѣлъ весь рисъ, бывшій въ лагерѣ. Его было такъ мало, что едва могло достать на пять дней, считая по половинѣ или по трети раціоновъ для одного европейскаго корпуса. Что касается до сипаевъ, имъ тотчасъ прекратили всякую выдачу. Каждому изъ нихъ надлежало собирать нѣсколько травы и кореньевъ, чтобы не умереть съ голоду.

Но въ тоже время кому, думаете вы, ввѣрено было храненіе этого ничтожнаго запаса

(*) Malcolm p. 205—6.

рису? Тѣмже самымъ сипаямъ, столь жестоко, впрочемъ, можетъ быть, столь необходимо исключеннымъ изъ этого раздѣла! И эту службу они выполнили съ совершенною, мало — съ геройскою точностію. Военная исторія нашей Европы много ли представляетъ чертъ выше этой или, покрайней мѣрѣ, могущихъ сравниться съ нею?

По взятіи Мангалора цѣлый корпусъ генерала Матью попался въ плѣнъ къ Типпу. Султанъ, понимая всю выгоду, какую онъ могъ бы извлечь изъ вступленія въ его службу войскъ, привыкшихъ къ войнѣ и обученныхъ поевропейски, употребилъ всѣ усилія, чтобы заставить англійскихъ сипаевъ принять это предложеніе. Обѣщанія самыя выгодныя не поколебали ихъ вѣрности. Онъ сталъ тогда стремиться къ тойже цѣли противоположными средствами. Съ этой минуты сипаи были употреблены на самую трудную работу. Ихъ заставляли работать при укрѣпленіи многихъ городовъ, между прочимъ Читтелдруга, лежащаго въ странѣ чрезвычайно-нездоровой. Каждому давалось ничтожное количество зеренъ дурнаго качества, на цѣну около одного су въ день. Ночью, послѣ тяжкихъ работъ дня, ихъ запирали въ тѣсныя темницы, Оскорбленія и дурное обращеніе не прекращались ни на минуту, ни днемъ ни почью. Но ни болѣзнь, ни плѣнъ,

ни эти ненавистные поступки, ни голодъ не поколебали вѣрности солдатъ. Ни одинъ не вступилъ въ службу къ Типпу, когда миръ былъ заключенъ. Они отправлены были тогда въ Бомбей вмѣстѣ съ небольшимъ отрядомъ европейцевъ, также попавшимся въ плѣнъ въ продолженіи войны. Оба отряда, идучи по тойже дорогѣ, останавливались въ одихъ и тѣхже мѣстахъ. Мисорцы каждый вечеръ заставляли ихъ ночевать особо, раздѣляя ихъ то прудомъ, то какою нибудь другою преградою, по мнѣнію ихъ, непреодолимою. Несмотря на эти предосторожности, ни одной ночи не прошло безъ того, чтобы нѣсколько сипаевъ, переплывши прудъ или преодолѣвъ эту преграду, подвергая опасности свою жизнь, еслибъ они были замѣчены своими стражами, не пришли къ ночлегу европейцевъ. Тамъ были офицеры, подъ начальствомъ которыхъ они служили и которыхъ, во что бы то ни стало, они хотѣли видѣть. Часто также они приносили къ симъ послѣднимъ небольшія суммы денегъ, скопленныя ими изъ ихъ бѣднаго жалованья, и настоятельно просили ихъ принять эти деньги, говоря: „это бездѣлица, но возмите ее: корешекъ, горсточка рису достаточны для нашей пищи: вамъ же нужна говядина или баранина. (Мэлькольмъ).

Вотъ другая черта геройской преданности. въ 1797 г. капитанъ Пэккенгэмъ, на суднѣ

королевскаго флота la Resistance, сопровождаемомъ, нѣсколькими другими судами меньшаго размѣра, принадлежащими компаніи, овладѣлъ Копонгомъ. Это было главное заведеніе голландцевъ на островѣ Тернеѣ. Лейтенантъ Фростъ изъ бомбейскаго флота назначенъ губернаторомъ мѣста. Онъ поселился въ одномъ домѣ, вблизи морскаго берега, которымъ онъ овладѣлъ. Капитанъ Пэккенгэмъ хотѣлъ прибыть туда на другой день. Оба они должны были вмѣстѣ съ голландскимъ губернаторомъ сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, касающіяся до будущаго управленія компаніи (?). Малайцы, извѣщенные объ этомъ обстоятельствѣ, рѣшились имъ воспользоваться. Они сговорились напасть на англичанъ въ ту минуту, когда Пэккенгэмъ выйдетъ на берегъ. Случай заставилъ послѣдняго отложить это до другаго дня; онъ послалъ только свою лодку. Едва эта лодка пристала къ берегу, какъ сдѣлано нападеніе на англичанъ или лучше сказать рѣзня. Въ нѣсколько минутъ двадцать человѣкъ были зарѣзаны. Тогда часть малайцевъ, удалясь отъ берега, пустилась въ путь къ дому, занимаемому Фростомъ. Голову корабельнаго хирурга, воткнутую на копье, они несли вмѣсто знамени. Гибель Фроста казалась неизбѣжною. Но два сипая изъ его баталіона, сопровождавшіе его на сушѣ, сказали ему: „спасайтесь; мы будемъ биться до смерти.“ Едва произнесли эти

слова, они бросились на нападающихъ и дѣйствительно остановили ихъ на нѣсколько времени. Лейтенантъ скрылся. Оба сипая погибли послѣ отчаяннаго сопротивленія. Съ помощію зрительной трубы скоро замѣтили съ палубы *Безстрашнаго* ихъ головы, носимыя туда и сюда свирѣпыми побѣдителями.

На другой день послѣ битвы при Асси (Assye) одинъ офицеръ главнаго штаба увидѣлъ большое число солдатъ, занимавшихся погребеніемъ. Онъ спросилъ, кого погребали. „Это пять братьевъ, (*) отвѣчалъ одинъ изъ присутствующихъ; мы положимъ ихъ въ одну могилу.“ Офицеръ, знавшій ихъ, обнаружилъ сильное сожалѣніе. Онъ сказалъ въ тоже время нѣсколько словъ въ утѣшеніе пережившимъ. Но одинъ изъ нихъ быстро прервалъ его: „къ чему печалиться? Вѣдь они были солдаты? Вѣдь они умерли, исполняя обязанности солдата? Правительство позаботится объ ихъ дѣтяхъ и скоро эти дѣти займутъ въ нашихъ рядахъ мѣсто ихъ отцовъ.“

Мы сказали выше, какъ нравилось первымъ баталіонамъ сипаевъ называться именами офи-

(*) Братьями зовутся и двоюродные.

церовъ, ими командовавшихъ. Солдаты Матью и Гамбуртона долго называли себя этими именами. Сипаи, служившіе подъ командою герцога Веллингтона, тогда сэръ Артура Уилльсли, до сихъ поръ еще съ гордостью зовутъ себя „Уилльсліевымъ батальйономъ." Пятнадцать лѣтъ спустя, въ войнахъ 1817 и 1818 достаточно было дать имъ это имя, чтобы заставить ихъ броситься на всѣ опасности. Сэръ Эйръ Кутъ, одинъ изъ ихъ любимыхъ героевъ, остался постояннымъ лицемъ въ ихъ преданіяхъ. Чрезъ пятдесятъ лѣтъ послѣ его смерти видѣли еще солдатъ, внуковъ и правнуковъ тѣхъ, которые служили подъ его начальствомъ, приходившихъ пилигримами въ Мадрасъ. Цѣль ихъ была посмотрѣть его портретъ, выставленный въ большой залѣ президентскаго дворца: они разсказывали другъ другу легенды, въ которыхъ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ.

Индивидуальныя черты, если онѣ многочисленны, даютъ безъ сомнѣнія понятіе о характерѣ національномъ. Впрочемъ цѣлые корпуса сипаевъ въ точности представляютъ туже физіономію, какую мы очертили въ отдѣльныхъ лицахъ.

Баталіонъ Матью, о которомъ уже была рѣчь, былъ образованъ одинъ изъ первыхъ въ Бенгальской арміи. Этотъ баталіонъ отличился

во многихъ походахъ. Но по несчастію въ 1782 г. данъ былъ ему приказъ сѣсть на суда, по незнанію ли отвращенія индусовъ къ морю, или въ надеждѣ одолѣть его. Этотъ баталіонъ, какъ онъ ни былъ пріученъ къ дисциплинѣ, отказался единодушно отъ повиновенія приказу. Сдѣлалось полное возстаніе. Впрочемъ съ европейскими офицерами поступали по прежнему. Служба, во всѣхъ подробностяхъ, не только не прервалась, но получила болѣе правильности, чѣмъ когда либо. Нѣсколько сипаевъ, арестованныхъ за нарушеніе порядка, остались въ заключеніи. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль созванъ былъ военный судъ приказомъ губернатора. Двое субагдаровъ или туземныхъ капитановъ были осуждены на привязаніе къ дулу пушки и перенесли это наказаніе. Впрочемъ все таки не принудили сипаевъ къ морской службѣ; но правила дисциплины заставили распустить этотъ баталіонъ. Онъ распущенъ и солдаты размѣщены по другимъ баталіонамъ. „Такъ *кончились* матью-сцы, говоритъ намъ историкъ бенгальской арміи, корпусъ, заставлявшій говорить о себѣ такъ хорошо и такъ громко, въ продолженіи тридцати шести лѣтъ своего существованія, какъ никакой другой баталіонъ этой арміи. Еще и теперь если вы встрѣтите стараго солдата, служившаго въ его рядахъ, и спросите его, гдѣ онъ служилъ, онъ отвѣтитъ вамъ, гордо поднявши голову: „баталіонъ Матью.“ (Капит.

Уильямсъ). Не смотря ни на время ни на разстояніе, по моему, охотно сочувствуешь симпатической грусти, дышущей въ этихъ строкахъ. Историкъ, также какъ матью-сцы, принадлежалъ къ бенгальской арміи.

Нѣкоторые корпуса сипаевъ сдѣлали услуги, которыхъ важность и трудность не укроются отъ глазъ военнаго.

Небольшой отрядъ, подъ командою полковника Лесли, пошелъ изъ Бенгаліи въ Суратъ. Онъ прошелъ полуостровъ во всю его ширину, не оставивши ни человѣка на дорогѣ. Въ 1781 г. другой отрядъ, составленный изъ пяти полковъ туземной кавалеріи, прошелъ 1100 миль (355 льё) черезъ провинцію Куттакъ и Уиркерсъ съ сѣвера; онъ дошелъ до Мадраса въ самую критическую минуту. Ни одного побѣга не сдѣлано въ продолженіи всего этого похода. Въ 1783 г. этотъ же отрядъ отличился въ аттакѣ куддалорскихъ, линій защищаемыхъ французами. Здѣсь онъ въ первый разъ сошелся въ штыки съ европейскими войсками, и это оружіе, считаемое столь страшнымъ въ рукахъ нашихъ солдатъ, казалось, не удивило сипаевъ. Среди страшнаго возмущенія бенаресскаго небольшой отрядъ войскъ не поколебался отъ опасности самой крайней. Сраженія делійское, ласверское, ассейское, осады Агры и Дига, похо-

ды 1803 и 1084 г. обнаружили въ нихъ тѣже качества. Они отличились еще въ продолжительномъ отступленіи полковника Монсона, начавшемся на берегахъ Чембу и окончившимся въ Агрѣ, т. е. на пространствѣ 400 миль. (*) Итакъ это была одна изъ военныхъ операцій самыхъ трудныхъ, какія только можно вообразить; время было ужасное, дороги почти непроходимыя, припасовъ не было и ни одного дня не проходило безъ того, чтобъ не нужно было сражаться съ непріятелемъ. Но осада Буртпура дала сипаямъ возможность обнаружить блестящимъ образомъ всѣ ихъ воинскія достоинства, При первомъ приступѣ въ одномъ баталіонѣ легло на мѣстѣ 150 человѣкъ офицеровъ и солдатъ (**); при третьемъ отрядъ въ 800 человѣкъ (***) потерялъ въ нѣсколько минутъ 350 человѣкъ, не давая выйдти изъ города осажденнымъ, за ними слѣдовавшимъ. Второй и четвертый приступы были также убійственны; но все таки сипаи оставляли брешь не иначе, какъ по формальному приказу генера-

(*) Malcolm, Governement of India p. 220.

(**) 2-й баталіонъ 12-го полка туземной пѣхоты.

(***) 2-й баталіонъ 12-го полка съ первымъ, который всего менѣе потерпѣлъ.

ла, правда слишкомъ позднему, прекратить эту безполезную, хотя и героическую, рѣзню. (*)

Для того, чтобы получить сильное вліяніе на духъ сипаевъ, нужно говорить ихъ самолюбію и воображенію. Лордъ Лейкъ понялъ это лучше, чѣмъ кто нибудь, въ роковомъ событіи, о которомъ мы говорили. Въ дневныхъ приказахъ, въ каждомъ словѣ, онъ утѣшалъ ихъ въ несчастіи, хвалилъ ихъ храбрость, обвинялъ себя въ неудачѣ и принималъ на себя всю отвѣтственность. Никогда ни одно изъ тѣхъ горькихъ словъ, которыя такъ свойственны несчастнымъ генераламъ, не вылетало изъ устъ его. Удивительное поведеніе сипаевъ въ четырехъ приступахъ, такъ дурно назначенныхъ и такъ удивительно выполненныхъ, доказало впрочемъ, что онъ избралъ наилучше средство дѣйствовать на ихъ умы. Тоже самый способъ дѣйствія, по словамъ Мэлькольма, столько же удался Уоррену Гестингсу. Въ страшномъ возстаніи бенаресскомъ онъ одолженъ своимъ спасеніемъ своей неограниченной довѣренности къ отряду сипаевъ. Преданность этихъ солдатъ къ офи-

---

(*) Брешь очень дурно была развѣдана. Нашлись трудности, которыхъ не ожидали.

церамъ, прежде всегда хорошо поступавшимъ съ ними, восторжествовала надъ ихъ національнымъ чувствомъ.

Воспріимчивость относительно чести дѣлаетъ сипаевъ какъ нельзя болѣе чувствительными къ позору наказанія. Наказаніе плетью, употребительное въ англійской арміи, не могло укорениться въ войскахъ сипаевъ. Введенное слегка въ индусской арміи, безъ размышленія, оно уступало мало по малу, и наконецъ совершенно уничтожено. Лордъ Комберниръ сдѣлалъ первую реформу. Онъ приказалъ, чтобы наказаніе это, дѣлавшееся по распоряженію офицеровъ, производилось впредь только по приговору военнаго суда; это произвело хорошее дѣйствіе (*). Въ самомъ дѣлѣ, это значило отнять у наказанія его самую унизительную сторону, произвольность. Потомъ полковники нѣкоторыхъ полковъ начали исключать изъ службы всякаго сипая, который подвергся бы этому наказанію. Слѣдствіе мѣры было превосходно: оно распространилось почти во всей арміи. Но и это еще было недостаточно. Лордъ Уильямсъ Бентинкъ истребовалъ и привелъ въ исполненіе эту благородную мѣру.

(*) Слѣдствіе р. 485.

Принявъ въ соображеніе различіе времени, мѣстъ, поколѣній, мы не можемъ не найдти нѣкоторыхъ чертъ сходства между сипаемъ и солдатомъ французскимъ. Покрайней мѣрѣ у того и другаго находимъ мы туже живость воображенія, туже наклонность къ преданности начальнику своего выбора, туже легкость увлекаться добрыми поступками и воспламеняться отъ геройской рѣчи.

Извѣстны слова г. Безенваля, этого швейцарца, такъ хорошо говорившаго въ этомъ случаѣ нашимъ языкомъ. „Друзья! вѣдь нельзя бъ было взойдти туда, если бъ оттуда не летѣли пули.“ Извѣстенъ знаменитый дневной приказъ маршала Ришельё: „тѣ, которые напьются допьяна, не будутъ имѣть чести идти на приступъ.“ Извѣстны тысячи геройскихъ словъ нашихъ солдатъ въ революцію: „куда вы посылаете насъ?“ раздается голосъ изъ рядовъ колебавшагося баталіона. „На смерть“ отвѣчаетъ одинъ представитель народа. И баталіонъ гордо и радостно идетъ на врага.

ГЛАВА VII.

О недостаткахъ последней организацiи англо-индiйской армiи.

Цѣль, къ которой стремилось въ трехъ послѣдовательныхъ устройствахъ индо-британской армiи англiйское правительство, теперь окончательно достигнута.

Устройство этой армiи, за исключенiемъ нѣкоторыхъ подробностей, одинаково съ устройствомъ армiи англiйской.

Итакъ теперь время бросить взглядъ на выгоды, или скорѣе — увы! надобно это сказать теперь, на невыгоды этого устройства.

Съ самаго начала компанейскихъ войскъ, въ матерiальномъ отношенiи, съ простымъ солдатомъ поступали всегда хорошо. Одежда, квартиры, здоровье солдатъ никогда не переставали быть предметомъ заботливости правительства. Жалованье простаго сипая, принимая въ соображенiе разность цѣнъ работы и первыхъ потребностей въ Англiи и Индiи, составляетъ то, что для англiйскаго солдата составили бы 70 ф. стерл, или 1750 франковъ въ

годъ (*). Итакъ, какъ ни щедро даютъ жалованье англійскому солдату, онъ далеко не получаетъ такой суммы. Можетъ быть также, надо отнять нѣсколько отъ этой оцѣнки: мы заняли ее у одного *civilian* (гражданскаго чиновника). Во всякомъ случаѣ положеніе сипая очень сносно. Доказательствомъ этого служитъ то, что число волонтеровъ всегда было достаточно, и болѣе чѣмъ достаточно для набора. Сипаи пользуются еще нѣкоторыми преимуществами, неизвѣстными нашимъ солдатамъ европейскимъ. (**) Въ обычаѣ Англіи щедро платить за услуги, и она не нарушила этого обычая въ настоящемъ случаѣ. Но здѣсь, какъ и вездѣ, она, можетъ быть, слишкомъ легкомысленно убѣждена, что золото все, достаточно для всего, можетъ замѣнить все. Кромѣ этихъ матеріальныхъ выгодъ, предоставленныхъ сипаю, нечего больше похвалить въ организаціи этой арміи. Нельзя оставить рядовъ простыхъ солдатъ, ни подняться на нѣсколько степеней выше, безъ борьбы съ неудобствами всякаго рода.

Туземцы могутъ получить чины: наика или капрала, гамильдара или сержанта, джема-

(*) Шоръ, т. II. р. 418.

(**) Напримѣръ нѣкоторыми льготами въ производствѣ судебныхъ дѣлъ. Шоръ.

дара или поручика, субагдара или капитана. Два последніе чина, сравнительно съ тѣмиже чинами европейцевъ, суть пустые титулы. Они даются за старшинство. Законъ, сказать по правдѣ, не опредѣлилъ этого сначала формально, но обычай, вмѣстѣ съ англійскимъ духомъ, превозмогли: теперь онъ имѣетъ силу закона. Мало этого: этотъ обычай обратился въ право въ умѣ сипаевъ.

Достоинство трехъ способовъ устройства, которые мы очертили, отчасти находится въ обратномъ отношеніи къ ихъ хронологическому порядку. Первый былъ самый лучшій; третій самый худшій, съ наибольшимъ количествомъ недостатковъ, въ высшей степени несообразный съ характеромъ туземныхъ солдатъ.

Преданность этихъ солдатъ, надобно еще сказать, относится не къ идеѣ, а къ лицу. Сипай смотритъ съ величайшимъ безразличіемъ на англійское владычество. Онъ не поморщился бы при видѣ его паденія и переходя подъ другую власть. Но онъ предается тѣломъ и душей офицеру, съумѣвшему привлечь его привязанность, храбро предводительствующему на полѣ битвы, ласково и благородно обращающемуся съ нимъ на квартирахъ.

Первое устройство (1766) умѣло извлечь выгоду изъ этой настроенности ума сипаевъ. Оно ввѣряло начальство надъ корпусомъ, въ тысячу человѣкъ или около, одному европейскому офицеру съ двумя помощниками. Правительству тогда было легко, по причинѣ малаго числа, найдти офицеровъ, отлично способныхъ къ этому роду службы; эта служба нѣкоторымъ образомъ была произвольная. Въ нее исключительно вступали люди, сочувствовавшіе туземцамъ, знавшіе ихъ языки, любящіе ихъ обычаи. Съ другой стороны власть этихъ офицеровъ, по причинѣ ихъ малочисленности, была только моральная. Они понимали это и прибѣгали исключительно къ такимъ средствамъ, которыя могли укрѣпить ее въ этомъ смыслѣ. А оттого они неминуемо достигали своей цѣли.

Второе устройство, навязавшее европейскаго офицера каждой ротѣ, сильно измѣнило прежній порядокъ дѣла, не уничтоживши его однакожь окончательно. И тогда изъ англійскихъ офицеровъ только тѣ вступали въ эту службу, которые чувствовали себя къ ней способными. Отдѣльность ротъ, число солдатъ въ каждой, все это давало важность ихъ должности. Европейскій офицеръ берегъ солдатъ, старался пріобрѣсть ихъ привязанность, входилъ

съ ними въ сношенія, поколику позволяло различіе обычаевъ.

При третьемъ устройствѣ (1796) ничего подобнаго болѣе не существуетъ. Большое число англійскихъ офицеровъ даетъ имъ перевѣсъ нѣкоторымъ образомъ матеріальный: они не имѣютъ нужды заботиться о его пріобрѣтеніи, еще менѣе основывать его на привязанности своихъ солдатъ.

Они достигаютъ своего званія при выходѣ изъ школы чисто военной, гдѣ они ничего или почти ничего не узнаютъ ни въ вѣрованіяхъ, ни въ языкахъ, ни въ правахъ индусовъ.

Другія невыгоды, еще болѣе значительныя и совсѣмъ въ иномъ родѣ, происходятъ также изъ этого послѣдняго устройства. При началѣ учрежденія одинъ туземецъ, Магометъ-Иссуфъ, часто командовалъ всѣми мадрасскими сипаями, т. е. корпусомъ арміи, восходящимъ отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ. Другимъ сипаямъ послѣ него поручались также въ команду очень значительные отряды. Но это очень убавилось, когда европейскій офицеръ назначенъ былъ въ каждый баталіонъ. Все еще таланты, энергія, храбрость сипаевъ могли давать имъ очень почетное значеніе. Между европейскимъ офицеромъ и простымъ

солдатомъ было много степеней и нѣкоторыя довольно важныя: онѣ были исключительнымъ достоянiемъ сипаевъ. При второмъ устройствѣ карьеръ сипая ограничился одной ротой: но и тутъ еще онъ могъ быть чѣмъ нибудь по своимъ талантамъ и способности. Но настало третье устройство, при которомъ все это стало невозможнымъ, которое отняло у сипая весь карьеръ.

Нельзя сомнѣваться, что индусы такъ судятъ о новомъ военномъ устройствѣ. Высшiе классы, которыхъ нѣкогда почти исключительно доставало для наборовъ бенгальской и мадрасской армiи, съ каждымъ днемъ даютъ для нихъ менѣе и менѣе рекрутъ; низшiе классы постепенно наводняютъ всѣ ряды обѣихъ этихъ армiй. Такимъ образомъ военные чины потеряли всю заманчивость, всю важность въ глазахъ толпы.

Третье устройство сверхъ того поставило англичанъ въ такое положенiе, въ которомъ они являются только съ невыгодной стороны. Нѣтъ народа, который бы не имѣлъ предразсудковъ, обычаевъ колкихъ, щекотливыхъ для другихъ. Нѣтъ также народа, въ которомъ не нашлось бы извѣстнаго числа лицъ, свободныхъ отъ этого, и потому наиболѣе способныхъ вступить въ сношенiя съ чужими народами,

послужить связью, посредниками между ними и своими соотечественниками. Англичане, прежде служившіе въ туземныхъ войскахъ, принадлежали именно къ этому исключенію. Но съ тѣхъ поръ число европейскихъ офицеровъ неумѣренно возрасло. Теперь со стороны англичанъ и туземцевъ массы пришли въ соприкосновеніе съ массами. Они столкнулись всѣми своими предразсудками, всѣми національными обычаями, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ болѣе всего они могутъ отталкивать другъ друга.

Англичанинъ, опираясь на огромную вещественную силу, составляя часть военной системы, напоминающей ему со всѣхъ сторонъ военную систему Европы, непринужденно вдается во все то, что есть гордаго въ его духѣ, исключительнаго и надменнаго въ его обычаяхъ. Европейскій офицеръ живетъ въ Индіи отдѣльно отъ туземныхъ офицеровъ съ гораздо большею гордостью, чѣмъ въ Европѣ отдѣльно отъ англійскихъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Неумолимое презрѣніе удаляетъ туземцевъ безпрестанно отъ недоступнаго и освященнаго жилища, гдѣ среди самаго мелочнаго этикета, самаго исключительнаго церемоніала, протекаетъ жизнь джентльмэна. Изъ англійскихъ офицеровъ только самое малое число удостоиваетъ какого нибудь изученія предраз-

судки, нравы, привычки туземцевъ (*). Огромное большинство, съ полнымъ добродушіемъ, считаетъ ихъ существами низшей природы, не имѣющими права ни на какое съ нимъ общеніе. Благодаря этому устройству, чисто европейскому, всѣ судятъ объ отношеніяхъ къ подчиненнымъ по идеямъ европейскимъ. Въ сипаяхъ не видятъ болѣе членовъ, часто очень почетныхъ, иностранныхъ народовъ, съ которыми находятся въ соприкосновеніи, положеніе которыхъ среди ихъ народа можетъ стоить ихъ собственнаго положенія въ націи англійской, можетъ даже много превосходить его. Въ нихъ видятъ низшихъ членовъ англійскаго общества. Такимъ образомъ нѣтъ ни одного прапорщика, который бы не обременялъ сипаевъ всѣмъ презрѣніемъ, обнаруживаемымъ высшими классами англійской аристократіи въ сношеніи съ остальными классами общества.

(*) Нѣкоторые простерли невѣжество или пренебреженіе въ этомъ дѣлѣ до степени истинно непонятной, до того, что онѣ могли сдѣлаться опасными. Недавно одинъ генералъ, прибывшій изъ Англіи, хотѣлъ принудить цейлонскихъ сипаевъ идти въ церковь; другой изъ опасенія потерять припасы, которыми нагружены были суда, хотѣлъ кормить ихъ соленой говядиной. Трудно бы было повѣрить фактамъ, еслибъ объ нихъ не свидѣтельствовалъ одинъ изъ важнѣйшихъ чиновниковъ. (Шоръ, въ разныхъ мѣстахъ).

Иногда надъ потомкомъ какого нибудь раджи, надъ браминомъ или шактріемъ, котораго родословная считается вѣками, сынъ какого нибудь лавочника изъ сити выказываетъ свое блестящее превосходство.

Дисциплина, правильность службы, безъ сомнѣнія, много выиграли въ индо-британской арміи при настоящемъ устройствѣ. Но это куплено цѣною выгодъ болѣе драгоцѣнныхъ. Правда, что-то похожее случилось и во Франціи; усвоеніе нѣмецкой дисциплины и организаціи всѣми арміями материка Европы произвело напр. во Франціи подобные результаты. Еще при Людовикѣ XIV замѣтна была борьба воинскаго духа съ новѣйшею дисциплиною. Ученые маневры, однообразное платье долго были противны этому духу. Одинъ бретонецъ, маркизъ Коэтканъ (Coëtquen), разжалованный въ полномъ парадѣ самимъ Людовикомъ, сказалъ: „счастье, что обломки (*) остались у меня.“ Маркизъ Мирабо, дѣдъ графа, никогда не могъ рѣшиться затянуться въ мундиръ, ни подчиниться всѣмъ требованіямъ нѣмецкой тактики. Европейскія арміи не могли не выиграть отъ этихъ нововведеній. Вся тактика, вся новая стратегія

(*) Игра словъ; *разжаловать* пофранцузски *casser*. *Пр. Перев.*

должны были произойдти отъ такого устройства. Чудеса дисциплины должны были превзойдти все, что могли произвесть качества, самыя мужественныя, самыя энергическія, отдѣльныхъ лицъ при прежней системѣ. Но не то долженствовало быть въ Индіи. Шагъ больше или меньше на пути подражанія нашимъ европейскимъ арміямъ, не стоилъ той цѣны, какою должно было заплатить за него.

Важное замѣчаніе: черты, приведенныя на предъидущихъ страницахъ, большею частію были прежде новаго устройства. Нѣкоторыя, правда, относятся къ первымъ временамъ послѣ его введенія: но тогда еще прежній духъ арміи не успѣлъ совсѣмъ изгладиться, еще не изчезъ. Можно ручаться всѣмъ, что онѣ не повторились бы нынѣ.

Послѣ нѣкоторыхъ подобныхъ размышленій, Мэлькольмъ въ самомъ дѣлѣ заключаетъ слѣдующими словами: „изъ всего этого можно понять, какъ трудно будетъ англійскому правительству даже удалить туземцевъ, офицеровъ и солдатъ. Они будутъ повиноваться намъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ; будутъ колебаться, когда обстоятельства будутъ угрожать сдѣлаться тяжкими; они оставятъ насъ, когда дѣйствительно положеніе будетъ тяжко.“ Въ другомъ мѣстѣ: „въ положеніи, въ которомъ огра-

ничено честолюбіе туземныхъ офицеровъ, нужно ли удивляться, что въ трудныхъ случаяхъ, напр. въ возмущеніи, въ волненіи между солдатами, туземные офицеры рѣдко оказывали много ревности и дѣятельности? Въ подобныхъ случаяхъ они подвергаются справедливому подозрѣнію; всего чаще въ ихъ поведеніи выказывалось совершенное безразличіе, обыкновенный результатъ отсутствія побужденій къ соревнованію, необходимыхъ для людей, поставленныхъ, какъ они, между офицерами, которымъ они обязаны виноваться, и виновными, съ которыми они связаны узами національности.“ (*) Въ другомъ мѣстѣ еще: „поведеніе туземныхъ офицеровъ въ Велорѣ и въ позднѣйшемъ возмущеніи баракпурскомъ, было почти одинаково. Въ этихъ обоихъ случаяхъ они дѣйствовали, какъ люди, желающіе не потерять того, что у нихъ было, и въ тоже время не имѣющіе достаточныхъ побужденій исполнять трудную обязанность съ жаромъ и рѣшимостью. (**)

(*) Makolm, Politic. histor., t. II. p. 255.

(**) Ib. ibid.

ГЛАВА VIII.

О значеніи устройства, тактики и стратегіи въ англійскомъ завоеваніи. Характеръ англійскихъ генераловъ.

Военная наука, какъ она есть теперь въ исторіи и сочиненіяхъ Наполеона, совершенно новая.

Маршалъ Саксонскій писалъ въ своихъ *мечтахъ*: „война есть наука, покрытая мракомъ, среди котораго идутъ невѣрными шагами: рутина и предразсудки ея основанія. Всѣ науки имѣютъ основныя начала: одна война никакихъ; величайшіе полководцы-писатели намъ не даютъ ихъ. Надобно быть совершеннымъ человѣкомъ чтобы понять войну. Густафъ Адольфъ создалъ методу: но ее тотчасъ оставили, потому что узнали путемъ рутины. Итакъ не остается ничего, кромѣ обычаевъ, которыхъ основныя начала намъ неизвѣстны.“

Сомнительно, чтобы между всѣми великими качествами маршала Саксонскаго способность дѣйствовать вnопадъ стояла на первомъ

планѣ. Минута, когда онъ такъ выражался, была та самая, когда Фридрихъ одерживалъ побѣды при Гогенфрейбергѣ и Соорѣ, когда онъ велъ эту семилѣтнюю войну, долженствовавшую навсегда остаться знаменитою въ исторіи стратегіи.

Изученіе этихъ великихъ дѣйствій не раскрыло еще ихъ тайнъ передъ толпой, когда вспыхнули великія революціонныя войны. Такимъ образомъ первые революціонные походы тянулись по старой колеѣ тѣхъ позиціонныхъ войнъ, теорію которыхъ начерталъ намъ маршалъ Даунъ. (*) Каждая изъ воющихъ армій старалась занять себѣ позицію, гдѣ она считала себя невредимою, и въ самомъ дѣлѣ, она могла расчитывать почти навѣрное, что другая армія, занятая тоюже заботою, не отважится напасть на нее. Такимъ образомъ, переходя изъ одной крѣпкой позиціи въ другую, ожидали минуты схватки. Шли на непріятеля, не зная, какъ напасть на него, и еще менѣе, какъ устроить отступленіе. Тогда минутный энтузіазмъ не разъ замѣнялъ военную опытность. Утомляли непріятеля, сбивали его съ толку выстроеніемъ огромныхъ линій стрѣлковъ. Будь одна минута колебанія, главнокомандующій, вчера еще адве-

---

(*) Traité der starken Positionen du maréchal Dawn.

катъ или врачъ, поднималъ на концѣ шпаги свою шляпу съ трехцвѣтной кокардой и запѣвалъ Marseillaise; пѣніе оглашало ряды за рядами, сраженіе начиналось и войска стремительно бросались на непріятельскіе баталіоны.

Въ походахъ 1794 и 1795 сдѣлано очень важное нововведеніе. Французскія войска, строясь перпендикулярно къ боевой линіи непріятеля, маневрировали, чтобы напасть на него съ обоихъ крыльевъ. Тотже самый планъ былъ принятъ для похода 1796. Армія Самбры и Мааса подъ начальствомъ Журдана, рейнская армія подъ предводительствомъ Моро должны были выполнить этотъ маневръ противъ арміи эрцгерцога Карла. Журданъ былъ на лѣвомъ, Моро на правомъ крылѣ. Эрцгерцогъ разстроилъ этотъ планъ. Онъ послалъ противъ рейнской арміи сколько нужно было войска для ея удержанія, но небольше; потомъ, съ главною массою своихъ силъ, онъ двинулся стремительно на армію Самбры и Мааса, принудилъ ее отступить посредствомъ превосходныхъ силъ. Въ тоже самое время Бонапарте громовымъ ударомъ предвозвѣщалъ свое исполинское счастіе; онъ производилъ въ Италіи, въ громадныхъ размѣрахъ, способомъ новымъ, но столь же рѣшительнымъ, движеніе, сходное съ движеніемъ эрцгерцога. Перешедши Альпы съ быстротою мы-

сии, онъ бросился со всѣми силами на правое крыло австрійской арміи; онъ стеръ, задавилъ его. Слѣдующіе походы одолжены своимъ успѣхомъ дѣйствіямъ тогоже рода. Императоръ, благодаря извѣстнымъ направленіямъ, извѣстнымъ стратегическимъ линіямъ, удачно выбраннымъ, устремлялъ массу своихъ силъ то на правое или лѣвое крыло, то на центръ непріятеля.

Итакъ въ этомъ состояла тайна, доставившая Фридриху побѣды въ семилѣтнюю войну; эта тайна, сказали мы, потому что, подобно всѣмъ разсчетамъ генія, она состояла въ томъ, чтобы обратить массу своихъ силъ на одно крыло или на центръ непріятеля. Впрочемъ Фридрихъ пользовался сю только на полѣ битвы. Эрцгерцогъ употребилъ ее въ большемъ размѣрѣ; потомъ явился Бонапарте, который, своимъ громовымъ соображеніемъ, преобразовалъ ее и расширилъ. Тогда какъ идея Фридриха дѣйствовала на маломъ пространствѣ, для тойже идеи у Бонапарте театромъ былъ міръ.

Англійская армія осталась чуждою этому преобразованію военной науки. Свойство этой арміи было мало приспособлено къ великимъ

движеніямъ новѣйшей стратегіи. Она не имѣла ни устройства въ постоянныхъ дивизіяхъ, ни особенной подвижности, для нихъ необходимой. Съ другой стороны національный духъ не побуждалъ англичанъ къ новымъ предначертаніямъ. Ихъ морская тактика, покрайней мѣрѣ въ продолженіи большей части XVIII в., состояла въ томъ, чтобы выдерживать огонь непріятеля, пока онъ утомится. Онъ удалялся тогда и поле битвы оставалось ихъ судамъ, избитымъ и немогущимъ двигаться. Англійскіе генералы приняли тактику, совершенно подобную тактикѣ адмираловъ. Приходило ли время вступить въ битву, они всего чаще ограничивались тѣмъ, что выжидали непріятеля въ позиціи, хорошо выбранной, часто напередъ укрѣпленной. Туже систему мы находимъ вновь отъ линій Торресъ-Ведрасъ до поля битвы при Ватерлоо. Главнокомандующій, чтобы отразить непріятеля, чтобы заставить его заплатить дорого за нападеніе, часто безразсудное, довѣрялся крѣпкой рукѣ, хладнокровію, невозмутимому спокойствію сыновъ старой Англіи. Если непріятель въ самомъ дѣлѣ былъ отраженъ, сдва преслѣдовали его нѣсколько сотъ шаговъ. Генералъ довольствовался чаще всего удержаніемъ за собой поля битвы. Рѣшался ли онъ двинуться, это дѣлалось для того, чтобы на маломъ оттуда разстояніи занять другую позицію, гдѣ

онъ дѣйствовалъ по прежнему. Въ дѣлѣ стратегіи герцогъ Веллингтонъ, въ своихъ войнахъ на полуостровѣ, кажется, порой хотѣлъ возвратиться къ системѣ старой школы маршала Дауна.

Писатель безъименный, но самъ военный, смѣялся очень остроумно надъ англійскими генералами за это излишнее благоразуміе. „Нѣтъ ничего столь похвальнаго, говоритъ онъ имъ, какъ деликатность съ врагомъ. Преслѣдовать его съ обнаженною шпагою послѣ побѣды значило бы пользоваться его несчастіемъ. Вамъ довольно доказать, что вы можете бить его, когда сочтете это приличнымъ. Вы всегда будете дѣйствовать открыто и добросовѣстно съ другомъ и врагомъ. Такимъ образомъ вы никогда не скроете вашего плана, не поставите засады. Вы никогда не нападете на врага ночью: вы вспомните объ Аяксѣ, готовящемся къ бою съ Гекторомъ: „Небо! освѣти насъ и сражайся противъ насъ“. Если непріятель уходитъ, дайте ему нѣсколько дней времени, чтобы показать ему, что не сомнѣваетесь нагнать его, когда вы это предпримете. Кто знаетъ, можетъ быть, столь деликатный поступокъ заставитъ его остановиться? Когда онъ достигнетъ безопаснаго мѣста, тогда вы можете пуститься преслѣдовать его со всей ва-

ней арміей.“ (*) Это конечно очаровательная иронія, но въ ней есть однакожъ кое что истины. Въ колкихъ словахъ писателя можно узнать недостатки военныхъ инженеровъ англійскихъ, о достоинствахъ которыхъ мы говорили выше.

Этотъ способъ сражаться отлично однакожъ приспособленъ къ національному духу Англіи. Впрочемъ некстати ли здѣсь припомнить себѣ названіе одной комедіи Шекспира: „все хорошо, если конецъ хорошъ.“ Не видали ли мы,—воспоминаніе грустное и роковое! англійской армія, которая, высадившись въ Португаліи, послѣ пяти кампаній, дошла до полей Елисейскихъ? Прибавимъ еще, что казалось, во время трудныхъ походовъ, ею совершенныхъ, она пополнялась, а не ослабѣвала.

Аристократическая натура правительства, которому служатъ англійскіе генералы, много, думаемъ мы, отразилась на тактикѣ и стратегіи самихъ генераловъ. Аристократія, при большемъ сознаніи своего дѣла, съ большимъ терпѣніемъ умѣетъ дождаться его конца. Она требуетъ отъ своихъ генераловъ, отъ своихъ государственныхъ людей только того, чтобы

---

*) Advice to the officers of the british army, t. 1. p. 522.

не противодѣйствотать ей на пути, ею избранномъ, потому что она сознательно идетъ по немъ прямо къ своей цѣли. Аристократія требуетъ отъ него прежде всего не рисковать безразсудно драгоцѣннымъ орудіемъ, которое она ему ввѣрила. Если оно сегодня безполезно, то завтра найдется употребленіе: она знаетъ особенно, что это орудіе никогда не выпадетъ у ней изъ рукъ.

Съ другой стороны, по самому свойству дѣлъ, англійскіе генералы не могли, до извѣстной степени, въ своихъ индійскихъ походахъ пользоваться новыми предначертаніями новой войны. Устройство индо-британской арміи, огромные обозы, ее обременяющіе, базаръ, отъ котораго она не можетъ освободиться, состояніе народовъ, предъ которыми она должна дѣйствовать, самая природа страны, все это представляло множество препятствій великимъ движеніямъ европейской стратегіи.

Итакъ значеніе стратегіи было очень неважно въ завоеваніи Индіи. Основатель имперіи, Клейвъ, нисколько не былъ предшествовавшими событіями приготовленъ къ великой военной роли. Призванный, среди критическихъ событій, передъ совѣтъ мадрасскій, онъ сказалъ слѣдующія знаменитыя слова: „мы всего слабѣе въ войнѣ оборонительной; ну чтожъ?

Примемъ смѣло наступательную.“ Но эти слова диктовалъ ему генiй политики, а не генiй войны. Битва плессiйская, породившая столько обширныхъ послѣдствiй, открывшая эру англiйскаго владычества, не имѣла сама по себѣ никакого значенiя въ военномъ отношенiи. Политическая смѣлость Клейва произвела здѣсь все. Сэръ Эйръ Кутъ, оставшiйся героемъ въ преданiяхъ сипаевъ, показалъ, безъ сомнѣнiя, большiе таланты; однакожь трудно оцѣнить ихъ важность. Непостижимыя ошибки, какъ будто изъ удовольствiя нагроможденныя одна на другую этимъ несчастнымъ Лалли, дали ему столько значенiя, что очень трудно въ успѣхѣ дѣла дать настоящую цѣну способности одного и неспособности другаго. Битва уэндесвегская предала въ руки англичанъ столицу французскихъ владѣнiй. Итакъ Лалли, раздѣляя свои силы передъ непрiятелемъ, уже превосходнымъ въ числѣ, давая сраженiе въ положенiи самомъ неблагопрiятномъ, съ армiею, часть которой была употреблена въ осадѣ, не чертилъ ли своей собственной рукой всего плана кампанiи для своего противника? Бюсси былъ соперникъ, съ которымъ Кутъ не сторговался бы такъ дешево. Но рокъ тяготѣлъ тогда надъ Францiею, на землѣ и на морѣ, во всѣхъ сторонахъ свѣта; онъ удалилъ его отъ начальствованiя.

Лордъ Корнуаллисъ также является съ выгодной стороны скорѣе на поприщѣ политическомъ, чѣмъ военномъ. Въ первой кампаніи противъ Типпу онъ дошелъ до пушекъ серингапатнамскихъ, не подумавши ни разу, что у него недостаетъ съѣстныхъ припасовъ. Онъ отступилъ тогда съ такою же поспѣшностію, съ какимъ ослѣпленіемъ зашелъ такъ далеко. Въ нападеніи на линіи Типпу, оставшемся знаменитымъ въ военной исторіи Индіи, онъ направилъ на эти линіи три одновременныя и очень серьёзныя аттаки, въ двухъ лье отъ своего лагеря, не устроивъ ни малѣйшаго резерва. Самый простой здравый смыслъ предписывалъ двѣ ложныя аттаки и резервъ. Еслибъ одна изъ аттакъ, сдѣланныхъ по распоряженію лорда Корнуаллиса, не удалась, то Типпу, отразивши ее, ударилъ бы во флангъ и въ тылъ англійской арміи, еще занятой двумя другими аттаками. Исторія кампаній лорда Корнуаллиса представляетъ, такъ сказать, безчисленные примѣры промаховъ этого рода.

Лордъ Лейкъ, герцогъ Веллингтонъ, тогда сэръ Артуръ Уилльсли, генералъ Гаррисъ обнаружили воинскіе таланты, но не первой степени (*). Лордъ Лейкъ былъ особенно замѣ-

(*) Таланты герцога Веллингтона были безспорно первостепенные; мы хотимъ сказать, что обстоятельства не выказали ихъ въ полномъ блескѣ.

чателенъ горячностію, стремительностію, нетерпѣніемъ, презрѣніемъ всѣхъ препятствій. Можно сказать, что онъ хотѣлъ быть одолженъ своей побѣдой мощи своей руки, а не силѣ своей головы. Нападать на врага повсюду, гдѣ бы его ни завидѣлъ, въ какой бы позиціи онъ ни былъ, безъ предварительныхъ распоряженій, кажется, было основаніемъ его тактики. Въ сраженіи при Ласваре онъ напалъ съ одной кавалеріей на непріятеля въ крѣпкой позиціи, тогда какъ пѣхота находилась еще въ трехъ льё отъ поля битвы. Отраженный съ урономъ четыре раза, можно сказать, онъ потерялъ четыре дѣла прежде, чѣмъ выигралъ одно. Еслибъ въ войскѣ маратовъ было такое же устройство, какъ въ войскѣ англичанъ, ни одинъ изъ сихъ послѣднихъ не могъ бы уцѣлѣть. Герцогъ Веллингтонъ, въ послѣдствіи благоразумный генералъ въ войнахъ на полуостровѣ, былъ тогда кавалерійскимъ офицеромъ столь же горячимъ, какъ и самъ лордъ Лейкъ. Въ битвѣ при Асси онъ напалъ съ своей кавалеріей на пѣхоту въ крѣпкой позиціи. Любопытно читать, какъ онъ, въ письмѣ къ сэру Томасу Мунро, хладнокровно оправдывается въ этомъ безразсудствѣ, извиняетъ себя въ немъ нѣкоторымъ образомъ, не смотря на успѣхъ. Изъ за этого безразсуднаго офицера виденъ генералъ столько же осторожный, какъ и безстрашный, который съумѣетъ удержаться въ линіяхъ Торресъ-Ведрасъ. Ге-

нералъ Гаррисъ, побѣдитель Типпу, состарѣлся въ своемъ дѣлѣ, но сохранилъ весь свой жаръ. Онъ имѣлъ счастіе водрузить англійское знамя на стѣнахъ Серингапатнама, но во всякомъ случаѣ лоръ Уилльсли проложилъ ему этотъ славный путь.

Маркизъ Уилльсли, тогда генералъ губернаторъ, самъ былъ чуждъ военнаго ремесла; но превосходство ума, тамъ гдѣ оно существуетъ въ извѣстной степени, можетъ легко замѣнить этотъ спеціальный недостатокъ. Лордъ Уилльсли начертилъ планъ кампаніи, согласный съ успѣхами военной науки въ Европѣ. Онъ далъ генералу Гаррису формальную инструкцію идти прямо на Серингапатнамъ, оставляя безъ вниманія всѣ промежуточныя позиціи; этимъ самымъ онъ давалъ генералу возможность дойдти до Серингапатнама со всѣми своими силами; онъ сокращалъ войну въ весьма малые сроки и такимъ образомъ не оставлялъ вѣроятности непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Успѣхъ самый полный увѣнчалъ это предначертаніе, умное со стороны политической, смѣлое со стороны стратегической.

Странное дѣло! два величайшіе противника англичанъ, Гайдеръ и Типпу, чаще всего представлялись выше своихъ соперниковъ въ искусствѣ военномъ. Немногіе генералы сравнялись съ

Гайдеромъ въ способности выбирать позиціи, скрывать свои планы отъ непріятеля, быть всегда тамъ, гдѣ его не ожидали. Пораженіе полковника Бальи, ловкій маневръ, которымъ онъ разбилъ непріятеля въ сраженіи при Порто-Ново, это ясно доказываютъ. Типпу наслѣдовалъ отчасти эти таланты. Нельзя благоразумнѣе выбрать положенія, какъ то, въ которомъ онъ укрѣпился во время битвы при Арикери, данной имъ для того, чтобы не допустить англійскую армію перейдти черезъ Кавери. Правое крыло его опиралось на рѣку, центръ былъ неприступенъ, лѣвое касалось горной цѣпи; англичане не могли дойдти до него иначе, какъ длиннымъ обходомъ, а этотъ обходъ съ выгодой открывалъ ему самому ихъ флангъ.

Если тѣмъ не менѣе окончательный успѣхъ остался на сторонѣ англичанъ, то причины этого надобно искать совсѣмъ не въ талантахъ ихъ генераловъ. Этотъ успѣхъ, безъ сомнѣнія, произошелъ отъ превосходства устройства нашихъ европейскихъ армій предъ арміями Востока. Это превосходство въ самомъ дѣлѣ было такого рода, что уничтожало всякое равенство вѣроятностей, дѣлало излишнимъ всякое стратегическое предначертаніе. Всякому направленію можно слѣдовать, во всякой позиціи можно защищаться тому, кто во вся-

комъ случаѣ неминуемо будетъ сильнѣе. Величайшая и труднѣйшая задача стратегіи, которая конечно и состоитъ въ томъ, чтобы поставить себя въ это положеніе, разрѣшена напередъ и постоянно въ его пользу. Одной этой организаціи было достаточно для того, чтобы упрочить англичанамъ тотъ перевѣсъ, который геній Фридриха или Наполеона давалъ имъ надъ ихъ противниками. Мнѣ позволятъ повторить нѣкоторыя слова, написанныя въ другомъ мѣстѣ: „предположимъ на минуту, что какое нибудь чудное искусство нашло средство одушевлять, приводить въ движеніе, какимъ бы то ни было образомъ, напр. парами, цѣлую крѣпость: что̀ бы могло въ этомъ случаѣ сдѣлать все искусство Цезарей, Фридриховъ, Наполеоновъ? Таково, до извѣстной степени, положеніе нашихъ европейскихъ войскъ посреди армій Азіи или Африки. Посмотрите на этотъ полкъ: онъ строится въ каре, свертывается въ колонну, растягивается въ линію, съ общностью, съ единствомъ, которыя дѣлаютъ изъ него одно существо, съ силами бо́льшими, чѣмъ у тѣхъ, которые на него нападаютъ. Стремительность солдатъ, геній вождя противниковъ сокрушится подъ его ногами, не имѣя силъ повредить ему.“

За недостаткомъ болѣе блистательныхъ плановъ нѣкоторыхъ другихъ вождей, есть ...

крайней мѣрѣ у англійскихъ генераловъ одно качество, которое мы любимъ выставлять: это ихъ крайняя бережливость на кровь солдатъ. Это самое качество изъ всѣхъ нашихъ генераловъ отличало въ особенности Тюренія: но кажется, слишкомъ часто онъ уносилъ его съ собой въ могилу. По счету Фридриха Великаго, армія въ походѣ потребовала бы ежегоднаго пополненія цѣлой третью своей наличности; герцогъ Веллингтонъ, въ своихъ кампаніяхъ на полуостровѣ, со славою умѣрилъ эту пропорцію. Во всѣхъ его шести кампаніяхъ не потребовалось пополненія болѣе, какъ на одну шестую долю въ каждой.

Въ Индіи англійскіе генералы показали туже распорядительность, одушевлены были тѣмиже чувствами. Мы представимъ для этого примѣръ по истинѣ трогательный. Лордъ Лейкъ, потерявши нѣсколько дней предъ фортомъ Аллейггуромъ съ цѣлію избѣжать кровопролитнаго приступа, увидѣлъ однакожъ себя въ необходимости произвесть его. Въ депешахъ къ лорду Уиллысли, отдавая отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ во время боя, который былъ ужасенъ и въ которомъ онъ не участвовалъ по своему чину, онъ писалъ: „въ жизни моей я не пережилъ ни одной минуты болѣе томительной.“ Потомъ оканчиваетъ: „прошу у васъ прощенія въ многословіи: но мой умъ такъ

возмущенъ потерею столь многихъ храбрыхъ людей, что я едва знаю, что я говорю и что дѣлаю." (*) Десять дней спустя, кажется, это впечатлѣніе первой минуты должно бы утихнуть, и однакожъ онъ писалъ въ другой депешѣ: „я не нашелъ бы словъ для выраженія всего того, что я чувствовалъ въ этомъ случаѣ, ни для оплаканія, какъ бы я хотѣлъ, потери столь многихъ храбрыхъ, здѣсь падшихъ." (**) Наконецъ спустя три недѣли, въ дружескомъ письмѣ онъ говоритъ: „могу сказать, что я не пощадилъ ни одного усилія, бывшаго въ моей власти, чтобы избѣжать этого пролитія человѣческой крови: это для меня большое утѣшеніе, потому что я убѣжденъ, что ни одинъ человѣкъ въ моемъ положеніи не долженъ рисковать жизнью своихъ солдатъ, ни подвергать безполезной рѣзнѣ жизнь солдатъ непріятельскихъ. Эти чувства, надѣюсь, будутъ говорить за меня предъ Создателемъ и отечествомъ за всю пролитую кровь; надѣюсь также, они сохранятъ для меня всѣ мои прежнія права на продолженіе благоволенія и дружбы вашей. (***)

Мы сомнѣваемся, чтобъ можно было найдти въ другомъ мѣстѣ слова прекраснѣе, проще,

---

(*) Wellesley t. III. p. 294.

(**) Idem ibid. pag. 313.

(***) Id. ibid. p. 381.

благороднѣе. Но сколькожъ онѣ трогательны подъ перомъ человѣка, ихъ писавшаго. Лордъ Лейкъ, при своей горячности, стремительности, на другомъ театрѣ представлялъ нашего Мюрата, этого царя кавалеріи, этого погребателя баталіоновъ, „потому что онъ также имѣлъ походку царя Аграмана и леталъ въ бой въ упоеніи радости и силы, какъ будто бы былъ несомъ Гиппогрифомъ.“ (*)

ГЛАВА IX.

О слабости военныхъ учрежденій индо-британской имперіи въ отношеніи къ наступательной и оборонительной войнѣ.

Мы показали, въ чемъ погрѣшаетъ новая военная организація арміи индо-британской. Мы указали на ея внутренніе пороки. Не мѣшаетъ однакожъ разсмотрѣть военное учрежденіе на бо́льшемъ полѣ зрѣнія, въ его отношеніяхъ къ войнамъ наступательнымъ и оборонительнымъ, въ которыя имперія могла бы быть вовлечена.

(*) Шатобріанъ, Congrès de Verone t. 1. p. [illegible]

Армія индо-британская въ 1830 г. имѣла въ наличности 253 т. человѣкъ. Въ этомъ числѣ заключались нѣкоторыя мѣстныя ополченія, полицейскіе солдаты ипр. Выключивъ ихъ изъ предыдущей цифры, получимъ до 214000. Уже и первая изъ этихъ цифръ составитъ армію слишкомъ слабую относительно массы народонаселенія. Такимъ образомъ считается во Франціи съ Іюльской революціи 1 солдатъ на 76, въ Пруссіи 1 на 80, въ Австріи 1 на 118, въ Англіи 1 на 380, а въ Индіи 1 на 600.

Съ другой стороны, если разсмотримъ отношеніе числа наличныхъ войскъ къ пространству земли, которую онѣ должны защищать, то относительная слабость ихъ обнаружится еще болѣе. А это одно изъ самыхъ существенныхъ отношеній, какъ всякому извѣстно, для выраженія наступательной и оборонительной силы какого угодно государства. Войска, разсѣянныя на весьма обширномъ пространствѣ земли, немогутъ быть легко собраны ни для нападенія, ни для защиты: и индо-британская имперія находится въ такомъ положеніи болѣе, чѣмъ всякое другое государство. Войска ея разсѣяны на огромномъ пространствѣ. Между тѣмъ нельзя собрать ихъ въ болѣе значительныя массы, потому что политическое положеніе страны, свойство отношеній англійскаго правительства къ туземцамъ, требуютъ одновре-

меннаго присутствія ихъ на всѣхъ пунктахъ разомъ. Другія обстоятельства еще усиливаютъ слабость и разобщеніе арміи.

Армія не опирается ни на что; позади ея нѣтъ ни вооруженныхъ милицій, (по крайней мѣрѣ онѣ слишкомъ ничтожны), ни резервовъ подъ какимъ бы то ни было именемъ. Однимъ словомъ, у ней свои силы, и ничего больше. Среди государства она будто въ землѣ непріятельской.

Есть по видимому очень легкое средство помочь всѣмъ этимъ недостаткамъ: усилить армію, потому что она слишкомъ слаба. Но положеніе финансовъ не позволяетъ этого никоимъ образомъ. Въ этомъ отношеніи, подобно нѣкоторымъ государствамъ Европы, имперія индо-британская, среди обстоятельствъ самыхъ благопріятныхъ, едва можетъ содержать свою армію на мирной погѣ. Расходы на эту армію простираются больше, чѣмъ на половину всего бюджета. Малѣйшія войны производятъ неисчислимыя траты. Двѣ кампаніи противъ бирмановъ, послѣдняя экспедиція въ Кабулъ обременили государство огромными дефицитами. (*) Однакожъ въ обоихъ случаяхъ дѣйствующая армія была очень немногочисленна.

(*) См. бумаги, представленныя парламенту

Итакъ имперія индо-британская немогла бы своими собственными средствами выдержать продолжительной войны. Англія должна бы была помогать ей. Но позволило ли бы это ей ея положеніе? Въ этомъ можно сомнѣваться. Во всякомъ случаѣ вопросъ этой стороной соприкасается съ видами европейской политики; а потому онъ становится теперь чуждымъ тѣмъ вопросамъ, которые насъ занимаютъ въ эту минуту. Но есть другіе вопросы, на которые напротивъ мы должны обратить все вниманіе.

Внутреннее положеніе имперіи сдѣлало бы весьма опасною для англійскаго владычества всякую войну серьёзную и продолжительную. Наши европейскія арміи, воюя на границѣ, обыкновенно находятъ опору въ народонаселеніи. Въ Индіи напротивъ часть арміи должна быть употреблена на удержаніе подъ игомъ нѣкоторыхъ племенъ, всегда готовыхъ изъ подъ него вырваться. Свидѣтельства, касающіяся этого пункта, столь же многочисленны, какъ и опредѣлительны. Если бъ вторая осада Бгуртпура также не удалась, какъ и первая, немедленно возсталъ бы цѣлый милліонъ людей. Одинъ изъ людей съ наибольшимъ авкторитетомъ, съ большими свѣдѣніями, сравнительно съ другими, жившими въ Индіи, говорилъ передъ палатою лордовъ: „въ Индіи, какъ и въ другихъ странахъ, даже болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, есть

классъ многочисленный, набирающійся изъ низшихъ кастъ, всегда готовый служить подъ знаменами того, кто дастъ ему средства жизни. Эти люди не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что мы называемъ вѣрностью и пр. по крайней мѣрѣ, если это не относится къ начальнику, которому они служатъ." (*) „Можно считать, говоритъ другой писатель, что въ Индіи есть около двухъ милліоновъ солдатъ, принужденныхъ англійскимъ правительствомъ перековать свои сабли на сошники; при малѣйшей надеждѣ грабежа, или по призыву вождя смѣлаго и способнаго, эти люди всегда готовы вновь взять свое оружіе." (**) Англійское правительство безъ сомнѣнія нашло бы между этими искателями приключеній много рекрутъ, но и армія нападающая, и еще съ большею вѣроятностію, нашла бы въ нихъ безчисленныя пособія. Приманка неограниченнаго грабежа подѣйствовала бы на нихъ могущественнѣе вѣрной выгоды.

Въ томъ случаѣ, когда бы нападающая армія была европейская или опиралась на европейскій корпусъ, можетъ быть, представилось бы затрудненіе другаго рода. Армія индо-британская будетъ ли въ силахъ противопоставить ей

(*) Слѣдствіе, t. V. p. 184.

(**) Id. ibid.

дѣятельный отпоръ? Многіе военные англичане, и очень знаменитые, не опасаются высказывать на этотъ счетъ свое сомнѣніе. „Армія индо-британская, говоритъ одинъ изъ нихъ, кажется, въ силахъ выполнить свое назначеніе при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Она совершенно приспособлена къ той цѣли, для которой назначена. Но еслибъ дѣло шло о томъ, чтобы отразить нашествіе европейскаго войска, нужно бы было болѣе всего призвать на помощь англійскіе штыки. Было бы слишкомъ опасно подвергать сипаевъ первому пораженію. И конечно здѣсь идетъ дѣло не объ униженіи военнаго характера этихъ солдатъ: видали, что они шли впередъ тамъ, гдѣ англійскіе гренадеры еще колебались; во всякомъ случаѣ, повторяемъ, мы не можемъ ихъ поставить противъ европейцевъ безъ опасности для себя самихъ. Преувеличенное понятіе, какое они составили себѣ объ европейцахъ, безъ сомнѣнія, много значитъ въ этой относительной ихъ слабости; но наконецъ это понятіе существуетъ.“ (*)

Англійское владычество, въ самомъ дѣлѣ, единственно основывается на понятіи превосходства европейца надъ индусомъ. Эта идея посѣяна и поддержана въ умахъ англичанами, съ великимъ искусствомъ, съ непрерывною заботли-

(*) Duff. Слѣдствіе Т. V. стр. 484.

востію. Не разъ видали, что англійскіе генералы давали битву, выигрывали ее на самомъ дѣлѣ съ сипаями, но въ рѣшительную, въ послѣднюю минуту однакожь вводили резервные отряды европейцевъ: такимъ образомъ къ послѣднимъ относилась вся честь побѣды и они тѣмъ болѣе возвышались въ глазахъ туземныхъ войскъ. А въ такомъ случаѣ, о которомъ идетъ дѣло, такая предосторожность обратилась бы противъ самихъ англичанъ, ее придумавшихъ. Сипай не могъ бы оставить разомъ, въ виду европейскихъ войскъ, этой идеи, которою онъ проникнутъ. Съ другой стороны не будетъ ли тутъ другой невыгоды въ томъ, что сипаи быстро и совершенно сравняются въ своихъ собственныхъ глазахъ съ европейцами, т. е. съ англичанами?

Кто можетъ еще сказать, что въ положеніи тяжкомъ, жестокомъ, въ которое поставило ихъ новое устройство арміи, офицеры, т. е. всѣ туземныя войска, пребудутъ непоколебимыми въ своей вѣрности? Покорность этихъ войскъ англичанамъ побѣдоноснымъ продолжится ли къ англичанамъ побѣжденнымъ, или когда явится вѣроятность ихъ пораженія? Да позволятъ усомниться въ этомъ. „Туземцы, говоритъ сэръ Джонъ Шоръ, не предполагаютъ, что достаточно какихъ нибудь частныхъ превратностей для низпроверженія или потрясенія нашего влады-

чества. Но предположимъ, что тридцать тысячъ русскихъ придутъ къ нашимъ границамъ въ сопровожденіи конницы персидской и афганской, не говоря уже ничего о милліонахъ нашихъ собственныхъ подданныхъ, которые непремѣнно къ нимъ присоединятся; что мы проиграемъ одну или двѣ большія битвы и отступимъ на Каипуръ, между тѣмъ какъ русскіе все будутъ двигаться впередъ; что недостатокъ казны заставитъ насъ задержать нѣсколько недѣль жалованье у войска, что русскіе предложатъ небольшую надбавку жалованья; не вѣроятно ли въ высшей степени, что большинство сипаевъ поспѣшитъ стать подъ ихъ знамена? По крайней мѣрѣ не всегда ли въ подобныхъ обстоятельствахъ мы находили у туземцевъ величайшую готовность соединенія съ нами? Итакъ наши сипаи развѣ не принадлежатъ къ тѣмже кастамъ, къ тѣмже племенамъ, не одушевлены ли они тѣмиже чувствами? Тутъ вопросъ и вопросъ.“ (*)

Въ предположеніи, о которомъ мы говорили, поведеніе правительства совершенно ясно. Войска капскія, цейлонскія, африканскія, съ Средиземнаго моря должны быть немедленно переправлены въ Индію. На мѣсто ихъ выса-

---

(*) Shore. t. II. p. 421.

дятся другія, вновь набранныя. Внутри правительство вооружитъ большія массы туземной кавалеріи. Оно ввѣритъ ихъ офицерамъ, отличившимся прежними заслугами, съ порученіемъ тревожить непріятеля, разрушать его магазины, разбивать его конвои, нападать на его отдѣльные отряды. Но если остается одинъ этотъ планъ войны, то съ перваго взгляда видна вся трудность его выполненія: трудность собранія и переправы войскъ, опасность оставить безъ охраны нѣкоторыя провинціи имперіи ипр.

Но во всѣхъ случаяхъ нельзя обойдтись, чтобы не употребить части туземной арміи; она образуетъ по необходимости основу арміи англійской. А, какъ мы сказали, мнѣніе о превосходствѣ европейскихъ войскъ предъ туземными есть общее въ Индіи. Есть ли это превосходство дѣйствительное или воображаемое, теперь намъ нѣтъ дѣла. Во всякомъ случаѣ оно будетъ какъ нельзя болѣе благопріятно для нападающей арміи и доставитъ ей, по всей вѣроятности, легкіе успѣхи. Эта нападающая армія относительно арміи индо-британской была бы въ положеніи, до нѣкоторой степени подобномъ тому, въ какомъ находятся сами англичане относительно туземцевъ. Въ свою очередь эти иноземные пришлецы имѣли бы на своей сторонѣ то превосходство устройства, которо-

му, какъ мы видѣли, ничто не можетъ противустоять; въ свою очередь они увидѣли бы зарѣшенною въ свою пользу ту великую продачу новѣйшей стратегіи, чтобъ быть всегда сильнѣе на данномъ пунктѣ. Ошибки самыя грубыя остались бы для нихъ безъ гибельныхъ послѣдствій; самыя лучшія предначертанія ихъ противниковъ не были бы для нихъ страшны. Поле битвы, какое бы оно ни было, оказалось бы всегда позиціею, выбранною по желанію. Корпусъ русскихъ отъ тридцати до сорока тысячь человѣкъ воспроизвелъ бы на тойже самой сценѣ, силою и сознаніемъ своей организаціи, македонскую фалангу.

Да, македонская фаланга, эта масса изъ тридцати двухъ тысячъ человѣкъ, въ тысячу съ фронта и въ тридцать два глубины, раздвоенная такимъ образомъ, что обращалась лицемъ впередъ и назадъ; эта цитадель съ непоколебимыми стѣнами, повсюду ощетиненная копьями; эта огромная и плотная масса, движимая одною мыслію, слушающаяся одного побужденія, которая отбивала, раздробляла толпы индусскихъ воиновъ, ее окружавшихъ, какъ корабль пѣнящіяся волны, разбивающіяся и ревущія вдоль его боковъ; фаланга, которая по голосу Александра вбивалась въ нѣдра ихъ безчисленныхъ рядовъ, какъ вбивается топоръ сильнаго дровосѣка въ самое мягкое дерево;

македонская фаланга, говоримъ мы, въ одно время открыла Европѣ путь въ Азію и осталась образцемъ дѣйствій, какія намъ суждено произвесть на эту часть свѣта. Двѣ тысячи лѣтъ прошло, и она все еще представляется намъ символомъ превосходства общественной организаціи и генія новой Европы предъ общественной организаціей и геніемъ древняго Востока.

КНИГА ОСЬМАЯ.

КНИГА ОСЬМАЯ.

О европейской цивилизаціи и христіанствѣ въ Индіи.

ГЛАВА I.

О двухъ средствахъ дѣйствія народа побѣдителя на побѣжденный: обращеніи въ свою вѣру и колонизаціи.

Не кончено еще дѣло завоевателей на полѣ битвы, не все еще сказано, когда побѣдные крики поздравили побѣдителя, когда побѣжденные ожидаютъ рѣшенія своей судьбы отъ его верховной воли.

Народное право первыхъ временъ міра жестоко разсѣкало (не разрѣшало) этотъ вопросъ. Побѣжденные, рабы побѣдителя, переставали

быть людьми и дѣлались вещами; національныя учрежденія тонули въ крови своихъ защитниковъ. Но обстоятельства не навсегда оставили возможнымъ это крайнее средство. Впрочемъ всегда было нужно, чтобъ побѣды служили въ пользу побѣдителю. Монголы, послѣ завоеванія Китая, вздумали, если вѣрить китайскимъ историкамъ, уничтожить, изгнать все народонаселеніе изъ провинціи; они хотѣли превратить это огромное пространство въ пастбище для своихъ коней. Но хитрый китаецъ, спрошенный предводителемъ монголовъ, доказалъ ему, что было бы лучше, даже для лошадей, оставить дѣла въ прежнемъ порядкѣ. Итакъ — эта самая идея, подобныя соображенія, примѣненныя къ другимъ порядкамъ дѣлъ, довели побѣдителя до того, что онъ сталъ щадить, сколько возможно, побѣжденнаго, сталъ оставлять неприкосновенною часть національныхъ учрежденій ипр. Сами мусульмане, главный религіозный догматъ которыхъ состоялъ въ истребленіи невѣрныхъ, кончили тѣмъ, что отступили отъ этой страшной крайности.

Съ тѣхъ поръ едва оканчивалась борьба на полѣ битвы, какъ начиналась борьба другаго рода. Религіи, учрежденія политическія, нравы, обычаи все становилось другъ противъ друга, какъ недавно войска двухъ народовъ.

Между ними возгорается новая битва. Иногда успѣхъ этой новой битвы былъ только продолженіемъ перваго успѣха, оканчивалась она тѣмже концемъ. Испанцы въ Мексикѣ и Перу не ограничились тѣмъ, чтобы преклонить побѣжденныхъ подъ свой побѣдоносный мечь; они покорили ихъ еще религіи, цивилизаціи христіанской; цивилизація, сдѣлавшаяся крѣпкою, могучею, такъ глубоко вкоренилась въ землю, что уцѣлѣла даже и тогда, когда сокрушилась политическая власть, ее создавшая. И теперь мы видимъ ее столь же сильною, какъ когда либо. Иногда успѣхъ этой борьбы былъ совсѣмъ противоположный. Китай палъ, побѣжденный мечемъ монголовъ, но возсталъ, чтобы вновь покорить ихъ самихъ своей цивилизаціи.

Въ первомъ случаѣ, цивилизація, распространившаяся по поверхности побѣжденныхъ народовъ, внѣдрялась въ нихъ мало по малу, низходила отъ слоя къ слою даже до послѣднихъ. Вино, плавающее на поверхности сосудовъ съ водой, низходящее тонкими нитями до тѣхъ поръ, пока рука времени, колебля сосудъ, сдѣлаетъ обѣ жидкости одною, есть образъ того, что происходитъ въ первомъ случаѣ. Болото, поднимающееся постепенно, незамѣтно, но постоянно, мало по малу и не останавливаясь, до тѣхъ поръ, пока оно зато-

пить препятствіе, остановившее его на минуту, есть образъ того, что дѣлается во второмъ случаѣ.

Но, какъ мы уже говорили, ни которое изъ этихъ предположеній не примѣняется къ положенію англичанъ въ Индіи. Первое предположеніе можетъ осуществиться только въ томъ случаѣ, когда двѣ жидкости могутъ смѣшаться, способны слиться совершенно. Замѣните вино масломъ, смѣшеніе станетъ невозможнымъ, не сдѣлается никогда. Съ другой стороны, цивилизація христіанская одарена силою собственною, освобождающею ее отъ вліянія цивилизацій чуждыхъ. Она можетъ дѣйствовать на нѣкоторыя изъ нихъ, покрайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ, уподобить ихъ, хоть отчасти, себѣ; но сама она остается неприкосновенною для всѣхъ другихъ.

Мы видимъ дѣйствительно, что англичане теперь остаются столь же чуждыми Индіи, какъ и въ первый день, когда они ступили на ея землю. Изъ многочисленныхъ, насильственныхъ точекъ соприкосновенія, которыхъ побѣдитель не могъ не имѣть съ побѣжденнымъ, не вышло даже начала сліянія. Англичане до сихъ поръ не оказали никакого нравственнаго вліянія на побѣжденные народы. Еслибъ ихъ ладычество вдругъ уничтожилось, дѣло въ

этомъ отношеніи пришло бы точь въ точь въ такое положеніе, какъ будто этого владычества никогда не бывало. Оно тяготѣетъ надъ Индіею, какъ матеріальная тяжесть. Оно не обнаруживаетъ тамъ никакого нравственнаго вліянія. Англичане понимаютъ это сами. Они старались восполнить этотъ недостатокъ, сколько возможно, попыткой обратить индусовъ въ христіанство. Религія народовъ, въ самомъ дѣлѣ, есть вершина, основаніе, даже фундаментъ его цивилизаціи: это центральная идея, къ которой сходятся всѣ другія идеи. Обратить народъ въ вѣру значитъ дать ему новую цивилизацію, значитъ завоевать его нравственно, если можно такъ выразиться. Англичане, направляя свои усилія въ эту сторону, брались безъ всякаго сомнѣнія за средство, которое, еслибъ оно было выполнимо, должно было произвесть самыя важныя послѣдствія. Правда, другіе публицисты предлагали также другое средство, которое должно было дѣйствовать совокупно съ первымъ. Это колонизація Индіи Англіею, средство направленное къ тойже цѣли, какъ и первое. Колонизація представляла въ самомъ дѣлѣ, въ другой, такъ сказать, матеріальной, формѣ, европейскую цивилизацію, которую христіанство должно было выразить съ самой возвышенной, съ самой идеальной стороны.

Итакъ мы разсмотримъ одно за другимъ оба эти средства; результаты, изъ нихъ происшедшіе, дадутъ намъ точную мѣру разумнаго вліянія Англіи на Индію. Они представятъ намъ успѣхи христіанской цивилизаціи между народами индійскими.

ГЛАВА II.

О первыхъ христіанскихъ учрежденіяхъ въ Индіи.

Въ осми миляхъ къ западу отъ Мадраса есть маленькій холмъ, который индусы зовутъ Меліапуръ, европейцы горой св. Ѳомы. Послѣдніе уважаютъ это мѣсто, какъ мѣсто страданія апостола.

По преданію, сохранившемуся между индійскими христіанами, онъ проповѣдовалъ Евангеліе въ Аравіи, на островѣ Янотрѣ, въ Крангонорѣ, на малабарскомъ берегу, гдѣ, по этому преданію, была столица могущественнаго государя. Потомъ онъ прошелъ полуостровъ и остановился на этомъ мѣстѣ, которое теперь называется Меліапуръ или гора св. Ѳомы. Отсюда, по томуже преданію, онъ идетъ въ Китай, обращаетъ тамъ множество народа, стро-

итъ безчисленныя церкви ипр. потомъ возвращается вновь въ Меліапуръ, вновь начинаетъ здѣсь проповѣдь, но на этотъ разъ менѣе счастливо. Часть народа, возставши противъ чужестранца, который отвелъ ихъ царя отъ вѣры отцевъ, побиваетъ его каменьями. (*) Впрочемъ это мѣсто одинаково уважается индусами и христіанами. Тѣ и другіе ходятъ сюда издалека для поклоненія. Въ извѣстныя времена года они приносятъ сюда дары въ память святаго и могущественнаго человѣка, нѣкогда будто бы погибшаго здѣсь насильственною смертію.

Христіанство по мнѣнію другихъ, принесено въ Индію не св. Ѳомой, но несторіанскимъ епископомъ тогоже имени, поселившимся въ Индіи съ христіанскою колоніею, и потомъ потерпѣвшаго въ Меліапурѣ казнь, о которой уцѣлѣло воспоминаніе. (**) Христіане, найденные въ Индіи португальцами, принадлежали въ самомъ дѣлѣ къ несторіевой ереси. Послѣдователи этой ереси, отлученные церковью въ VI вѣкѣ, разсѣялись, какъ извѣстно, въ большомъ числѣ по Востоку. Одни

(*) Christianisme de l'Inde p. 38—9.

(**) Геберъ Т. III. стр. 212—213.

убѣжали въ Сирію, другіе въ Персію; иные наконецъ, и объ нихъ-то мы говоримъ, достигли малабарскаго берега. Они продолжали съ тѣхъ поръ жить среди индусовъ, отличаясь отъ нихъ чертами и цвѣтомъ лица. Употребленіе сирійскаго языка, стиль архитектуры, особенные обряды богослуженія, обѣтъ послушанія антіохійскому (несторіанскому) патріарху, который прежде давало все общество, и до сихъ поръ часть его, свидѣтельствуютъ также объ этомъ происхожденіи.

Терпимость, можетъ быть, даже безразличіе ко всякому догмату, ко всякой иноземной религіи, есть одна изъ отличительныхъ чертъ индусскаго племени. Съ другой стороны оттого ли, что новые пришельцы также не имѣли духа прозелитизма, или оттого, что почва неблагопріятствовала развитію сѣмени, ими брошеннаго, только всегда это небольшое христіанское поселеніе жило въ наилучшемъ согласіи съ сосѣдними индусами. Въ духовныхъ дѣлахъ оно было управляемо епископами, назначенными антіохійскимъ патріархомъ. Частыя сношенія были между ними и этимъ престоломъ; христіане жили въ гористой странѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ береговъ. Оттуда ихъ посланные отправлялись на малабарскій берегъ и достигали Сиріи. Благосостояніе этихъ христіанъ не нарушалось ни однимъ важнымъ

событіемъ впродолженіи тысячи лѣтъ. Было даже время въ ихъ исторіи, когда они повиновались наслѣдственному владѣльцу, царю ихъ собственной вѣры. (*)

Португальцы, по прибытіи въ Индію занявшіе землю въ Кохинѣ, поселились, стало быть, въ сосѣдствѣ съ христіанской общиной. Они увидѣли себя окруженными единовѣрцами среди народовъ, которыхъ даже имена были имъ неизвѣстны. Эти индійскіе христіане встрѣтили съ любовію своихъ европейскихъ братьевъ. Двое изъ нихъ отправились въ Европу на португальскомъ кораблѣ Алвареца де Кабраля. Одинъ изъ этихъ путешественниковъ, прибывши въ Португалію, умеръ отъ утомленія въ пути; другой отправился въ Римъ, потомъ въ Венецію, гдѣ скончался, оставивши однакожь повѣствованіе о своемъ путешествіи. (**)

Въ продолженіи этого времени сирійскіе христіане продолжали оказывать расположеніе португальцамъ, какъ и прежде. Они поднесли адмиралу жезлъ изъ розоваго дерева, съ тремя серебряными колокольчиками на одномъ

(*) Histoire du christianisme des Indes, par Lacroze.

(**) Плаваніе Іосифа, индійца. Оно есть во многихъ сборникахъ путешествій.

концѣ. Португальскіе историки, по правдѣ очень подозрительные въ этомъ дѣлѣ, говорятъ, что это былъ скипетръ ихъ царей, изъ которыхъ послѣдній умеръ не задолго прежде, и поднесеніе этого скиптра будто бы значило поднесеніе новымъ пришельцамъ верховной власти.

Португальцы отличались тогда религіозною ревностью. Гоа сдѣлалась богатымъ епископствомъ, наполнилась священниками, монастырями, монашескими семинаріями; сюда проникла и инквизиція.

Португальцы, по народному праву того времени, считали себя законными властителями странъ, къ которымъ они пристали. Ихъ архіепископъ почиталъ себя главою въ дѣлахъ духовныхъ. Онъ вознамѣрился подчинить своей власти сосѣднихъ сирійскихъ христіанъ, ввести ихъ вновь въ нѣдра римской церкви, заставить ихъ признать верховность папы, словомъ, вырвать съ корнемъ несторіанство. Архіепископа звали Менезесомъ. Онъ происходилъ отъ знаменитаго рода, принадлежалъ къ августинскому ордену, былъ искренно усерденъ къ вѣрѣ, но крутъ и чуждъ терпимости. Въ отношеніи къ религіи онъ былъ проникнутъ духомъ завоеванія, отличавшимъ тогда его націю. Онъ хотѣлъ завоевать новыхъ поддан-

ныхъ папѣ, какъ Гама, Кабраль, Альбукеркъ и другіе — королю. Онъ предался весь этому дѣлу: уничтоженіе несторіанства сдѣлалось его высшею цѣлью. Онъ не долженъ былъ пренебрегать ни однимъ средствомъ къ достиженію этой цѣли, ни хитростью, ни насиліемъ, если не дѣйствовали проповѣдь и убѣжденіе. Обстоятельства дали ему въ помощь свѣтскую власть.

Сирійскіе христіане въ слѣдствіе событій, не входящихъ въ нашъ предметъ, были тогда подъ властію короля кохинскаго. Менезесъ искалъ его помощи, и съ этой предосторожностью началъ посѣщенія своего діоцеза. Первая мѣра, имъ принятая, съ помощію войскъ кохинскаго короля, состояла въ запрещеніи несторіанамъ всякаго сообщенія съ малабарскимъ берегомъ и слѣдовательно съ Сиріею. Онъ угрожалъ и устрашилъ архидіакона, который занималъ мѣсто епископа, недавно умершаго, и управлялъ небольшой общиной. Онъ обнародовалъ символъ вѣры, заставивши отчасти силой, отчасти хитростью, многихъ несторіанскихъ священниковъ подписать его. Спѣша воспользоваться впечатлѣніемъ первой минуты, Менезесъ созвалъ синодъ въ Одіампурѣ. Онъ заставилъ членовъ этого синода подписать исповѣданіе вѣры, еще болѣе подробное, чѣмъ символъ: въ немъ содержалось осужденіе Не-

сторія (*) и обѣщаніе на предбудущее время покорности римскому престолу. Въ другомъ членѣ антіохійскій патріархъ осужденъ былъ также какъ и Несторій. (**)

Архіепископъ не сомнѣвался, что онъ достигъ цѣли разомъ. Онъ не подумалъ, что прочныя преобразованія не дѣлаются съ такой быстротой. Несторіанство, правда, было причиной переселенія сирійскихъ христіанъ на малабарскій берегъ: но они отличались еще въ другихъ пунктахъ отъ католиковъ, какъ въ догматахъ, такъ и въ богослуженіи. Священникамъ ихъ былъ позволенъ бракъ, причащеніе совершалось подъ двумя видами, конфирмація была имъ неизвѣстна ипр. Менезесъ думалъ, что онъ ввелъ ее въ исповѣданіи одіампурскомъ: но общее мнѣніе продолжало отвергать ее. Объѣзжая епархію, однажды онъ хотѣлъ совершить ее: но тотчасъ большое смятеніе произошло въ аудиторіи. Несторіанцы взялись за оружіе. Они кричали единогласно,

---

(*) »Я осуждаю и анаѳематствую въ особенности діавольскую и лживую ересь Несторія ипр.» Несторій допускалъ въ Інсусѣ Христѣ два лица и два естества; Chistianisme des Indes. p. 189—191.

(**) Несторіанскій патріархъ, а не православный.

Примѣч. переводчика.

что не хотятъ подвергнуться конфирмаціи, что они не слыхали объ ней отъ прежнихъ єпископовъ; что они не потерпятъ прикосновенія руки архіепископа къ лицамъ ихъ женъ и дочерей; что этотъ обрядъ не отъ Іисуса Христа; что это хитрость для того, чтобъ сдѣлать ихъ вассалами португальцевъ; что сначала чертятъ знакъ этого вассальства на ихъ челѣ, потомъ бьютъ ихъ по щекѣ — послѣдній знакъ позора и рабства. (*) Архіепископъ долженъ былъ уступить. Ему не удалось также ввести латинскаго языка вмѣсто сирійскаго, который въ этой церкви былъ въ постоянномъ употребленіи. (**)

Менезесъ по возвращеніи въ Европу сдѣлался архіепископомъ въ Брагѣ, вице-королемъ Португаліи при Филиппѣ III, президентомъ государственнаго совѣта въ Мадридѣ. (***) Но эти высокія достоинства были наградою усердія, а не успѣха. Когда прошло первое изумленіе, сирійскіе христіане стали дивиться своей поспѣшной покорности. Едва перестала тяготѣть надъ ними желѣзная рука архіепи-

---

(*) Histoire du Christianisme p. 119—120.

(**) Id. ibid.

(***) Id. въ предисловіи.

скопа, какъ привязанность къ старымъ обычаямъ взяла верхъ надъ нововведеніемъ. Пятдесятъ лѣтъ спустя послѣ знаменитаго собора одіампурскаго, они сами, по прежнему обряду, возвели архидіакона въ санъ архіепископа. Александръ VII услышалъ объ этомъ вскорѣ послѣ своего избранія. Онъ думалъ, какъ бы уничтожить расколъ, и послалъ двухъ кармелитскихъ духовныхъ въ Гоа для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Посланные пришли во внутренность земель, даже до прихода аугамелійскаго, гдѣ въ первый разъ возникло возмущеніе. Архидіаконъ не пустилъ ихъ въ свою церковь. Этого мало: христіане св. Ѳомы обратились въ Римъ съ вопросами касательно нѣкоторыхъ предметовъ ученія и богослуженія. Не получая отвѣта, они отнеслись съ одной стороны къ патріарху антіохійскому, отъ котораго столь долго зависѣли, съ другой къ патріарху коптовъ въ Египтѣ и якобитовъ въ Сиріи: поступокъ довольно странный относительно двухъ послѣднихъ, потому что дотолѣ съ ними не было никакихъ сношеній. Какъ бы то ни было, коптскій патріархъ внялъ ихъ просьбѣ; онъ послалъ управлять этимъ округомъ сирійскаго епископа, по имени Аттала. Атталъ прибылъ въ Гоа и безъ сомнѣнія думалъ уже, что достигъ своей цѣли, какъ вдругъ былъ схваченъ и преданъ инквизиціи.

Но изъ глубины своей темницы Атталъ нашелъ средство извѣстить своихъ призывателей о препятствіи, помѣшавшемъ ему явиться среди ихъ. Множество копій его письма распространилось между туземными христіанами. Собралось двадцать пять тысячъ человѣкъ, пустились въ путь, предводимые духовенствомъ, явились къ воротамъ Кохина. Они вступили въ переговоры съ португальскимъ гарнизономъ, занимавшимъ городъ. Горцы требуютъ освобожденія своего епископа или по крайней мѣрѣ позволенія увѣриться самимъ, что онъ еще живъ. Оба требованія отвергнуты. Тогда они произносятъ торжественную клятву отвергнуть на будущее время всякое повиновеніе римскому престолу, не допускать ни одного прелата, который бы явился отъ его имени, подчиниться напротивъ во всемъ власти своего архидіакона. (*)

За этой клятвой послѣдовали два народныя собранія. Выбраны двѣнадцать священниковъ, которымъ дана власть возвести въ санъ епископа достойнѣйшаго. Единогласно выбранъ архидіаконъ. Изумленный, устрашенный всѣмъ происходившимъ, архіепископъ употребляетъ съ новоизбраннымъ всѣ возможныя средства;

(*) Histoire du Christianisme p. 362.

проситъ, заклинаетъ сложить санъ: архидіаконъ упорствуетъ. Чувство національности, ненавистъ къ иноземному игу проснулись у малабарскихъ христіанъ съ ихъ неодолимою силою. Эти чувства дѣйствовали, религія была предлогомъ. Смерть Аттала, осужденнаго инквизиціею въ Гоа, (*) дала имъ новую энергію; новыя попытки примиренія со стороны римскаго двора были безполезны. Раздѣленіе совершилось. Часть христіанскаго народонаселенія, жившая на равнинахъ близъ берега, т. е. въ сосѣдствѣ португальскихъ поселеній, осталась покорною римскому престолу: но другая часть этого поселенія обратилась вся къ прежней ереси: эта часть жила въ горахъ, обыкновенномъ убѣжищѣ независимости національной и религіозной.

Вскорѣ малабарскій берегъ сдѣлался театромъ многихъ событій. Прибытіе голландцевъ, ихъ войны съ португальцами, постепенное ослабленіе послѣднихъ послужили въ пользу горныхъ христіанъ. Мало по малу забываемые архіепископами Гоа, они освободились совершенно отъ ихъ власти. Но въ тоже время совершенно пресѣклось всякое общеніе между ними и каѳедрой антіохійской: они довольство-

(*) Idem. p. 363.

вались епископами, выбранными по формѣ епископовъ первобытной церкви. Уединеніе ихъ горъ, воспоминаніе о древнихъ раздорахъ, все содѣйствовало къ тому, чтобы они оставались въ забвеніи и отдѣльности. Полтора вѣка никогда и нигдѣ не было о нихъ помину. Но потомъ эта малая христіанская колонія, такъ сказать, открыта вновь. Сэръ Томасъ Мунро, будучи политическимъ резидентомъ при дворѣ траванкорскомъ, услышалъ объ нихъ въ одномъ изъ своихъ путешествій. Онъ освѣдомился объ ихъ положеніи и сдѣлалъ для улучшенія его все, что отъ него зависѣло. Благодаря его заботамъ, одобреннымъ англійскимъ правительствомъ, вновь открыты сношенія между малабарскимъ берегомъ и антіохійской каѳедрой; открыта въ Траванкорѣ школа для образованія песторіанскаго духовенства ипр. Епископъ, по имени Маркъ Аѳанасій, и архидіаконъ, оба поставленные патріархомъ, явились среди несторіанской общины. Въ ней считалось тогда отъ семидесяти до осмидесяти тысячъ душъ. Прежде отдѣленія она никогда не доходила до числа вдвое бóльшаго.

Можетъ быть, мы нѣсколько много говорили объ этой маленькой колоніи сирійскихъ христіанъ: но нельзя пройдти ихъ исторію безъ любопытства и участія. Это христіанская община, наиболѣе удаленная отъ центра христіан-

ства. Это вѣтка, оторванная отъ великаго дерева, занесенная бурею переворотовъ на дальнѣйшее разстояніе отъ страны, гдѣ христіанство пустило свои самые глубокіе корни, гдѣ подъемлется его величественный стволъ: это наконецъ единственная вѣтка, упавшая на землю Брамы.

ГЛАВА III.

О католическихъ миссіяхъ въ Индіи.

Въ извѣстные моменты исторіи міра великіе люди и великія дѣла являются разомъ въ пространствѣ и времени.

Христофоръ Колумбъ открывалъ новый міръ въ то время, когда Васко де Гама вновь открывалъ міръ давно потерянный для Европы. Лютеръ едва поколебалъ своей могучей и роковой рукой престолъ св. Петра, какъ борецъ исполинъ явился для его поддержанія съ силами достаточными для дѣла. Въ ту самую минуту, когда міръ, такъ сказать, расширялся безъ мѣры къ востоку и западу, раждался монашескій орденъ, долженствовавшій избрать, какъ главную цѣль своего существованія, рас-

пространеніе вѣры внѣ ея древнихъ предѣловъ, окончательнымъ результатомъ котораго должно быть нравственное завоеваніе новыхъ міровъ. Другое чудное сближеніе: славное начало дѣлъ предоставлено было тогда Провидѣніемъ полуострову иберійскому и этотъ полуостровъ разомъ показалъ міру Васко де Гама, Христофора Колумба и Игнатія Лойолу.

Раненный при осадѣ Лериды, Игнатій принужденъ оставить военное званіе. Извѣстно, какимъ образомъ онъ замѣнилъ свои тяжелыя латы и свой острый мечь щитомъ науки и еще болѣе острымъ и изощреннымъ мечемъ слова. Однимъ изъ тѣхъ рѣшеній, которыя свойственны только великимъ душамъ, тридцати трехъ лѣтъ онъ дѣлается школьникомъ, вступаетъ ученикомъ въ это рыцарство мысли, въ которомъ онъ замышлялъ бороться.

Въ коллегіи, гдѣ учился Игнатій, были: другой испанскій дворянинъ, Ксавье, родившійся въ первые годы XVI в. при подошвѣ Пиренеевъ, самая юная отраслъ воинственнаго племени, всѣ другіе члены котораго занимались военнымъ дѣломъ, и одинъ французъ, по имени Лефебвръ, отличавшіеся между всѣми своими товарищами пламенною набожностію. Игнатій, для того только перемѣнившій оружіе, чтобы продолжать бой; Игнатій, мечтавшій о

покоренія міра католической вѣрѣ, нашелъ въ Ксавье и Лефебрѣ двухъ повѣренныхъ, достойныхъ понять его. Вскорѣ еще три испанца и одинъ португалецъ пристали къ этому маленькому союзу, раздѣляя его исполинскія надежды. Эти семь человѣкъ, не замѣченный зародышь іезуитскаго общества, долженствовавшаго покрыть цѣлый міръ, соединяются въ Венеціи. Здѣсь причастившись вмѣстѣ, они раздѣлили міръ; Лойола остался на полѣ битвы христіанства, гдѣ явился Лютеръ, великій врагъ. Онъ хочетъ сражаться повсюду, гдѣ тотъ явится, въ Германіи, во Франціи, въ Англіи. Между его учениками есть одинъ, за которымъ мы послѣдуемъ на минуту: это Ксавье, который по слѣдамъ св. Ѳомы идетъ на Востокъ, гдѣ онъ получитъ въ свою очередь славное имя у индійцевъ.

Ксавье, преодолѣвши тысячу препятствій, нашелъ средство сѣсть на корабль, отправлявшійся въ Гоа. Онъ рѣшился принесть Евангеліе во всѣ эти страны, на минуту подвластныя Португаліи; онъ хотѣлъ поднять во имя Христа народы, поверженные мечемъ Гамъ, Кабралей, Альбукерковъ.

Послѣ тринадцати мѣсяцевъ плаванія, избѣжавъ отъ погибели при Мозамбикѣ, Ксавье

достигъ наконецъ Гоа, въ 1542 г., т. е. спустя сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ показался тамъ корабль Гамы; тогда величайшій развратъ и самая ужасная религіозная анархія царствовали тамъ безпрепятственно.

Ксавье употребилъ всѣ средства, испыталъ всѣ пути въ сраженіи съ ними. То являлся онъ во дворцѣ вице-короля; то вмѣшивался во все то, что мѣста разврата, что самыя тюрьмы заключали самого испорченнаго; онъ жилъ преимущественно въ больницахъ; бралъ въ товарищи прокаженныхъ, зачумленныхъ, больныхъ, одинъ видъ которыхъ заставлялъ бѣжать толпу; умножилъ до безконечности чудеса своей пламенной любви; то онъ приводилъ городскихъ нищихъ къ дверямъ великолѣпныхъ палатъ; то съ колокольчикомъ въ рукахъ пробѣгалъ улицы города, звонилъ громко на каждомъ перекресткѣ, прося удивленную толпу посылать къ нему дѣтей, чтобы онъ могъ ихъ по крайней мѣрѣ воспитать въ христіанской вѣрѣ, оставленной ихъ отцами; то полагалъ основанія огромныхъ заведеній, больницъ, школъ, монастырей нпр. или заботился о ихъ управленіи. Шесть лѣтъ спустя послѣ его прибытія, общество іезуитовъ было уже многочисленно, уважаемо, побѣдоносно на коромандельскомъ берегу. Ксавье одушевлялъ его своимъ могучимъ духомъ. Изъ Гоа, ме-

трополіи всего, что тогда называлось христіанствомъ Индіи, онъ раздѣлялъ провинціи полуострова, материки и острова, между тѣми, которые пускались по его славнымъ слѣдамъ.

Но внутренность стѣнъ Гоа, предѣлы этого христіанства, далеко не были достаточны для трудовъ Ксавье. По правдѣ сказать, они только начались отсюда. Оставляя Европу, онъ предположилъ себѣ главнымъ образомъ обращеніе чужеземныхъ народовъ. Съ этою цѣлію онъ оставилъ Гоа, прошелъ южныя части полуострова, посѣтилъ молукскіе острова. Новая исторія не представляла еще другаго примѣра бодрости, столь неукротимой въ борьбѣ со всѣми трудностями, со всѣми опасностями. Голодъ, жажда, нагота, болѣзнь ничто его не останавливаетъ, ничто не заставляетъ его споткнуться на пути. Неистовство стихій, ярость волнъ, трескъ грома какъ будто игрушки въ его безтрепетной рукѣ. На островѣ Мори, одномъ изъ Молукскихъ (*) онъ помѣстился при подошвѣ волкана, который сдѣлалъ своей каѳедрой. Пламя вьется около его головы, воспламененная лава течетъ подлѣ него, и ничто не возмущаетъ его духа и слова. Въ другомъ мѣстѣ онъ спокойно оканчиваетъ святую жерт-

(*) Edinburgh review. Union catholique oct. 1841.

ву на жертвенникѣ, колеблемомъ сильнымъ землетрясеніемъ. Прошедши весь индійскій архипелагъ, онъ проникаетъ въ Китай, до тѣхъ поръ недоступный для иностраннаго любопытства и который открыть отчасти суждено было его преемникамъ. Но Ксавье былъ подчиненъ законамъ человѣчества; трудъ и усилія, а не награда, были для него, какъ и для всѣхъ, удѣломъ на землѣ.

На суднѣ, плывущемъ въ Сіамъ, Ксавье почувствовалъ приближеніе смерти. Онъ велѣлъ высадить себя на маленькій островъ, близь береговъ той имперіи, среди которой предположилъ себѣ обращать людей. Здѣсь, распростертый на берегу, одинъ, съ крестомъ въ рукѣ, при плачевномъ шумѣ волнъ, дробящихся о берегъ, этотъ великій мужъ выдержалъ свою послѣднюю борьбу. Земная оболочка этой души, обветшавшая отъ столькихъ томленій и трудовъ, сокрушилась; отворились затворы земной темницы, и славный духъ переселился въ вѣчность.

Преданіе усѣяло путь Ксавье чудесами: но что̀ чудеснѣе этой жизни, любви, преданности, жертвы? Что чудеснѣе этого человѣка, бѣднаго, одинокаго, неизвѣстнаго, лишеннаго всякой человѣческой помощи, непрестанно пе-

реплывающаго океаны, непрестанно пристающаго, съ вѣрой въ сердцѣ, съ распятіемъ въ рукѣ, къ материкамъ и островамъ, влекущаго по своимъ слѣдамъ цѣлыя народонаселенія, человѣка, столько же ищущаго томленій, бѣдности, опасностей, сколько другіе ищутъ веселья и наслажденій? Что чудеснѣе этой великой мысли, которую онъ выразилъ, которая возвышается среди своего вѣка, впереди своихъ товарищей, какъ столпъ огненный, показующій путь среди препятствій? Потому что, — и это говоритъ протестантъ, — „ученые его критиковали, остроумные люди надъ нимъ смѣялись, правители становились на его дорогѣ; но Ксавье, побуждаемый мощной пружиной горячей вѣры, шелъ, шелъ и всѣ препятствія удалялись, сглаживались подъ его шагами.“ (*)

Много послѣдователей явилось на пути, столь славно открытомъ Ксавье: французы основали въ Индіи обширное заведеніе на коромандельскомъ берегу. Шесть миссіонеровъ, избранныхъ въ семинаріи иностранныхъ миссій, пристали въ Индіи, между тѣмъ какъ знаменитое миссіонерство сіамское съ своей стороны совершало свое дѣло. Пятнадцать другихъ вскорѣ послѣдовали за ними, потомъ, не-

(*) Edinburgh review.

много спустя, шестдесятъ. (*) Другія государства Европы, Испанія, Италія, Португалія прислали много участковъ въ эту армію, воюющую за вѣру.

По несчастію результаты не соотвѣтствовали такой ревности и такому благородному жару. Семь сотъ тысячъ индусовъ, по преданію, приняли крещеніе отъ рукъ Ксавье. И въ этомъ числѣ нѣтъ ничего такого, чтобы должно было удивлять насъ.

Если раджа соглашался подвергнуться обряду, остальной народъ слѣдовалъ ему, только, какъ мы будемъ скоро имѣть случай объяснить съ нѣкоторою подробностію, обрядъ не имѣлъ для индусовъ того значенія, какое естественно долженъ былъ придавать ему Ксавье. Послѣдній, по времени, въ которое онъ прибылъ въ Индію, по великимъ способностямъ, которыми одарило его Провидѣніе, получилъ необыкновенное вліяніе на большое число вождей, на цѣлыя народонаселенія. Народы бѣжали по его слѣдамъ, осчастливленные тѣмъ, если были съ нимъ связаны узами, какія онъ хотѣлъ наложить. Но это расположеніе народовъ скоро измѣнилось по смерти новаго проповѣдника.

(*) Lettres édifiantes, préface.

Терпимость, безразличіе къ религіямъ и обычаямъ иноземнымъ лежатъ въ основѣ характера индуса. Онъ не удивится и не оскорбится никакимъ мнѣніемъ, какое услышитъ у другихъ: но въ тоже время онъ сохраняетъ свои мнѣнія съ упорствомъ и упругостію, съ которыми ничто не въ силахъ бороться. Португальцы не замедлили оказать на массу туземцевъ дѣйствія совершенно противоположнаго дѣйствію Ксавье. Тогда какъ онъ привлекалъ ихъ любовью, самоотверженіемъ, ласковостью, силою слова, они отталкивали ихъ своею грубостію, звѣрствомъ, корыстолюбіемъ, оскорбленіями всякаго рода. Этого мало. По невѣдѣнію ли, или по пренебреженію обычаевъ страны, они попирали ихъ ногами, какъ будто нарочно. Такимъ образомъ они сообщались безразлично со всѣми кастами, даже съ паріями; они ѣли публично говядину. Оттого скоро они упали въ мнѣніи туземцевъ также низко, какъ самыя низшія касты, съ которыми они раздѣляли пищу и сообщество. Индусы скоро почувствовали къ этимъ чужеземцамъ ужасъ и презрѣніе, превосходящія всякую вѣру. (*) Ничто не можетъ дать понятія

(*) „Вы знаете ужасъ, какой туземцы питаютъ къ европейцамъ, которыхъ они называютъ прангисъ. Этотъ ужасъ не только не уменьшается, но даже, кажется, усиливается

о движеніи ненависти и отвращенія, производимомъ въ душѣ туземца однимъ именемъ пранги, которымъ они называли новыхъ пришельцевъ. (*) Самое презрительное поношеніе, самая кровная обида каждому туземцу состояла въ званіи его сыномъ прангов. А это удаленіе, смѣшенное съ ужасомъ, сдѣлавшись господствующимъ чувствомъ индусовъ въ отношеніи къ европейцамъ, перешло тотчасъ ко всему тому, что отъ нихъ происходило, и также къ религіи, которую они проповѣдовали, которой они были представителями. (**)

съ каждымъ днемъ и представляетъ препятствіе почти непреодолимое распространенію вѣры." Lettres du père de la Lane au père Mourgue p. 368.

(*) „Вы меня спросите, можетъ быть, чѣмъ почитаются здѣсь европейцы. Объ этомъ часто я говорилъ въ своихъ письмахъ. Достаточно сказать, что нѣтъ ничего столь ложнаго, какъ то, что г. Роббъ говоритъ въ своей географіи о предполагаемомъ уваженіи, которое индійцы питаютъ къ европейцамъ. Это уваженіе таково, что одинъ христіанинъ изъ простаго народа раскаевался однажды, какъ въ тяжкомъ грѣхѣ, въ томъ, что онъ назвалъ другаго сыномъ пранги, т. е. европейца. Мы стараемся всѣми силами скрыть отъ этихъ народовъ, что мы то, что они называютъ прангисъ. Малѣйшее подозрѣніе въ этомъ поставило бы непреодолимое препятствіе распространенію вѣры." Т. VII. стр. 43. Lettre du père de Bourses en 1713.

(**) Религію дѣлаетъ ненавистною то, что она проповѣдуется людьми, которыхъ подозрѣваютъ что онъ прангисъ. Это

Проповѣдь, всякаго рода усилія миссіонеровъ долго сокрушались объ это препятствіе. Одинъ изъ нихъ, отецъ Робертъ де Нобилибусъ, возъимѣлъ мысль необыкновенную и смѣлую. Видя невозможность сдѣлать проломъ въ стѣнахъ осажденной крѣпости, онъ вздумалъ войдти въ нее хитростью. Подобно Митридату, онъ захотѣлъ перенести войну къ самымъ воротамъ Рима, или лучше въ самый Римъ. Другими словами и говоря безъ фигуръ, отецъ Робертъ де Нобилибусъ понялъ, что одно изъ величайшихъ препятствій распространенію вѣры состоитъ въ отвращеніи индусовъ къ христіанамъ. Онъ захотѣлъ представить имъ религію очищенною отъ этого соприкосновенія, которое въ ихъ глазахъ было оскверненіемъ; онъ вздумалъ имъ представить ее такъ, чтобы они незнали, откуда она происходитъ. Многіе миссіонеры съ жаромъ схватились за мысль отца Роберта. Вмѣсто сообщенія съ своими соотечественниками, они ихъ избѣгали; одѣтые въ платье индусовъ, говоря на туземномъ языкѣ, они проникали въ самое сердце провинцій. Здѣсь они жили какъ кающіеся индусы, (*) приспособ-

слово теперь извѣстно во Франціи, но тамъ не имѣютъ понятія о всемъ презрѣніи и ужасѣ, какое съ нимъ сопряжено. T. VII. p. 248 Lettres du père de Bourres.

(*) Для избѣжанія подобнаго подозрѣнія, изучивши языкъ и обычаи страны, они одѣваются по образцу кающихся

ляясь ко всѣмъ обычаямъ страны, какъ бы тягостны они ни были, (*) и выдавая себя за сѣверныхъ браминовъ. (**) Только разорвавши такимъ образомъ всѣ сношенія съ Европою, совлекши съ себя европейца, они осмѣливались представить индусамъ истины и таинства католицизма. Все пропало бы въ ту самую минуту, когда индусъ сталъ бы только подозрѣвать ихъ происхожденіе. (***)

Миссіонеръ вступалъ съ тѣхъ поръ на тернистый путь препятствій и трудностей. Снача-

индусовъ и называютъ себя saniar romaheuri, т. е. священники или монахи римскіе, пришедшіе съ сѣвера." Léttres édifiantes, 1816, préface.

(*) „Надобно примѣниться ко всѣмъ ихъ обычаямъ, какъ бы они ни были обременительны; сидѣть на землѣ сложивъ ноги на крестъ, ѣсть на землѣ, ни до чего не дотрогиваться лѣвой рукой, наблюдать постоянный постъ, ѣсть однажды въ день, и то только нѣкоторые плоды и бобы, или немножко рису, вареннаго въ водѣ. Хлѣбъ, вино, мясо, яица, рыба совершенно запрещены миссіонеру. Ibid.

(**) „Миссіонеры называютъ себя браминами съ сѣвера, т. е. учителями пришедшими съ сѣвера для наученія истинному Закону Божію." Ibid. p. 28.

(***) „Чтобы трудиться на этомъ поприщѣ съ какимъ нибудь успѣхомъ, надобно сдѣлаться самому индійцемъ, особенно скрыть въ себѣ европейца," Idem ibid.

„Ихъ (миссіонеровъ) не считаютъ европейцами; еслибъ считали, то имъ должно бы было оставить страну." Id. t. VI p. 27.

ла ему нужно было овладѣть языкомъ провинціи, въ которую онъ намѣревался войдти, овладѣть имъ такъ хорошо, чтобы ни выраженія ни выговоръ не обличали въ немъ иностранца. Онъ учился частію въ семинаріи, частію гдѣ нибудь вдали отъ мѣста. Если начальники или товарищи почитали его въ состояніи начать это трудное поприще, онъ приплывалъ въ какой нибудь рыбачьей лодкѣ на пустынное мѣсто берега и скрывался остатокъ дня между скалами или береговыми растеніями. При наступленіи ночи онъ пускался съ проводникомъ въ путь по неизвѣстнымъ тропинкамъ, часто затопленнымъ водою и усѣяннымъ препятствіями. Такимъ образомъ онъ приходилъ въ хижину какого нибудь изъ своихъ предшественниковъ, который оказывалъ ему бѣдное, но радушное гостепріимство, и съ той поры начиналась для него жизнь миссіонера въ Индіи.

Хижина изъ сухой глины, покрытая соломою, становилась его единственнымъ жилищемъ. Онъ долженъ былъ сидѣть на землѣ, скрестивъ ноги, ѣсть на землѣ, отказываться отъ употребленія лѣвой руки; его пища состояла единствено изъ нѣсколькихъ плодовъ, бобовъ или рису, варенаго въ водѣ; мясо, вино, хлѣбъ, яица, рыба, были ему совершенно запрещены; едва могъ онъ присоединить иногда

къ своему рису нѣсколько горстей полевой травы, оспориваемой у быковъ и барановъ. Вода, сносная зимою, лѣтомъ, когда пересыхали пруды, дѣлалась чѣмъ-то въ родѣ жидкой грязи. Онъ обѣдалъ однажды въ день: ѣсть дважды уронило бы его слишкомъ низко въ мнѣніи народа. Нѣтъ ни одного саніасъ (кающійся туземецъ), который бы себѣ это позволилъ.

Его тѣсная бѣдная хижина нисколько не защищала его отъ лѣтнихъ жаровъ; во время дождей она наливалась водою на высоту отъ одного до двухъ футовъ; счастье, если стѣны не расплывались до основанія, возвратившись въ жидкое состояніе. Три или четыре глиняныхъ сосуда, изъ которыхъ одинъ служилъ для совершенія таинства, а другіе для храненія иваренія рису, составляли всю его мебель. Древесные листья служили блюдомъ, тарелкой, салфеткой. Долгое время голая земля была единственнымъ ложемъ миссіонера. Болѣзни, происходящія отъ влажности климата, принудили его послѣ употребить для этого двѣ или три доски, покрытыя кожей тигра или оленя.

Каждый разъ, когда должность вызывала его изъ дому, миссіонеръ вступалъ въ борьбу съ родомъ жизни еще болѣе тяго-

стнымъ, если это возможно. Лѣтомъ онъ подвергался страшному зною, который жегъ ему лице, ноги, руки. »Изъ нихъ бывали такіе, которые до тридцати разъ перемѣнили свою кожицу.« (*)

Воздухъ тогда былъ такъ раскаленъ, что съ трудомъ можно было дышать. Дождливое время представляло другія неудобства. Миссіонеръ, въ простой холстинной одеждѣ, оставался подъ потоками дождя въ продолженіи цѣлыхъ дней. При наступленіи вечера у него не было чаще всего дровъ и соломы для разведенія огня. Размоченная земля, грязь почти жидкая, служили бивуакомъ для этого воина вѣры. Крайнее утомленіе иногда погружало его въ родъ сонливости или скорѣе онѣмѣнія наболѣвшихъ членовъ; (**) счастье,

---

(*) Lettres édifiantes T. VI. p. 274. Lettre du père Bouchet.

(**) Отецъ Буше представляетъ намъ самъ собой примѣры многихъ изъ этихъ путешественниковъ. Болѣзненное положеніе одного изъ его товарищей заставило Буше вызваться идти вмѣсто его. »Можетъ быть, я слишкомъ много полагался на свои силы, говоритъ онъ, и не обративъ вниманія на его представленія, отправился въ Корипаттонъ. Я не прошелъ еще полумили, какъ подошвы ногъ до половины сгорѣли. Я обвернулъ ноги въ холстъ, но песокъ, пробившись, содралъ мнѣ всю кожу, и, втираясь между

если лихорадка при пробужденіи не приковывала его къ тому мѣсту, гдѣ онъ ложился наканунѣ. Переходъ потоковъ былъ однимъ изъ опаснѣйшихъ эпизодовъ этихъ опасныхъ путешествій. Иногда индусъ, проводникъ и товарищъ миссіонера, связывалъ вмѣстѣ на скорую руку нѣсколько пучковъ прутьевъ; миссіонеръ ложился на нихъ, а индусъ вплавь толкалъ этотъ родъ плота до противоположнаго берега. Иногда миссіонеръ хватался за большой глиняный сосудъ, налитый для поддержа-

---

кожей и мясомъ, причинилъ мнѣ столь жестокія боли, что я принужденъ былъ имъ покориться. Мы дошли до деревни и я провелъ ночь при входѣ въ домъ, въ которомъ не отказались принять меня. Немножко молока, которое мнѣ предложили, было для меня истинно царскою пищею. Я выбралъ, какъ могъ, песокъ, втершійся мнѣ въ мясо, и протащился кой какъ полмили. Какъ я не могъ почти стоять на ногахъ, то одинъ благородный индусъ спросилъ у моихъ катехизаторовъ, что со мной. Когда они отвѣчали ему, что я новый саніасъ, непривычный къ путешествіямъ по горячимъ пескамъ, то онъ тронулся этимъ и, приблизившись ко мнѣ, сказалъ: »Господинъ! позволь мнѣ облегчить твои страданія.« Онъ приказалъ потомъ своему слугѣ привести лошадь. Съ этой помощью я доѣхалъ вечеромъ до деревни.

Едва успѣлъ я исповѣдать больнаго, какъ меня схватила злая лихорадка. Она осталась однакожь безъ послѣдствій и не помѣшала мнѣ на другой день служить обѣдню.«

нія равновѣсія до половины водою, а проводникъ также толкалъ его впередъ. (*) Такимъ то образомъ протекала жизнь миссіонера. Находчивая любовь его заставляла его принимать всѣ виды: врача, утѣшителя, ученаго и оратора, и индусъ призывалъ его во всѣхъ этихъ званіяхъ.

Нельзя удержаться, чтобы не привести здѣсь покрайней мѣрѣ одного эпизода изъ этой вседневной жизни. Одинъ молодой миссіонеръ, недавно прибывшій изъ Европы, проситъ гостепріимства у старшаго. Въ продолженіи ночи хижина разрушилась, увлеченная потокомъ. Они успѣваютъ вынуть дверь, привязываютъ ее къ высокому дереву и спасаются въ этомъ утломъ убѣжищѣ. Старый миссіонеръ, привыкшій къ трудностямъ этихъ священныхъ войнъ, засыпаетъ тотчасъ, но младшій, менѣе привычный, съ безпокойствомъ вслушивается въ шумъ водъ, подмывающихъ церковь, стоявшую недалеко оттуда. Она разрушается наконецъ съ страшнымъ шумомъ; потокъ крутитъ ея обломки, вмѣстѣ съ обломками хижины, которую они оставили; онъ кипитъ у корней дерева, угро-

(*) Признаюсь, говоритъ наивно одинъ изъ нихъ, я очень боялся переплывать въ первый разъ Колорамъ, имѣвшій въ то время такуюже ширину, какъ Гаронна противъ Бордо.« Lettr. édif. t. VII. p. 278.

жая вырвать его съ корнемъ и поглотить. Наконецъ настал день, буря утихла, оба миссіонера оставили свое бѣдное и опасное убѣжище: но вновь прибывшій скончался чрезъ нѣсколько дней потомъ. Кровавый поносъ, болѣзнь страшная въ тѣхъ климатахъ, поразила его на смерть со времени этой первой борьбы.

Другія препятствія, другія опасности встрѣчаются еще на пути миссіонера. Самая первая есть опасность быть признаннымъ за прангн, опасность, всегда висящая какъ сабля надъ головой: онъ рискуетъ жизнію, если только будетъ подозрѣніе, что онъ европеецъ, или даже, что онъ имѣетъ сношенія съ европейцами. Если какой нибудь капризъ небольшаго владѣльца, чрезъ земли котораго онъ проходитъ, завелъ его въ какую нибудь страшную тюрьму, онъ долженъ ожидать, въ уединеніи и съ покорностію судьбѣ, пока другой капризъ его оттуда выведетъ и особенно не прибѣгать ни къ какому европейскому посредничеству. Все, что̀бы ни было, для него будетъ лучше, чѣмъ показать себя состоящимъ въ связи съ прангисъ, потому что это навлекло бы на общину, къ которой онъ принадлежалъ, общее гоненіе. (*)

(*) Lettres edif. t VII. p. 28.

Мученичество иногда пресѣкало эту жизнь жертвъ и самоотверженія. Отецъ Жанъ де Брито много разъ подвергалъ опасности свою жизнь, проповѣдуя Евангеліе въ Индіи. Вызванный временно въ Европу, онъ спѣшилъ возвратиться на свое поприще. При дворѣ маравар-скомъ онъ подвергался наибольшей опасности. Сюда онъ и возвратился. Тотчасъ его осудили на смерть; съ нимъ обращались со всевозможною жестокостію, оскорбляли, били, почти уморили съ голоду въ продолженіи трехъ дней, предшествовавшихъ казни. Можетъ быть, думали отнять у него силы, ослабить его бодрость. Наканунѣ рокового дня, не имѣя ни бумаги, ни чернилъ, на соломѣ, измятой и изломанной, углемъ, онъ написалъ нѣсколько подробностей, касающихся дѣлъ его прихода, подробностей важныхъ для тѣхъ, кому онъ передавалъ ихъ, потомъ, приступая къ своей казни, сказалъ: »только надежда насладиться этимъ благомъ дважды привела меня въ Индію: но мнѣ много стоило его достигнуть.« И въ первый разъ онъ былъ уже осужденъ на смерть: но скоро послѣдовало помилованіе.

Три вѣка уже однѣ и тѣже сцены повторяются въ Индіи. Огромный треугольникъ, съ вершиною при мысѣ Коморинѣ, съ основаніемъ отъ Пондишери до Кананора, есть ихъ театръ. Съ прибытія сюда католическихъ миссіоне-

ровъ здѣсь истощено гораздо болѣе жертвъ, самоотверженія, героизма, чѣмъ нужно было, чтобы устрашить весь остальный міръ. Можно увеличить до безконечности примѣры, которыхъ мы представили только малое число. Чувствуемъ себя проникнутыми почтительнымъ удивленіемъ, восторженнымъ энтузіазмомъ къ этимъ благочестивымъ и бѣднымъ миссіонерамъ, безвѣстнымъ героямъ высокой мысли, — тѣмъ болѣе высокой, что, какъ мы не разъ будемъ имѣть случай показать, результаты несоразмѣрны съ усиліями и самоотверженіемъ.

Скажемъ еще теперь, что если затрудненія, представившіяся въ Индіи распространенію христіанства, не были побѣждены нашими миссіонерами, то это потому, что онѣ по своей природѣ не могли быть побѣждены героизмомъ бодрости, высотою самоотверженія, безмѣрностью жертвы.

ГЛАВА IV.

О миссіяхъ протестантскихъ.

Католицизмъ, сохраняя право своего старшинства, существовалъ уже долго въ Индіи прежде, чѣмъ протестантизмъ тамъ явился. Изъ Гоа, гдѣ онъ основалъ свою метрополію, онъ посылалъ во внутренность полуострова дѣятельныхъ миссіонеровъ, которыхъ труды мы очертили слегка. Тогда только протестантизмъ явился въ Индіи предъ лицемъ своего европейскаго противника; онъ ступилъ на землю въ Транкебарѣ, на коромандельскомъ берегу.

Данія, идучи по слѣдамъ Англіи и Франціи, произвела также остъ-индскую компанію. Эта компанія, дурно ведшая свои дѣла, скоро отказалась отъ своей привиллегіи; она уступила ее правительству. Заведеніе, устроенное ею на коромандельскомъ берегу, поддерживаемое рукою болѣе сильною, это заведеніе снова пошло довольно хорошо; одно обстоятельство, совершенно неотносившееся къ его основанію, дало ему вдругъ большую важность.

Король датскій Фридрихъ въ началѣ XVIII в. возъимѣлъ мысль послать въ Индію миссіонеровъ, которые бы попытались обращать въ

христіанство индусовъ. Это значило идти по дорогѣ миссіонеровъ католическихъ, но въ интересѣ противоположномъ. Первый миссіонеръ прибылъ туда, но оставался тамъ очень недолго; но двое молодыхъ людей, Цейгенбальдъ и Плюто, отлично способные къ такимъ занятіямъ, скоро явились на его мѣсто. Они были юны, бодры, полны жара и вѣры. Впрочемъ тотчасъ имъ явилась опора, стоившая всего этого для успѣха въ ихъ дѣлѣ: мы хотимъ сказать о участіи, принятомъ Англіею въ начатомъ дѣлѣ и о деньгахъ, употребленныхъ ею для содѣйствія его успѣхамъ.

Первый датскій миссіонеръ въ Индіи пробылъ тамъ очень недолго: но какъ онъ возвратился оттуда въ Англію, то былъ представленъ королю Георгу I и нѣсколькимъ епископамъ. Тотчасъ по его разсказамъ многія лица рѣшились принять участіе въ религіозныхъ попыткахъ Даніи. Съ 1710 г. образовалось въ Англіи общество для распространенія христіанской нравственности; оно послало въ Транкебаръ деньги, работниковъ и книгопечатныя буквы. Съ этой минуты миссія, продолжая по имени принадлежать Даніи, на дѣлѣ стала англійскою, содержалась англійскимъ золотомъ. Хартія компаніи запрещала, какъ мы сказали, входъ въ Индію всякому британскому подданному: миссіонеры не были изъяты изъ этого

запрещенія. Давно уже Англія царствовала безъ соперничества на полуостровѣ, а это запрещеніе все еще не было отмѣнено. Долгое время, хотя и находясь въ апогеѣ своего могущества, протестантизмъ продолжалъ прикрываться въ Индіи датскимъ флагомъ.

Англійская компанія не допускала миссіонеровъ въ Индію. Ихъ ревность, часто нескромная, заставляла ее бояться возмущеній, которыя непремѣнно были бы вредны ея выгодамъ. Съ своей стороны общество христіанской нравственности посылало въ Транкебаръ миссіонеровъ, сколько могло, ничуть не заботясь о выгодахъ компаніи. Наконецъ король, какъ членъ парламента, утвердилъ исключеніе миссіонеровъ въ Индіи, но тѣмъ не менѣе въ тоже время онъ былъ президентъ помянутаго общества. Одной рукой онъ отворялъ миссіонерамъ дверь, другой затворялъ ее. Не говорили ли мы уже и не мало объ этомъ особенномъ духѣ противорѣчія, замѣчаемомъ во всемъ томъ, что истекаетъ изъ Англіи!

Цейгенбальдъ и Плюто долго находили препятствіе своей ревности въ необходимости заботиться о своемъ собственномъ существованіи. Съ небольшими средствами они достигли наибольшихъ результатовъ. Они напечатали переводъ библіи на тамульскій языкъ и рас-

пространили большое число экземпляровъ между туземцами. Ихъ ревность къ выгодамъ обращенныхъ индусовъ ссорила ихъ иногда съ политическою властію. Цейгенбальдъ не разъ былъ арестованъ. „Миссіонеры однакожъ, по показанію ихъ историковъ, продолжали свое дѣло, готовые претерпѣвать все за любовь къ избраннымъ и проповѣдовать слово Божіе *благовременно и безвременно.*" (*) Благодаря этимъ усиліямъ дѣло скоро пошло успѣшно. Въ 1775 г. считалось пять протестантскихъ миссій, въ каждой по три миссіонера.

Коромандельскій берегъ долго былъ театромъ кровопролитной войны. Гайдеръ-Али и Типпу-Саибъ поочередно оспоривали здѣсь у англичанъ скипетръ Индіи. Государства втораго разряда, неспособныя заставить уважать свою національность своими собственными средствами, были обязаны принимать участіе въ войнѣ за одну изъ великихъ державъ. Всюду было волненіе, безпорядокъ, анархія. Но именно во время бурь молодой орленокъ любитъ развивать свои мощныя крылья. Именно при необыкновенныхъ обстоятельствахъ образуются великіе характеры, открываются сильно закаленныя души. Тогда явился для этого новый примѣръ.

(*) Campbell, p. 157.

Датскій миссіонеръ, по имени Шварцъ, явился среди этой кровавой анархіи христіаниномъ первыхъ вѣковъ. Никто не распространялъ дальше, на большее число людей, вліянія благодѣтельнаго, просвѣщающаго, религіознаго. Преграды религіи и національности падали передъ этимъ могуществомъ магнетическимъ, я хотѣлъ бы сказать, волшебнымъ; мусульмане, индусы, христіане его одинаково почитали. Всѣ языки Индіи были ему знакомы. Его неутомимая любовь, кажется, заставила его являться разомъ въ мѣстахъ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга, въ пунктахъ самыхъ противоположныхъ. Онъ умѣлъ сладить, къ удовольствію обѣихъ сторонъ, съ политическими порученіями самыми трудными, самыми запутанными. Принявши его, какъ посланнаго англичанъ, Гейдер-Али предложилъ ему представлять его самого въ видахъ огражденія одного условія, имъ предложеннаго. Не получивъ его согласія, онъ прервалъ всѣ переговоры. Въ другомъ случаѣ Шварцъ явился въ видѣ еще болѣе необыкновенномъ. Раджѣ танджорскому, осажденному въ своей столицѣ, угрожалъ голодъ, не потому чтобы не было хлѣба въ окрестности, но потому, что земледѣльцы, обманутые прежде того раджею или его агентами, не хотѣли болѣе ему вѣрить. Раджа обратился къ Шварцу, и вотъ миссіонеръ бѣдный, почти нагой, иногда самъ почти умирающій съ голоду, кормитъ го-

сударя могущественнаго, предводительствующаго арміею, въ срединѣ его владѣній. Раджа не забылъ этой услуги; на смертномъ одрѣ, какъ ни былъ онъ въ личномъ убѣжденіи противникомъ христіанства, ввѣрилъ однакожъ опеку надъ своими дѣтьми самому Шварцу.

Можно было бы представить еще много чертъ тогоже рода. Чтобы дѣлать такія чудеса, Шварцъ не имѣлъ ни войскъ, ни денегъ, ни политическаго могущества. Любовь, рѣшимость, жертвы вотъ средство его дѣятельности: по истиннѣ эта великая душа обладала ими въ высочайшей степени. По меньшей мѣрѣ онъ сдѣлалъ на короманделъскомъ берегу столько, сколько Ксавье на малабарскомъ. Онъ былъ великій миссіонеръ протестантизма. (*)

(*) Два писателя, смотрящіе на вещи съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, одинъ духовный, другой военный, говорятъ объ немъ слѣдующимъ образомъ: «хорошее мнѣніе, пишетъ Геберъ, которое я имѣлъ о Шварцѣ, возрасло еще съ тѣхъ поръ, какъ я посѣтилъ южную часть Индіи. Я не могъ удержаться отъ подозрѣнія, что къ великимъ качествамъ его примѣшивается много склонности и вкуса къ интригѣ; что онъ скорѣе пророкъ въ смыслѣ политическомъ, чѣмъ религіозномъ; что великое почтеніе, оказываемое ему идолопоклонниками (потому что они считаютъ его существомъ высшаго рода, жгутъ восковыя свѣчи предъ его статуей, кладутъ приношенія къ его ногамъ ипр.) куплено какой нибудь сдѣлкой съ ихъ пред-

Часть Индіи, подвластная англичанамъ, тѣмъ не менѣе оставалась закрытою для миссіонеровъ до 1813 г. Имъ было запрещено, также какъ и другимъ британскимъ подданнымъ, брать мѣсто на судахъ отправляющихся въ Индію. Многіе боролись съ этимъ препятствіемъ, но были принуждены избирать путь черезъ Голландію, Америку и мысъ Доброй надежды, перемѣнять суда въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ, и послѣ всего этого быть высажены въ Индіи въ видѣ контрабанды. (*) Правительство Индіи, если оно извѣщалось о ихъ прибытіи, спѣшило тотчасъ отправить ихъ назадъ въ Европу или принуждало ихъ бѣжать на датскую землю. »Никогда дѣло миссіи, пишетъ

разсудками. Но я вижу, что ошибался. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и безстрашныхъ миссіонеровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ въ своихъ предпріятіяхъ.« Heber. t. III p. 439.

Другой историкъ, военный, говоритъ: »характеръ этого благочестиваго миссіонера былъ столько же необыкновенный, какъ и обстоятельства, среди которыхъ онъ былъ поставленъ; его вліяніе на туземцевъ отъ государя, до бѣднѣйшаго крестьянина, проистекало единственно изъ его поведенія и личныхъ усилій. Можно сказать, что онъ болѣе поддержалъ правительство, его употреблявшее, чѣмъ оно его.« Malcolm. hist. polit. p. 269.

(*) Campbell.

намъ одинъ изъ тѣхъ, которые его предпринимали, ни въ одной странѣ не встрѣчало болѣе трудностей, какъ въ Индіи. Одно Провидѣніе могло одолѣть ихъ и дать побѣду своимъ служителямъ. Недовольно того, что мы должны были переплыть пятнадцать тысячь миль по океану; что мы подвергались бурямъ и опасностямъ бездны; что мы должны были бороться съ нездоровыми климатами, преодолѣвать трудности чужаго языка: не довольно того, что язычники, изъ привязанности къ своимъ кастамъ, объявили себя противъ насъ; что наши собственные сограждане, по своимъ предразсудкамъ, по неимѣнію религіи, по привязанности къ обычаямъ, противнымъ Евангелію были нашими врагами; что въ такихъ же отношеніяхъ къ намъ были люди высоко поставленные, частію по невѣжеству, частію по злобѣ: нужно было еще, чтобы само правительство, принявъ сторону нашихъ противниковъ, заградило намъ входъ на нашу дорогу. (*)

Въ то время, когда въ послѣдній разъ былъ поднятъ вопросъ о миссіонерахъ въ парламентѣ, въ 1813 г., было два противныя мнѣнія. Какъ и во всѣхъ дѣлахъ, касающихся Индіи, одно мнѣніе опиралось на идеи, на сообра-

---

(*) Campbell. p. 35.

женія европейскія, другое на идеи и соображенія, истекшія изъ исторіи Индіи и изъ состоянія этой страны. Такъ какъ дѣло производилось передъ собраніемъ европейскимъ, то первое мнѣніе одержало верхъ, Дѣло миссіонеровъ между другими было поддерживаемо знаменитымъ Вильберфорсомъ, адвокатомъ свободы негровъ, который былъ тогда во всемъ блескѣ извѣстности. Съ этой минуты входъ въ Индію миссіонерамъ былъ позволенъ, хотя и подлежалъ еще многимъ ограниченіямъ.

Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ миссіонеры приходили въ Индію тріумфаторами. Завоеваніе Индіи Англіею въ ихъ глазахъ было не что иное, какъ путь, уготованный Провидѣніемъ для приготовленія обращенія индусовъ, которое предназначено имъ. Въ ихъ глазахъ, вся исторія Индіи отъ временъ самыхъ отдаленныхъ до нашихъ дней не имѣла никогда другой цѣли. Выслушаемъ одного изъ нихъ.

Послѣ бѣглаго очерка событій, театромъ которыхъ была Индія въ теченіи вѣковъ, Кемпбель восклицаетъ: »но какія причины этихъ странныхъ бѣдствій? золото и серебро, рубины и алмазы, которыми Индія изобилуетъ, безъ сомнѣнія были сильною приманкою для завоевателей и грабителей; богатыя и плодо-

носныя равнины Индіи, безъ сомнѣнія, были мощными искушеніями для ордъ, оставлявшихъ позади себя однѣ безплодныя горы и знойныя пустыни. Но это только причины вторичныя. Первая и главнѣйшая причина идолослуженіе Индіи. Эти арміи завоевателей были не что иное какъ орудія гнѣва и мщенія Всемогущаго; эти разрушительныя нашествія были средство, употребленное имъ для посѣщенія храмовъ Индіи, для низверженія идоловъ, для низведенія на эти народы казни, заслуженной ихъ нечестіемъ, несправедливостью, преступленіями. Господь повергъ Индію въ горящую пещь своего гнѣва не на семдесятъ лѣтъ, но на семдесятъ вѣковъ. Господь низпосылалъ бурю мщенія за бурею, чтобы сокрушить ее въ ея возмущеніи и идолослуженіи.«

»И для чего же, изъ среды рабства, Онъ воззываетъ ее теперь къ жизни? Для чего, не смотря на всѣ правила, установленныя нами для нашего индійскаго правительства, въ противность всѣмъ предписаніямъ совѣта директоровъ не расширять нашихъ границъ, беречься всякаго новаго завоеванія земли, Онъ предалъ всю Индію въ руки Великобританіи? Для чего въ этотъ часъ Онъ даетъ ей и порядокъ и миръ, и благодѣяніе хорошаго правленія, правленія, которое оживляетъ вновь ея торговлю, возстановляетъ искусства и науки, возвращаетъ

покровительство, которымъ она не пользовалась уже нѣсколько вѣковъ? Для того ли только, чтобы удовлетворить гордости и суетности завоевателей, увеличить наши сокровища, расширить наши владѣнія, доставить театръ нашей храбрости во время войны, нашей ловкости во время мира? Нѣтъ! Это потому, что пришло время, когда народы Индіи должны будутъ наконецъ хвалить Господа. Это потому, что пришла минута, когда Индія должна будетъ забыть навсегда свое идолопоклонство, изгнать изъ своихъ храмовъ жалкія божества, которымъ она не переставала поклоняться до сего часа; это потому, что пришла минута, когда Господь восхотѣлъ наконецъ пріобщить ее, какъ другой перлъ, къ восточному вѣнцу Своего Сына, даровать ей, однимъ словомъ, самые драгоцѣнные дары, какіе можетъ низпослать Небо царству земному, Евангеліе и религію Іисуса Христа.«

Съ этого времени протестантскія миссіи непрестанно умножались въ Индіи. Но протестантизмъ на этомъ новомъ полѣ остался вѣренъ своимъ преданіямъ. Онъ продолжалъ слушаться тогоже духа дѣленія и раздора, съ которымъ родился на свѣтъ. Англиканцы, лютеряне, калвинисты, методисты, пресвитеріане, индепенденты и пр. послали сюда своихъ представителей. »Они всѣ вмѣстѣ вступили въ борь-

бу съ общимъ врагомъ, приготовляя свои силы къ духовной войнѣ.« (*) Земля, которую они рѣшились воздѣлать, была уже прежде избороженa во всѣхъ направленіяхъ католическими миссіями съ юга полуострова. Только они продолжали приставать къ ней, какъ и старшіе ихъ предшественники, съ короманделъскаго берега. »Проведите линію отъ Мадраса до Канора на малабарскомъ берегу, и отъ концевъ этой линіи сойдите до мыса Коморина, вы получите огромное пространство тріугольной формы, котораго внутренность представитъ землю, воздѣлываемую протестантскими миссіями.« (**) Таковы предѣлы, въ которыхъ, по словамъ одного изъ нихъ, заключается ихъ дѣятельность. »За то, говоритъ онъ, въ награду за духовныя преимущества, за духъ предпріимчивости, за ревность миссіонеровъ, это пространство можетъ назваться священною землею Индіи.« Число протестантскихъ миссій въ 1830 г. было не менѣе 200. Ихъ средства дѣйствія вездѣ и во всемъ были обыкновенныя средства протестантизма: переводъ и раздача библіи, основаніе школъ, однимъ словомъ письменное обученіе. Проповѣдь, ученіе изустное, какъ извѣстно, были всегда вторичными средствами проте-

(*) Campbell p. 214—215.

(**) Id. ibid.

стантизма. Родившись изъ спора, изъ разсмотрѣнія писаннаго слова, изъ буквы, онъ постоянно опускаетъ изъ виду духъ, слово живое.

Не смотря на большое число, не смотря на огромныя средства дѣйствія, протестантскія миссіи не достигли однакожь большихъ результатовъ. Каждая изъ этихъ миссій на дѣлѣ есть главный штабъ безъ солдатъ. Мы сказали, что число миссій неменѣе двухсотъ. Что часается до числа обращенныхъ ими, выслушаемъ калькуттскаго епископа. »Часто писали, говоритъ намъ Реджинальдъ Геберъ, что число туземцевъ протестантовъ простирается до сорока тысячъ: я сомнѣваюсь, чтобы оно доходило до пятнадцати, и даже, принявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства, эту цифру надобно почесть значительною.« (*) Въ самомъ дѣлѣ *принявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства*, мы увидимъ, что эта цифра превратится въ цифру ничтожную.

Впрочемъ какъ и быть иначе? Протестантизмъ, родившійся изъ протеста отдѣльныхъ лицъ, уже по самому своему началу лишенъ силы расширенія и власти, свойственной католицизму. Его могущество совершенно отри-

---

(*) Heber, Correspondance 3 vol. p. 460.

цательное: но онъ не въ силахъ положить его на другихъ: здѣсь противится его собственное начало. Онъ можетъ сдѣлать только одно, заставить судить о дѣлѣ. Но это вовсе не дѣло миссіонера. Истинный миссіонеръ не обращается къ разуму, не старается убѣждать; онъ разсказываетъ, утверждаетъ, повелѣваетъ вѣрить; онъ проливаетъ свою кровь въ доказательство своихъ словъ.

Лишенный этого начала, побуждающаго католицизмъ къ завоеваніямъ, протестантизмъ не могъ имѣть учрежденія, направленнаго къ этой цѣли. Такимъ же образомъ онъ преобразовалъ характеръ миссіонера. Супругъ и отецъ, связанный со всѣми интересами міра, протестантскій миссіонеръ не есть уже рыцарь вѣры, крестоносецъ Евангелія. (*) Какимъ образомъ можетъ онъ быть непрестанно готовымъ къ жертвамъ, къ самоотверженію? Какимъ образомъ онъ бросится съ жаромъ въ средину боя, онъ, къ которому обращено столько интересовъ и привязанностей, какъ къ предмету и центру? Онъ, который, такъ сказать, не принадлежитъ болѣе себѣ, какъ отважится на жизнь случайностей, опасностей, на

(*) Протестантскій священникъ можетъ имѣть, всего чаще имѣетъ всѣ добродѣтели человѣка. Мы говоримъ только объ утратѣ публичнаго характера.

жизнь, цѣлью и вѣнцемъ которой должно быть мученичество? Но допустимъ, что протестантскій миссіонеръ сохранилъ этотъ характеръ; допустимъ, что онъ все еще тотже воинъ Христа, всегда готовый на бой: реформація, сокрушивши религіозныя общества, отняла у него всѣ средства дѣйствія и тѣмъ самымъ поставила его въ положеніе отдѣльности, одно изъ самыхъ неблагопріятныхъ для предпринимаемаго имъ дѣла.

Религіозныя общества (корпораціи), такъ какъ онѣ есть въ нѣдрахъ католицизма, однѣ могли рѣшиться на это предпріятіе съ какой нибудь вѣроятностью успѣха. Онѣ владѣютъ могущественными пособіями организаціи, іерархіи, стремленія каждой отдѣльной воли къ общей цѣли; онѣ соединяютъ съ могуществомъ массъ эту силу и это единство воли, которыя могутъ принадлежать только малому числу, скажемъ лучше, одной головѣ; онѣ послѣдовательны и настойчивы въ своихъ планахъ; онѣ независимы отъ времени и пространства; онѣ умѣютъ направить къ одному дѣлу самыя различныя способности; онѣ однѣ могутъ наконецъ не только рѣшиться на великія дѣла, но и совершить ихъ, потому что великія дѣла для своего совершенія требуютъ времени соразмѣрнаго тому какое они должны продолжаться.

Миссіонеръ протестантъ, окруженный женою и дѣтьми, напротивъ теряется въ огромномъ пространствѣ индійскаго полуострова, онъ не слѣдуетъ никакому направленію, не находитъ ни въ комъ опоры, не имѣетъ ни опредѣленной предварительно точки отправленія, ни цѣли, къ которой онъ долженъ стремиться; онъ ограничивается отдѣльными усиліями, которыхъ онъ не умѣетъ направить, которыя часто прерываются, чаще всего остаются безъ послѣдствій за его смертью или отъѣздомъ. Въ тоже время,когда онъ скрученъ узами плоти, безъ предковъ и безъ потомства въ умственномъ родствѣ, что̀ можетъ онъ противъ плотной, могущественной, многочисленной, строго обученной арміи поклонниковъ Брамы?

Миссія транкебарская, первая по старшинству изъ многочисленныхъ протестантскихъ миссій въ южной части полуострова, осталась также и самою значительною. Она сдѣлалась метрополіею протестантизма въ Индіи, какъ Гоа метрополіею католицизма. Архіепископская каѳедра, богатая и могущественная, многочисленное духовенство, религіозныя учрежденія всѣхъ родовъ, воспоминанія о Васко де Гамѣ, о Албукеркѣ, о Ксавье, дѣлали изъ Гоа, принявъ въ соображеніе данное различіе мѣстъ и дѣлъ, индійскій Римъ. Маленькій городокъ Транкебаръ, безъ прошедшаго, безъ воспоми-

навій, безъ богатства и великолѣпія, но также могучій словомъ, городокъ, гдѣ отъ времени до времени скользили, такъ сказать, въ тѣни нѣкоторые отдѣльные миссіонеры, безъ оперы, въ черномъ платьѣ, съ библіею подъ мышкой, представляетъ нѣкоторое сходство съ суровымъ городомъ Лютера и Калвина.

ГЛАВА V.

О препятствіяхъ, представляющихся распространенію христіанства въ Индіи.

Нельзя представить болѣе великаго, болѣе чудеснаго зрѣлища, какъ зрѣлище распространенія христіанства въ древнемъ мірѣ, даже смотря на него съ точки зрѣнія чисто человѣческой.

Религія, возникшая среди бѣднаго и малаго народа, проповѣдуемая двѣнадцатью человѣками, исшедшими большею частію изъ послѣднихъ классовъ народа, распространяется по всему извѣстному міру. Мечь слова покоряетъ въ четыре вѣка эту имперію, на созданіе которой мечь римскій употребилъ тысячу лѣтъ. Этого мало: христіанство пересоздаетъ

это общество, которое оно покорило. Оно пепелитъ его, обдѣлываетъ его снова, оно дѣлаетъ изъ него новое общество, которому оно предложитъ другіе законы, утвержденные на новомъ основаніи. Никогда еще на сценѣ исторія не являлось зрѣлище столь чудесное.

При первомъ взглядѣ кажется, что положеніе христіанства въ Индіи сходно съ положеніемъ его въ древности. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то побѣды, имъ одержанныя надъ религіями Греціи и Италіи, представляются вѣрными предвѣстіями тѣхъ побѣдъ, какія оно неминуемо одержитъ надъ религіями браминскаго происхожденія. Однакожь факты до сихъ поръ не соотвѣтствуютъ этому взгляду.

Христіанство, выходя на берегъ въ Индіи съ португальцами, явилось среди христіанской эпархіи. Эта эпархія не была католическая, однакожь она неминуемо имѣла съ послѣднею много сходства. Итакъ надобно было ожидать, что она соединится съ послѣднею противъ религій браминскаго начала, что обѣ вмѣстѣ составятъ воинство, готовое на бой подъ знаменами католицизма, могущественное орудіе для непосредственнаго дѣйствія на племена индійскія. Это не осуществилось; христіанство которое въ древности шло такъ быстро на пу-

ти распространенія, остановилось на первыхъ шагахъ на полуостровѣ индійскомъ. Послѣ первыхъ успѣховъ, происшедшихъ большею частію отъ какого-то умственнаго оптическаго обмана, оно остановилось. Множество новообращенныхъ послѣдовали сперва за Ксавье: но это число далеко не такъ увеличивалось, какъ можнобъ было предполагать. Съ этой минуты, христіанство (католицизмъ и протестантизмъ вмѣстѣ) не только не могло пріобрѣсть въ пространствѣ, напротивъ, можетъ быть, каждый день теряетъ оно то, что пріобрѣло сначала. Будущее, кажется, въ этомъ отношеніи будетъ сходно съ прошедшимъ. Миссіонеры, посвятившіе свою жизнь проповѣданію Евангелія въ Индіи, истратившіе свои силы въ этой святой борьбѣ, вообще болѣе другихъ являются безъ всякой надежды.

Ни одинъ философскій или историческій вопросъ не можетъ быть любопытнѣе слѣдующаго:

Какимъ образомъ христіанство, развившееся такъ быстро въ имперіи римской, остановилось на первыхъ шагахъ на Востокѣ?

Въ тоже время нѣтъ ни одного вопроса болѣе важнаго, относительно будущаго европейскаго владычества въ Индіи, какъ слѣдующій:

Препятствія, противодѣйствующія распространенію христіанства въ Индіи суть ли преходящія, или напротивъ проистекаютъ изъ самой природы вещей:

Попытаемся разсмотрѣть эти вопросы, по мѣрѣ силъ.

Политеизмъ (*) владычествовалъ надъ греческимъ и римскимъ міромъ при появленіи христіанства. Родились великія религіозныя системы Востока, перешедшія въ Грецію и Италіею черезъ Египетъ и Этрурію. Но народное воображеніе отчасти лишило философскаго значенія великіе символы, принадлежащіе этимъ религіямъ; оно дало имъ бытіе, личность, форму; оно сдѣлало изъ нихъ боговъ.

Христіанство по этому легко могло распространить въ древнемъ мірѣ идеи личности и еди-

(*) Три великія религіозныя системы предшествовали политеизму. Пантеизмъ, дуализмъ, монотеизмъ, единобожіе. Это три великія философскія идеи, послужившія основою великимъ религіознымъ системамъ, царствовавшимъ въ мірѣ. Пантеизмъ подчинилъ своему владычеству Индію и Китай; дуализмъ утвердился въ Персіи. Догматъ единства Бога былъ основнымъ принципомъ юдаизма, откуда онъ перешелъ подъ разными формами въ христіанство и въ исламизмъ.
Пантеизмъ основанъ на идеѣ неизмѣнности отношеній Бога къ міру и міра къ Богу. Онъ заключаетъ всего Бога въ мірѣ, или міръ въ Богѣ.

ства Бога. Оно раскрыло ихъ, снова облачая, воплощая, если позволено такъ выразиться, въ новые догматы, воплощеніе, паденіе, искупленіе нпр. Но основное понятіе Бога, которое оно представляло міру, само по себѣ не имѣло ничего противуположнаго понятію, господствовавшему въ политеизмѣ Греціи и Рима. Въ основаніи это была таже идея, но очищенная, оразумленная, если можно такъ выразиться, въ нѣдрахъ христіанства.

Съ другой стороны апостолы приносили также новые догматы; они проповѣдовали міру паденіе, воплощеніе, искупленіе.

Древность греческая и римская не запирала политическаго общества отъ послѣдователей религіи, отличной отъ политеизма: идея личности и свободы божественной раждали идею личности и свободы человѣческой. Человѣкъ былъ отвѣтственъ за свои дѣйствія. Политическое устройство считалось орудіемъ, которое онъ могъ передѣлывать по своему, а не цѣпью, кольца которой укрѣплены въ роковой неподвижности на своихъ мѣстахъ, въ своемъ относительномъ порядкѣ, рукою самой

Дуализмъ объясняетъ совокупность вещей созданныхъ и не созданныхъ борьбою двухъ противоположныхъ силъ, стремящихся придти въ равновѣсіе.

судьбы. Ворота города могли отворяться для послѣдователей другихъ религій Одна и таже площадь (forum) соединяла гражданъ, приносившихъ свои жертвы иногда на алтаряхъ различныхъ. Извѣстна знаменитая надпись: »Невѣдомому Богу.« Извѣстенъ Пантеонъ, посвященный среди Рима, какъ показываетъ самое имя его, всѣмъ богамъ имперіи, т. е. міра.

Преслѣдованія противъ христіанъ не доказательство противъ того, что мы сказали. Преслѣдованія были направлены болѣе противъ политическихъ нововводителей, чѣмъ противъ послѣдователей чуждой религіи. Христіане и язычники образовали тогда какъ будто двѣ партіи, оспоривавшія одна у другой исключительное направленіе общества; или, приводя это положеніе въ тѣснѣйшіе историческіе предѣлы, язычники думали, что имъ нужно бояться этого со стороны христіанъ. Скоро для нихъ настала минута обратиться къ силѣ. Они начали преслѣдованіе; они приготовили орудія пытки; складены костры, открылись амфитеатры, Африка прислала своихъ львовъ и тигровъ. Христіане одѣлись чудесными латами, вѣрой и самоотверженіемъ. Щипцы и ножи истерлись объ ихъ члены, изорванные въ лоскутки, костры погасли въ ихъ крови, амфитеатры изчезли подъ громадами ихъ труповъ, львы и тигры насытились плотью дѣвъ

и мучениковъ.... и жертвы восторжествовали надъ палачами.

Нужно сдѣлать другое замѣчаніе: мы говорили о терпимости греческой и римской къ послѣдователямъ другихъ исповѣданій; но эта терпимость была гражданская и политическая. Первоначальная идея, основная идея политеизма, тѣмъ не менѣе была совершенно исключительна въ видахъ чисто религіозныхъ. Нельзя было сдѣлаться христіаниномъ и остаться язычникомъ. Нельзя было въ одно время возжечь ѳиміамъ на алтаряхъ Марса и Венеры и преклониться предъ престоломъ Христа. Оттого политеизмъ и христіанство, однажды встрѣтившись, должны были спорить о владычествѣ; отсюда также распря, т. е. бой словомъ, становилась неизбѣжною. Всякій человѣкъ внутри себя, въ своей совѣсти долженъ былъ принять участіе въ этой великой битвѣ. Со стороны христіанства находилось огромное, неисчисленное превосходство. Оно не могло вступить на это поприще битвы и завоеванія иначе, какъ съ полной достовѣрностью побѣды и обладанія міромъ.

Но въ Индіи, посреди безчисленныхъ сектъ браминскаго происхожденія христіанство находилось, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, совсѣмъ въ другомъ положеніи.

Понятіе о божествѣ въ браминизмѣ, т. е. основное понятіе, рѣшительно противоположно понятію христіанства. Христіанство очистило и возвысило понятіе о единомъ Богѣ. Браминизмъ весь, совершенно напротивъ, основанъ на непрерывномъ единеніи Бога и міра. Въ мірѣ онъ видитъ проявленіе подъ конечною формою, основы единой, вѣчной, абсолютной. Богъ христіанина существуетъ въ безпредѣльности Его лица, Его свободы, Его отрѣшенной индивидуальности; Богъ индуса во всемъ, всюду, является подъ всѣми формами, живетъ во всѣхъ видахъ. Тутъ нѣтъ ни одной точки соприкосновенія, никакой аналогіи между христіанствомъ и браминизмомъ въ ихъ точкѣ отправленія. Ученіе, проповѣдуемое миссіонерами, отвергается всѣми умственными привычками, всѣми предшествующими идеями слушателя къ которому оно обращено.

Съ другой стороны нѣкоторые основные догматы христіанства отыскивались въ древнемъ Востокѣ, часто подъ формою мало отличною, отличаясь сущностію. Ученіе о паденіи, воплощеніи, искупленіи не представляетъ ничего новаго для воображенія поклонника Брамы.

Браминское общество, въ противность обществу греческой и римской древности, запер-

то для всякаго иностранца. Это общество не только божескаго происхожденія: оно есть самая сущность божества, оно есть самъ Богъ, явившійся въ четырехъ главныхъ формахъ: браминовъ, кшатріевъ, вайсіевъ, судръ, формъ, которыя продолжились, расширились съ теченіемъ вѣковъ, но не измѣнили своей натуры. Это общество не можетъ отворить дверей ни одному новому пришельцу. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не можетъ сдѣлать, чтобъ было то, что не было, т. е. чтобъ народы, которые по мнѣнію индуса, не составили части первыхъ проявленій Брамы, составили потомъ часть ихъ. Итакъ для этихъ народовъ нѣтъ никакого средства войдти въ этотъ составъ. Въ безчисленныхъ іерархическихъ степеняхъ индійскаго зданія, въ одно время храма и города, нѣтъ ни одного мѣста для иностраннаго пилигрима или новообращеннаго. Европеецъ можетъ прожить цѣлые вѣка подлѣ индуса и между ними не установится ни одной точки соприкосновенія. И какимъ образомъ могло бы это общество открыться для чужеземца? Оно немилосердо изгоняетъ изъ среды себя всѣхъ своихъ членовъ, которыхъ осквернило малѣйшее соприкосновеніе, самое случайное соотношеніе, по его мнѣнію.

Религіозное ученіе индуса въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ противуположно ихъ общественному устройству. Оно обширно, всеобще, или

по крайней мѣрѣ стремится къ всеобщности. Нѣтъ ни религіозной ни философской системы, которой бы это ученіе не принимало, не поглощало въ себя. Этого требуетъ его пантеистическій характеръ. Такимъ образомъ нельзя себѣ представить ни одного понятія, ни одного оттѣнка идеи, которымъ не было бы чего нибудь подобнаго въ безчисленныхъ сектахъ Индіи. На этомъ безпредѣльномъ днѣ пантеизма, можетъ играть, не переливаясь черезъ край, всякая человѣческая фантазія, въ своихъ постоянныхъ усиліяхъ разрѣшить неразрѣшимыя проблемы Бога, міра и человѣчества. Но отсюда также индусъ, какъ мы увидимъ ниже, можетъ усвоить часть христіанскихъ идей, сдѣлаться христіаниномъ до извѣстной точки, не переставая принадлежать къ религіи Брамы. (*) Отсюда также христіанство находится здѣсь не въ томъ положеніи, какъ среди политеизма. Эта борьба, въ которой оно такъ сильно торжествовало въ Римѣ и Аѳинахъ по причинѣ величія и чистоты своего ученія, невозможна для него въ Индіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ невозможна и вѣроятность побѣды.

Общество индусское гораздо глубже религіозно, чѣмъ общества греческое и римское.

(*) Мы будемъ имѣть случай показать, что въ этомъ заключается истинное препятствіе распространенію христіанства.

Браминизмъ овладѣваетъ всѣмъ человѣкомъ совсѣмъ не съ той силой, съ какой овладѣвалъ политеизмъ. Дѣйствія политеизма ограничивались стѣнами храма. Поклонникъ Юпитера, переступивъ за порогъ, вновь обрѣталъ нѣкоторую свободу. Человѣческая мысль умѣла жить не только у подножія алтаря. Но браминизмъ отъ рожденія человѣка до смерти не оставляетъ его ни на одну минуту. Въ цѣлый день индуса нѣтъ ни одной минуты, которая бы не была посвящена какой нибудь церемоніи, какой нибудь молитвѣ, какому нибудь религіозному дѣлу. Этого мало: нѣтъ ни одного дѣйствія въ жизни, какъ бы безразлично оно ни казалось, которое бы не было дѣйствіемъ религіи столь же священнымъ, какъ для христіанина священно совершеніе святѣйшихъ таинствъ; всѣ дѣйствія установлены обычаями и правилами касты; совершать одно изъ нихъ и самое незначительное, по этимъ правиламъ и обычаямъ, значитъ исповѣдать касту, т. е. браминизмъ, въ ея существенномъ догматѣ, въ ея собственной сущности. Нѣтъ минуты времени, нѣтъ точки пространства, гдѣ бы общество не было ограждено отъ всего ему чуждаго. Страшная казнь — потеря касты была бы послѣдствіемъ всякаго небреженія въ соблюденіи правилъ и обычаевъ; она постигла бы слѣдовательно всякаго, открывшаго слухъ предъ ученіемъ чуждымъ.

Наказаніе страшное, столь страшное, что нѣтъ словъ для его изображенія. Позорное клеймо и гражданская смерть въ самомъ дѣлѣ дали бы объ немъ понятіе неполное, ниже дѣйствительности: онѣ не налагаютъ на виновнаго, имъ подвергшагося, знака столь роковаго; онѣ не отсѣкаютъ его отъ общества такъ жестоко и такъ совершенно. У насъ осужденный, какъ ни жестоко, ни мучительно его положеніе, продолжаетъ однакожъ принадлежатъ къ обществу европейскому. Но для человѣка, потерявшаго свою касту, общественное единеніе не существуетъ болѣе; онъ становится предметомъ ужаса, презрѣнія для тѣхъ, которые вчера еще были его братьями, родственниками, друзьями; итакъ обращеніе индуса не только влечетъ за собою наказанія или угрозы религіозныя, которыя онъ могъ бы презирать въ силу своего новаго вѣрованія: оно предаетъ его этой общественной казни, непосредственной и дѣйствительной. Допустимъ, что идолопоклонникъ въ Римѣ или Аѳинахъ, обратившійся къ христіанству, подвергся бы съ самаго начала наказанію, равнявшемуся съ выставленіемъ у позорнаго столба, съ всегдашними галерами, съ гражданскою смертью: не позволено ли думать, что вѣроятность успѣховъ распространенія христіанства, смотря съ человѣческой точки зрѣнія, много бы уменьшилась?

Общество римское, при появленіи христіанства на свѣтъ, было добычею безпорядковъ и анархіи; оно крушилось со всѣхъ сторонъ. Народы терпѣли бѣдствія ужасныя, и каждый сознавалъ ихъ. Власть поставлена была въ противорѣчіе съ самыми простыми законами нравственности, даже съ тѣми, какіе проповѣдовалъ политеизмъ. Во всѣхъ классахъ, высшихъ и низшихъ, могучихъ и слабыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ было утомленіе, нетерпѣніе того, что существовало, потребность искать убѣжища въ другомъ порядкѣ вещей и мыслей. Въ послѣднихъ рядахъ общества въ слѣдствіе убѣжденія, глубоко чувствуемаго, что придется переносить дольше страданія, сдѣлавшіяся несносными; у сильныхъ и счастливцевъ міра въ слѣдствіе опротивленія, пресыщенія, обыкновенно сопровождающаго излишество, — мелькнуло во всѣхъ душахъ ожиданіе, желаніе, такъ сказать, начало общества, лучше устроеннаго. Апостолы приносили то, чѣмъ можно было удовлетворить этимъ желаніямъ, этимъ обѣтамъ, чѣмъ можно было положить конецъ этому пресыщенію, чѣмъ можно было обновить эти развалины. Никогда почва не могла быть лучше приготовлена къ принятію, къ прозябенію тѣхъ высокихъ и утѣшительныхъ идей христіанства, которыя учатъ насъ видѣть въ этой землѣ переходъ къ другому міру, въ нашихъ настоящихъ бѣдствіяхъ испытаніе, за которое намъ

воздастся. Никогда постоянный зовъ ученія Христова отъ міра временнаго и преходящаго къ міру невидимому и вѣчному не могъ обратиться къ слуху, болѣе жаждущему его принятія.

Индія, совершенно напротивъ, не имѣетъ и мысли объ обществѣ, отличномъ отъ того, въ которомъ она жила всегда. Индійскія государства страждутъ и стонутъ подъ владычествомъ чуждымъ, давящимъ ихъ тяжкимъ ярмомъ завоеванія; но общественный ихъ порядокъ ни въ чемъ ни измѣненъ, ни разстроенъ. Иностранецъ, сдѣлавши нѣсколько шаговъ внутрь земли, вновь находитъ его такимъ, каковъ онъ былъ при началѣ вѣковъ.

Апостолы встрѣчали еще среди языческихъ народовъ характеръ, долженствовавшій сильно содѣйствовать успѣху ихъ посланичества. Среди этого общества, лишеннаго вѣрованій важныхъ и сильныхъ, изъ котораго нравственное чувство было, такъ сказать, изгнано, въ этомъ обществѣ овеществленномъ, они являлись существами внѣ человѣчества, выше человѣчества. Они искали самоотверженія, жертвъ, бѣдствій, умерщвленія плоти, какъ другіе ищутъ радостей и наслажденій. Изъ нихъ одни, убѣгая міра, удалялись въ пустыню, обитали въ пещерахъ, оспориваемыхъ у дикихъ звѣрей, проводили дни и ночи въ молитвѣ и размышле-

ніи. Ихъ жизнь становилась продолжительною казнью, какой не претерпѣли бы многіе преступники, осужденные на самыя страшныя казни человѣческимъ правосудіемъ. Другіе напротивъ были въ дѣятельномъ общеніи съ людьми; они шли повсюду, проповѣдуя новое ученіе и высокія наставленія. Никакое бѣдствіе, никакая человѣческая власть не могли удержать ихъ ревности. Они одинаково вступали въ борьбу съ тираномъ на тронѣ, съ жрецомъ у порога храма, съ народомъ въ полномъ возстаніи. Потомъ, когда было нужно, они запечатлѣвали всей своей кровью истину своихъ словъ. Апостолъ и пустынникъ, эти два орудія распространенія христіанства, представлялись такимъ образомъ, среди язычества, существами другаго міра. Но также, мы это сказали, души были приготовлены къ благой вѣсти, которой были они посланниками. Борозда была открыта для сѣмени, которое они бросали полной горстью.

Мы разсказывали о жизни нашихъ миссіонеровъ въ Индіи. Въ самоотреченіи, въ отчужденіи отъ міра, въ лишеніяхъ всѣхъ родовъ она не ниже жизни первыхъ христіанъ. Она можетъ состязаться съ жизнію славнѣйшихъ пустынниковъ Ѳиваиды. Для этихъ достойныхъ преемниковъ апостольскихъ совершились всѣ обѣты, данные апостольству св. Пав-

ломъ: что ему предстоятъ бѣдствія въ дорогахъ, бѣдствія на морѣ, бѣдствія отъ воровъ, бѣдствія отъ нравовъ и обычаевъ чуждыхъ; бѣдствія отъ сильныхъ, бѣдствія въ городахъ, бѣдствія въ пустынѣ, бѣдствія отъ ложныхъ братьевъ, бѣдствія отъ голода и поста, бѣдствія отъ холода и наготы ипр. Но миссіонеры Индіи, одушевленные тѣмиже чувствами, находятся въ обстоятельствахъ совершенно иныхъ, чѣмъ первые апостолы и ихъ преемники. Героизмъ тотже, но имъ не дано также поражать воображеніе народовъ. Тоже мученичество, но не тотъ вѣнецъ.

Всякій знаетъ: Индія наполнена кающимися индусами и мусульманами, которые, въ духѣ покаянія и умерщвленія плоти, налагаютъ на себя казни, приводящія въ трепетъ при одномъ разсказѣ. Но надобно привести примѣры, потому что воображеніе не можетъ достигнуть дѣйствительности.

Одинъ кающійся индусъ ложится на кровать, убитую желѣзными остріями, которыя глубоко проникаютъ въ тѣло. Другой отъ мыса Коморина доходитъ до Бенареса въ башмакахъ, пробитыхъ гвоздями, которые терзаютъ

* Léttres edifiant. p. 292—294.

его подошвы. Третій проходитъ тотже путь, измѣряя его своимъ тѣломъ; онъ не останавливается ни ѣсть, ни пить, ни спать, или по крайней мѣрѣ дѣлаетъ это въ краткіе промежутки, въ которыхъ онъ неможетъ отказать своей истомленной природѣ. Иной осуждаетъ себя на казнь пяти огней. Онъ проводитъ самые жаркіе лѣтніе дни между пятью горящими жаровнями, тогда какъ солнце льетъ на него свои пламенные лучи; по наступленіи вечера онъ снимаетъ съ себя все платье, ложится на скалѣ, мокнетъ отъ холодной ночной росы, остается неподвижнымъ подъ страннымъ дыханіемъ горнаго вѣтра. Иной смотритъ неподвижно на солнце, пока совершенно ослѣпнетъ. Другой проводитъ многіе годы жизни въ положеніи столь принужденномъ, что самая мысль наша казнится. Одинъ англійскій офицеръ встрѣтилъ брамина, который двадцать семь лѣтъ провелъ, просунувъ голову между бедрами, положеніе, въ которомъ едва можетъ пробыть нѣсколько минутъ какой нибудь волтижеръ.

Таверпье встрѣтилъ однажды нѣсколькихъ изъ этихъ кающихся. Одинъ изъ нихъ далъ обѣтъ держать руки сжатыми. Онъ исполнилъ это съ такимъ упорствомъ, что ногти его пальцевъ проросли сквозь ладони и вышли на противоположной сторонѣ на нѣсколько дюймовъ. Другіе держали руки у затылка столько лѣтъ

что тѣло изсохло, кости были какъ будто обнажены: можно было сказать, что руки скелета приросли къ живому.

Народные праздники особенно обозначаются удвоеніемъ жара къ этимъ казнямъ страннымъ и добровольнымъ. Одни велятъ себя поднимать желѣзными крючьями, воткнутыми подъ мышками, и вертѣть кругомъ около столба; послѣ этого ихъ бросаютъ на землю, оглушенныхъ, безъ сознанія, теряющихъ свою кровь отъ широкихъ и глубокихъ ранъ. Другіе не поморщившись заставляютъ давить себя колесами колесницы, везущей ихъ божество. На многія мили кругомъ, въ сосѣдствѣ знаменитаго храма Яггернаута, земля покрыта побѣлѣвшими костями жертвъ, добровольно себя принесшихъ. На всякомъ шагу въ городахъ или на дорогахъ встрѣчаютъ кающихся, собирающихъ милостыню себѣ на похороны; какъ скоро составится необходимая сумма, они оканчиваютъ свои дни посредствомъ той или другой казни, предварительно назначенной, на какомъ нибудь праздникѣ Брамы, Вишну или Живы ипр. Все это дѣлается съ тѣмже спокойствіемъ, какое оказываютъ наши нищіе и наши плясуны на канатѣ. Прохожіе и зрители не больше трогаются всѣмъ этимъ, какъ и у насъ во второмъ случаѣ.

Жизнь нашихъ миссіонеровъ, какъ она ни полна жертвъ и самоотверженія, не можетъ

поразитъ взоровъ народа, привыкшаго къ такимъ зрѣлищамъ. Вкусъ къ мѣрѣ, къ пропорціи во всемъ, есть существенное свойство генія Европы; геній Востока любитъ только крайности, исполинское, неограниченное, безконечное во всѣхъ родахъ. Съ другой стороны европейскій характеръ всегда имѣетъ въ виду цѣль для своихъ усилій, стремится къ полезному. Воины Христа, наши миссіонеры не будутъ избѣгать никакого томленія, никакой опасности, не пощадятъ ни крови ни пота, но и въ нихъ также найдется этотъ духъ мѣры, эта привычка къ умѣренности, то объ чемъ мы говорили. Въ умерщвленіи плоти они остановятся тогда, когда побѣда духа будетъ вѣрна, они не предадутъ себя этимъ мученіямъ, столько же страшнымъ, какъ безполезнымъ, ужаснымъ, отвратительнымъ.

Они предположили себѣ цѣль утвердить эту побѣду духа, предаваясь исполненію своихъ священныхъ обязанностей. Но на Востокѣ умерщвленіе плоти становится настоящей страстью; подобно всякой другой страсти, оно можетъ обойдтись безъ цѣли, безъ предмета; оно удовлетворяетъ само себя, оно дѣлается родомъ помѣшательства неистоваго, свирѣпаго, и тѣмъ самымъ недоступнаго западному здравому смыслу.

ГЛАВА VI.

О видимой легкости и дѣйствительной трудности обращенія индусовъ.

Многіе, можетъ быть, не повѣрятъ такимъ трудностямъ обращенія индусовъ, какія мы представили. Можетъ быть, они возразятъ намъ исторіею, которая, въ извѣстныя времена, повѣствуетъ намъ объ обращеніяхъ тысячами и сотнями тысячь. Фактъ и теорія, умствованіе и дѣйствительность стали бы такимъ образомъ въ яркомъ противорѣчіи.

Но противорѣчіе это только видимое: оно основывается на нѣкоторомъ родѣ оптическаго обмана, по выраженію уже употребленному, игрушками котораго были первые миссіонеры, первые историки христіанства въ Индіи. Попытаемся объяснить это.

Основная идея индусовъ вовсе не исключительная: напротивъ она стремится къ всеобщности. Она силится поглотить, согласить въ идеѣ возвышеннѣйшей, по ихъ убѣжденію, религіозныя идеи и догматы другихъ народовъ. Такимъ образомъ христіанскій миссіонеръ, когда онъ приходитъ въ Индію для проповѣданія слова Христа, встрѣчаетъ сначала въ сво-

ихъ слушателяхъ только сочувствіе и благосклонность. Но когда миссіонеръ и браминъ сойдутся вмѣстѣ, когда они заведутъ религіозное преніе, когда они будутъ поочередно излагать начала, основные догматы ихъ взаимныхъ вѣрованій, вотъ что произойдетъ неминуемо:

Браминъ изложитъ такія понятія о единствѣ, вѣчности существа абсолютнаго въ самомъ себѣ, Бога, которыя могутъ спорить въ возвышенности, въ нравственной чистотѣ, въ великолѣпіи выраженія съ понятіями христіанства. Миссіонеръ не сомнѣвается, что, отправляясь отъ этихъ сходныхъ началъ, скоро можно сойдтись въ слѣдствіяхъ. Браминъ заговоритъ еще о догматѣ индійской Тримурти: онъ покажетъ, что вѣчное существо проявляется подъ тремя формами: творца, сохранителя, разрушителя: Брама, Вишну, Жива. Миссіонеръ съ радостію узнаетъ здѣсь, хотя подъ нѣсколько отличною формою, Троицу христіанъ. Браминъ разскажетъ ученіе о паденіи человѣчества, о его искупленіи посредствомъ воплощенія Бога, сдѣлавшагося человѣкомъ. Миссіонеру покажется, что онъ узнаетъ Христа подъ именемъ Кристны. Браминъ заговоритъ еще объ очистительномъ свойствѣ воды, о необходимости омовенія. Миссіонеръ увидитъ здѣсь до нѣкоторой степени крещеніе. Ему покажется еще,

что онъ нашелъ исповѣдь, корфирмацію, соборованіе въ подробностяхъ нѣкоторыхъ религіозныхъ дѣйствій или обрядовъ, которыя браминъ изъяснитъ ему. Наконецъ оба согласятся въ важности покаянія, умерщвленія плоти, въ догматѣ воздаянія въ будущей жизни пир.

Но съ этихъ поръ начинается несогласіе, которое возрастаетъ непрерывно. Между бесѣдующими разверзается бездна, непрестанно расширяющаяся и углубляющаяся по мѣрѣ продолженія бесѣды.

Браминъ напередъ знакомъ съ догматомъ воплощенія. Этотъ догматъ составляетъ часть его собственныхъ вѣрованій. Но когда христіанинъ допускаетъ одно воплощеніе, онъ считаетъ девять, т. е. столько, сколько по его мнѣнію протекло великихъ періодовъ въ исторіи міра. Онъ ожидаетъ еще десятаго при концѣ временъ. Такъ какъ народы Европы немогли имѣть свѣдѣнія объ этихъ древнихъ воплощеніяхъ Вишну, совершившихся въ Индіи и для Индіи, то ему кажется очень основательнымъ, что Вишну явится въ другое время и въ другомъ видѣ для народовъ Запада.

Понятно, что миссіонеръ съ этихъ поръ становится въ формальное противорѣчіе съ бра-

миномъ. Онъ не можетъ, не отрекшись отъ христіанства, допустить другаго воплощенія Бога, кромѣ воплощенія Христа. Пока онъ только доказываетъ брамину истину, дѣйствительность этого воплощенія, браминъ ему не противорѣчитъ: онъ соглашается съ нимъ во всемъ. Но когда онъ, по своей обязанности, начинаетъ сверхъ того доказывать историческую ложность, философскую нелѣпость воплощеній божества, совершившихся будто бы между индусами, тогда браминъ рѣшительно возстанетъ противъ словъ миссіонера. Чѣмъ болѣе повидимому онъ сдѣлалъ уступокъ христіанскому ученію, тѣмъ болѣе показываетъ упорства въ своихъ собственныхъ убѣжденіяхъ. Онъ не сомнѣвался въ воплощеніи Бога, въ лицѣ Христа, въ Европѣ: онъ не хочетъ понять, какъ миссіонеръ не вѣритъ томуже событію въ Индіи. Онъ не сомнѣвался въ истинѣ словъ миссіонера: онъ не можетъ простить послѣднему сомнѣнія въ его собственныхъ словахъ, подтверждаемыхъ религіознымъ преданіемъ его отечества. Самая аналогія браминизма и христіанства становится такимъ образомъ препятствіемъ, объ которое сокрушаются усилія нашихъ миссіонеровъ.

Впрочемъ мы довели споръ между браминомъ и миссіонеромъ до самаго конца. Но предположимъ, что онъ остановился, перерванъ при

самомъ началѣ какимъ нибудь случаемъ: результатъ выйдетъ еще любопытнѣе. Пусть напримѣръ миссіонеръ удалится въ ту минуту, когда онъ только что возвѣстилъ о посланничествѣ Христа и когда браминъ принялъ его вѣсть съ готовностію и сочувствіемъ. Онъ удалится съ убѣжденіемъ, что церковь можетъ считать однимъ христіаниномъ болѣе. Мы однакожъ видѣли, что это не такъ. Браминъ допускалъ христіанство, по крайней мѣрѣ въ его основной идеѣ: но въ тоже время онъ не думалъ оставить браминизма. Напротивъ, онъ думалъ, что нашелъ въ христіанствѣ продолженіе, новое доказательство своего собственнаго вѣрованія, потому что находилъ одинъ изъ основныхъ его догматовъ—воплощеніе. Онъ не только не пожертвуетъ своимъ вѣрованіемъ вѣрованію новому; онъ будетъ думать, что послѣднее войдетъ въ составъ браминизма. (*) Это недоразумѣніе между браминомъ и миссіонеромъ вовсе не пустое предположеніе. Оно существуетъ дѣйствительно, хотя и въ другой формѣ. Имъ объясняется это видимое противорѣчіе между трудностями, встрѣчаемыми теперь въ распространеніи христіанства въ Индіи, и безчисленными обращеніями, совершенными прежде.

Ксавье въ десять лѣтъ своей проповѣди въ Индіи крестилъ до семисотъ тысячъ инду-

(*) Lettr. edif. passim.

совъ, обитателей молукскихъ острововъ и пр. Въ Мерварѣ онъ крестилъ въ одинъ день восемъ тысячъ оглашенныхъ. Мы не думаемъ, ни о какомъ намѣренномъ преувеличеніи со стороны первыхъ историкокъ Ксавье: что касается до преувеличенія, намѣренно сдѣланнаго имъ самимъ, рука, пишущая эти строки, скорѣе бы изсохла, чѣмъ написала одну строку, выражающую что нибудь похожее на сомнѣніе. Но съ другой стороны теперь въ Индіи считается далеко меньше семисотъ тысячъ христіанъ. А къ стаду Ксавье нужно еще причислить и потомковъ христіанъ, поселившихся въ Индіи, и рѣдкихъ разсѣянныхъ овецъ, которыхъ не переставали присоединять къ нему труды другихъ миссіонеровъ. Какъ согласить это? Всего проще и всего естественнѣе. Эти христіане были христіанами только по имени; скажемъ лучше, они были христіанами единственно во мнѣніи тѣхъ, которые ихъ крестили. Въ ихъ собственномъ мнѣніи, не смотря на этотъ обрядъ, они не переставали принадлежать къ браминизму. Индусы допускаютъ очищающее свойство воды, важность омовенія. Они производятъ его въ тысячѣ видахъ въ отправленіи своего богослуженія. Итакъ имъ не было никакого труда подвергнуться новому омовенію, только бы приняты были извѣстныя предосторожности противъ оскверненія, т. е. противъ всего того, что могло бы повлечь за собою потерю касты.

Итакъ миссіонеръ и оглашенный не понимали другъ друга, крещеніе для перваго было священнымъ знакомъ общенія христіанскаго, для послѣдняго новымъ обрядомъ, мало отличающимся отъ тѣхъ, какіе предписывала ему древняя религія.

Недоразумѣніе еще очевиднѣе въ причащеніи. Миссіонеры не встрѣчали у индусовъ никакого сопротивленія въ принятіи идеи причащенія. Но самое совершеніе таинства напротивъ повело къ безконечнымъ затрудненіямъ. Новообращенные, до тѣхъ поръ расположенные наилучшимъ образомъ, вообще ускользали въ эту послѣднюю минуту. Люди низшихъ классовъ, одни паріи оставались въ обѣтѣ обращенія.

Предъ Богомъ христіанъ душа паріи конечно стоитъ души брамина. Христіанство могло бы радоваться этой послѣдней побѣдѣ: однакожъ и этого нѣтъ. Парія, продолжающій участвовать въ вечерѣ причащенія, можетъ быть не болѣе христіаниномъ, какъ и браминъ, отъ нея удаляющійся. Одно изъ самыхъ формальныхъ предписаній браминизма запрещаетъ высшимъ классамъ ѣсть съ низшими. Но для многочисленныхъ раздѣловъ парій, стоящихъ на послѣдней ступени общественной лѣствицы, существуютъ только высшіе классы. Итакъ имъ поз-

волено ѣсть съ цѣлымъ свѣтомъ; они могутъ осквернять, но не оскверняться. Парія при самомъ причащеніи можетъ, стало быть, исповѣдовать догматъ кастъ, т. е. остаться браминистомъ.

При первомъ взглядѣ безъ сомнѣнія спросятъ, почему христіанство въ Индіи не соединится съ общественною формою Индіи такъ, какъ оно соединилось, съ общественными формами всѣхъ другихъ странъ. Не одинаково ли принято оно монархіями, аристократіями, демократіями? Въ его природѣ оставлять неприкосновенными всѣ общественныя раздѣленія или классификаціи. Но въ Индіи не встрѣчается ничего подобнаго. Каста, скажемъ еще разъ, не только составляетъ классификацію, политическую іерархію: она есть религіозный догматъ, догматъ величайшей важности, основаніе всего браминизма, во всемъ, что касается самыхъ существенныхъ дѣйствій и обрядовъ. Однимъ словомъ, представляясь христіанами, новообращенные, пока причащаются по кастамъ, въ дѣйствительности не отрекаются отъ вѣрованія браминскаго. Итакъ не безъ основанія упрекали миссіонеровъ за это снизхожденіе къ новообращеннымъ. Они давали причастіе людямъ, въ дѣйствительности не имѣвшимъ ни малѣйшаго права принять его. Индусъ, пріобщающійся отдѣльными кастами, въ самомъ дѣлѣ впадаетъ

въ противорѣчіе. Онъ исповѣдуетъ въ одно время Браму и Христа; онъ ставитъ себя обнаруженіемъ сущности самаго Брамы въ ту минуту, когда, по евангельскому выраженію, онъ готовится вкушать тѣло и кровь Христову. Въ слѣдствіе того, что мы сказали выше, индусъ не чувствуетъ этого противорѣчія. Мы видѣли, какимъ образомъ онъ можетъ принять Христа, не оставляя Брамы. Но тѣмъ не менѣе справедливо, что подъ именемъ христіанина, которое мы ему даемъ, онъ остается вѣрнымъ своему древнему вѣрованію.

Упорная привязанность индуса къ этому догмату кастъ дала почувствовать многимъ протестантскимъ миссіонерамъ необходимость пощадить его. Въ нѣкоторыхъ миссіяхъ причащеніе было давано по кастамъ; въ другихъ продолжали требовать, чтобы таинство было совершаемо безъ обращенія вниманія на различіе кастъ. Р. Кэмпбель, миссіонеръ ревностный, рѣшительный приверженецъ этой последней формы, восклицаетъ по этому случаю: »вечеря Господа есть великое сокрушеніе кастъ.« Отъ этого поднялся между протестантскими миссіонерами въ Индіи споръ, подобный тѣмъ, какіе возбуждали нѣкогда китайскія церемоніи между іезуитами и римскимъ дворомъ. Сторона, поддерживавшая уступку, опиралась на то, что отказать въ этомъ сниз-

хожденіи значитъ невозвратно удалить всѣхъ индусовъ отъ христіанства. Противная сторона возражаетъ , что эта уступка разрушаетъ въ основаніи самое христіанство и ведетъ къ тому, чтобы вмѣсто искренняго обращенія получить отъ индусовъ одну пустую формальность , безъ смысла и приложенія. Понятно , что обѣ стороны одинаково правы.

Реджинальдъ Геберъ разрѣшилъ этотъ вопросъ скорѣе какъ государственный человѣкъ, чѣмъ какъ ревностный христіанинъ. »Затрудненіе состоитъ въ томъ, что мы не знаемъ, до какой степени учрежденіе кастъ есть учрежденіе политическое, до какой религіозное; до какой степени наконецъ обычаи, осуждаемые миссіонерами, суть обычаи безнравственные или идолопоклонническіе. Я занимаюсь разсмотрѣніемъ всѣхъ этихъ вопросовъ и надѣюсь, что не кончу моего путешествія иначе , какъ отыскавши истину, по крайней мѣрѣ такимъ образомъ, чтобы предупредить всякій большой соблазнъ въ будущемъ, не отнимая ничего отъ тѣхъ особенностей, которыя можно считать естественными правами новообращенныхъ; я говорю о правѣ жить, въ отношеніи къ вещамъ безразличнымъ, какъ жили ихъ предки или какъ угодно имъ самимъ. Двѣ стороны миссіонеровъ очевидно имѣютъ причину порицать одна другую: а я

имѣю нѣкоторыя причины надѣяться, что обѣ сдѣлают взаимныя уступки.« (*)

Итакъ мы можемъ повторить это: главная трудность обращенія индусовъ состоитъ именно въ его видимой легкости. Индусъ безъ труда допускаетъ все то, что проповѣдуетъ ему миссіонеръ. Онъ принимаетъ Евангеліе съ уваженіемъ, съ понятливостію, съ сочувствіемъ. Но религіозное вѣрованіе, также точно, какъ и все то, что имѣетъ форму и предѣлы, какъ и всѣ дѣла міра сего, допуская извѣстныя идеи, отвергаетъ, отталкиваетъ другія. Такимъ образомъ сколь легко убѣдить индусовъ въ первомъ пунктѣ, столько же непоколебимы были они во второмъ. Отсюда происходитъ особенный способъ понимать христіанство, безъ сомнѣнія чрезвычайно удивлявшій и огорчавшій тѣхъ, которые думали, что они обратили своихъ слушателей. Такимъ образомъ когда Ксавье расточалъ въ Индіи сокровища вѣры и любви и думалъ, что онъ ввелъ въ нѣдро церкви множество индусовъ, Индія съ своей стороны воздвигала ему пагоды (**) покланялась его образу

(*) Narrative of a journey, etc· t. III. p. 444—445.

(**) У мыса Коморина находится старая статуя святаго Франциска Ксавье, къ которой совершаютъ странствованія даже люди высшихъ кастъ; они называютъ этотъ храмъ

и нужно было слишкомъ бояться таго, что она причтетъ его къ числу своихъ боговъ. (**) На коромандельскомъ берегу была подобная сцена; тамъ знаменитый Шварцъ въ поклоненіи толпы занялъ мѣсто «среди существъ высшихъ человѣка.» Его статуя сдѣлалась цѣлью многочисленныхъ странствованій, передъ ней зажигали свѣчи, клали вѣнки, совершали жертвоприношенія. (***)

Однимъ словомъ, индусъ охотно и легко принимаетъ Христа, но не думаетъ отречься отъ Брамы.

пагодою Параю-Падри т. е. великаго отца. *Histoire du christianisme dans l' Inde* 302.

(**) Индусы воздаютъ необыкновенныя почести Ксавье. Надобно слишкомъ опасаться, чтобы они не внесли его въ число своихъ ложныхъ божествъ. Letrres edif. t. VI. p 54.

(***) Они почитають его (Шварца) существомъ высшей природы въ сравненіи съ человѣчествомъ, они жгутъ свѣчи передъ его статуею; кладутъ вѣнки къ ея ногамъ, совершають передъ нею жертвоприношенія ипр. *Heber t. III. Correspondance.*

ГЛАВА VII.

Продолженіе тогоже предмета. Браминизмъ и протестантизмъ въ публичномъ соотношеніи.

Анекдотъ недавній окончательно объяснитъ намъ то, что мы изложили въ общемъ видѣ въ предъидущей главѣ.

Реджинальдъ Геберъ, первый протестантскій епископъ калькутскій, объѣзжалъ свою обширную эпархію. На разстояніи двухъ или трехъ дней пути отъ Бомбея, онъ услышалъ объ одномъ знаменитомъ индійскомъ проповѣдникѣ, который проходилъ тогда Гузератъ. Приписывали ему новое ученіе и хвалили нравственную сторону этого ученія. Геберъ сильно желалъ войдти въ сношенія съ этимъ реформаторомъ; нѣкоторыя слова, нѣкоторыя правила, имъ произнесенныя и дошедшія до епископа, давали послѣднему надежду обратить его въ христіанство. Свами-Наренъ съ своей стороны узналъ о путешествіи Гебера; онъ былъ извѣстенъ въ окрестности за великаго *гуру*, великаго *пундита* европейцевъ; по всей вѣроятности по причинамъ, сходнымъ съ причинами Гебера, онъ также желалъ свиданія. Онъ и потребовалъ его.

Шесть главныхъ его учениковъ явились къ епископу и положили къ его ногамъ, по обычаю Наззаровъ, цвѣты и плоды. (*) Одинъ изъ нихъ сказалъ: »пундитъ! прими привѣтствіе Свами-Нарена; онъ почелъ бы за счастіе быть въ твоемъ присутствіи и желалъ бы, чтобы это сдѣлалось съ завтрашняго дня».

Небольшой городокъ въ окрестности былъ избранъ мѣстомъ сообщенія. Епископъ отправился туда съ вечера. На другой день народная молва возвѣстила о прибытіи реформатора задолго прежде, чѣмъ онъ прибылъ въ самомъ дѣлѣ; наконецъ онъ явился. Ему предшествовало и за нимъ слѣдовало множество всадниковъ въ кольчугахъ; у однихъ были длинныя ружья съ фитилями, у другихъ длинныя копья, которыми они опирались о стремена; потомъ шла толпа, вооруженная копьями, луками, стрѣлами. Весь городъ оглашался шумомъ оружія, ржаніемъ лошадей, криками команды ипр. За епископомъ слѣдовало всего пятдесятъ кавалеристовъ и пятдесятъ пѣхотинцевъ, вооруженныхъ ружьями со штыками.

Въ случаѣ ошибки порядокъ и военная дисциплина вѣроятно отдали бы побѣду этому

(*) Этотъ подарокъ приноситъ всегда въ Индіи тотъ, кто является къ иностранцу, къ человѣку высокаго званія.

малочисленному войску; но въ умѣ Гебера другія мысли смѣшивались съ этой мыслью и въ этихъ мысляхъ было много грустнаго и горькаго. »Относительно нравственнаго величія, говорилъ онъ самъ себѣ, сколько выгодъ у Свами-Нарена«! Мои спутники мнѣ чужды, они вовсе не заботятся обо мнѣ; безъ сомнѣнія, они со всею вѣрностью сопровождаютъ меня до назначеннаго мѣста; но вѣдь это они сдѣлали бы и для всякаго другаго. Напротивъ спутники Свами-Нарена суть его поклонники и ученики; они слушаютъ его уроки, слѣдуютъ его ученію питаются его словомъ, считаютъ за честь ему сопутствовать; они пролили бы свою кровь до послѣдней капли за кончикъ бахрамы его мантіи. Увы! продолжалъ онъ, грустно обращаясь къ судьбѣ христіанства въ Индіи, сколько времени пройдетъ прежде, чѣмъ проповѣдникъ моей вѣры явится въ Индіи въ подобныхъ обстоятельствахъ, также сопровождаемый и почитаемый. (*)

Протестанстскій епископъ и реформаторъ сошлись и размѣнялись комплиментами, обычными между людьми высшаго сословія. Епископъ прибавилъ, что, услышавши о новомъ прекрасномъ ученіи, распространяемомъ имъ въ

(*) Heber. t. III, p. 55.

народѣ Гузерата, онъ Геберъ, иностранецъ въ Индіи, почувствовалъ желаніе услышать изъ его собственныхъ устъ главные пункты этого ученія. Реформаторъ отвѣчалъ съ возможною почтительностію, и такъ какъ просьба епископа была согласна съ его тайными желаніями, то онъ не заставилъ себя просить дольше и приступилъ къ дѣлу.

Свами-Наренъ началъ съ исповѣданія вѣры въ единаго Бога, творца неба и земли, наполняющаго пространство, распоряжающаго и управляющаго всѣмъ въ мірѣ, наслаждающагося особенно въ глубинѣ сердца добромъ и справедливостію. Епископъ, слушая его съ удовольствіемъ и удивленіемъ, не сомнѣвался, что онъ встрѣтилъ христіанина, или покрайней мѣрѣ оглашеннаго, готоваго сдѣлаться христіаниномъ. Скоро дѣло пошло еще лучше.

Свами-Наренъ разсказалъ, какимъ образомъ Богъ, воплотившись въ человѣческомъ образѣ подъ именемъ Кристны, посѣтилъ землю, былъ тамъ преслѣдованъ и умерщвленъ злыми людьми; что съ тѣхъ поръ много ложныхъ откровеній распространилось по землѣ, что многія ложныя божества заняли мѣсто истиннаго Бога.

Сходство этой легенды съ повѣствованіемъ о Христѣ болѣе и болѣе поражало епископа,

такимъ образомъ, чтобы лучше увѣриться въ этомъ сходствѣ, онъ прервалъ Свами-Нарена, »Я всегда думалъ», сказалъ онъ, что Богъ, творецъ всѣхъ вещей, называется у индусовъ Брама, и не Кристна, и такъ обьясни мнѣ, пундитъ, Брама ли твой богъ, или это другой богъ, и не Брама»?

Свами - Наренъ наклонился съ улыбкой, и какъ будто радуясь вопросу, подававшему ему поводъ войдти въ необходимое объясненіе на счетъ цѣлости его ученія, отвѣчалъ: »конечно правда, что есть только одинъ Богъ надъ всѣмъ, во всемъ и подлѣ всего, и чрезъ котораго существуетъ все. Мы также, какъ и всѣ другіе индусы, даемъ этому Богу имя Брама. Но есть, духъ, въ которомъ этотъ Богъ существуетъ болѣе особенно, духъ, который исходитъ отъ Бога, есть съ Богомъ, подобенъ Богу, объявляетъ людямъ волю этого Бога, создателя всего. Итакъ этого духа мы зовемъ Кристной, ему мы покланяемся, какъ образу Бога.« Послѣ нѣкоторыхъ подробностей, когда Реджинальдъ Геберъ упрекнулъ его, въ поклоненіи солнцу, замѣченномъ у нѣкоторыхъ его послѣдователей, онъ сказалъ: »безъ сомнѣнія солнце не богъ, но мы видимъ въ немъ образъ славы и сіянія Бога.« Разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ; потомъ говоря о правленіи Бога т. е. о его отношеніяхъ къ людямъ, онъ кончилъ

этими словами: »по нашему вѣрованію было много аватаровъ, (воплощеній Бога) въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ: одно для христіанъ, другое для магометанъ, иныя для индусовъ.»

На это епископъ возразилъ: »пундитъ! безъ сомнѣнія Богъ говорилъ въ разныхъ случаяхъ черезъ разныхъ пророковъ: но можно ли думать, что одного воплощенія не было достаточно для всего міра?« (*)

Въ этихъ послѣднихъ словахъ выражается вся противоположность, какая долженствовала быть между епископомъ и индійскимъ реформаторомъ. Реджинальдъ Геберъ понималъ ее съ первой минуты, но Свами-Наренъ даже и не подозрѣвалъ; это онъ доказалъ очень скоро. Двое изъ его учениковъ дѣйствительно явились черезъ нѣсколько дней къ епископу; они принесли писмо Свами-Нарена, въ которомъ онъ умолялъ великаго гуру христіанъ употребить въ его пользу свой вѣсъ при англійскомъ правительствѣ въ Бомбеѣ; дѣло шло объ томъ, чтобъ получить отъ него деньги для окончанія постройки храма, заложеннаго имъ въ честь Люкшми-Наренъ или индійской богини изобилія.

»Я слишкомъ ясно видѣлъ, говоритъ епископъ, оканчивая этотъ разсказъ, какъ глу-

(*) Heber t. III p. 36—40.

боко, не смотря на мои первыя надежды, Свами-Парень былъ погруженъ во мракъ браминизма.« (*)

ГЛАВА VIII.

О невозможности колонизацiи Индiи Англiею.

Компанiя, съ самаго своего начала, всегда строго охраняла свое право исключенiя всякаго британскаго подданнаго изъ индiйскихъ владѣнiй. И дѣйствительно, это право было однимъ изъ самыхъ существенныхъ оснований ея владычества.

При уничтоженiи монополiи компанiи въ 1833 г., Индiя была открыта для англичанъ, по крайней мѣрѣ по праву. Многiе, особенно изъ тѣхъ людей, которые менѣе всего были знакомы съ индiйскими дѣлами, думали, что съ этимъ допущенiемъ англичанъ взошла заря новой жизни для индо-британской имперiи. Имъ казалось, что Индiя теперь откроется для того безпокойнаго народонаселенiя, которое обременяетъ Англiю, приводитъ въ опасность ея тишину, угрожаетъ ея будущему. Они мечтали основать по Инду и Гангу, на берегахъ

(*) Id., ibid., p. 51.

малабарскомъ и коромандельскомъ, мануфактуры Ливерпуля, Манчестера или Бирмингама; они прорывали въ своемъ воображеніи лондонскіе тоннели въ Калькуттѣ, Мадрасѣ и Бомбеѣ. Англійская осторожность скоро разрушила эти мечты. Индія, открытая закономъ британскимъ подданнымъ, фактически оставалась для нихъ не менѣе запертою, по причинѣ множества предосторожностей и ограниченій этого права. Въ этомъ рѣшительно можно похвалить благоразумную ловкость англійскаго правительства. Изъ тѣхъ людей, которые были посвящены въ положеніе Индіи, ни одинъ не ожидалъ добрыхъ результатовъ изъ этого, столь прославляемаго средства колонизаціи.

Кто изъ англичанъ отправился бы въ Индію, въ предположеніи, что это право было бы имъ предоставлено? капиталисты и работники. Первые могутъ думать извлечь выгоды изъ своего капитала въ предпріятіяхъ земледѣльческихъ, мануфактурныхъ и торговыхъ; послѣдніе предложатъ свои руки на службу этимъ предпріятіямъ. Но ни для тѣхъ ни для другихъ нѣтъ никакихъ вѣроятностей не только обогащенія, но даже выгоднаго поселенія въ Индіи.

Земли въ Индіи, и это есть господствующій фактъ ея положенія, составляютъ собственность правительства. и притомъ не только по

праву, но и фактически. Правительство беретъ не только тотже доходъ, какой получалъ нѣкогда владѣлецъ, но даже цѣлой третью больше. (*) Если индусы умѣютъ заплатить этотъ налогъ, такъ это потому, что они чрезвычайно трезвы, удерживаются отъ мяса, просто одѣваются и пр. а кое-гдѣ въ слѣдствіе выгоднаго устройства сельской общины. Предположимъ же, что англійскій поселенецъ, какимъ бы то ни было образомъ, хотя бы даромъ, пріобрѣлъ часть этихъ земель; онъ могъ пріобрѣсть ихъ только съ обязательствомъ платить тотже налогъ, какъ и его предшественникъ, т. е. 45 процентовъ съ валоваго дохода. Онъ не могъ бы заплатить этого налога, потому что онъ не имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи тѣхъ средствъ, которыя порой не допускаютъ индуса пасть подъ тяжестію этого бремени. Сложитъ ли правительство часть налога? но доходы, которые и то уже ниже расходовъ, не позволятъ ему быть столь великодушнымъ, какъ бы оно ни желало. Новый владѣлецъ, европеецъ, попытается ли употребить англійскихъ поденщиковъ для своихъ работъ? но это опять невозможно. Англійскій земледѣлецъ въ климатѣ Индіи потребляетъ въ десять разъ больше, стало быть, стоитъ въ десять разъ дороже, чѣмъ земледѣ-

---

(*) Доходъ владѣльца въ Индіи равняется 33, а налогъ 45%.

лецъ туземный. (*) Итакъ къ чему бы послужилъ этотъ англійскій поселенецъ, новый посредникъ между туземнымъ землевоздѣлывателемъ и правительствомъ? Земля обременена уже налогами больше, чѣмъ она можетъ дать; что осталось бы этому поселенцу за уплатой налога? Наконецъ право собственности правительства до сихъ поръ нѣкоторымъ образомъ ограничено правомъ перваго занятія земледѣльца. По этому надѣленіе землями англійскихъ поселенцевъ уничтожило бы это послѣднее право т. е. разрушило бы самое основаніе общественнаго быта Индіи.

Англійское правительство, оставляя воздѣланныя земли въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ находятся теперь, могло ли бы въ замѣнъ этого уступить англійскимъ поселенцамъ залежныя земли? извѣстно, что послѣднія составляютъ значительную часть индійскихъ владѣній. Чтожъ бы изъ этого вышло? Еслибъ правительство обложило эти земли налогомъ, равнымъ дѣйствительному поземельному налогу, то до-

---

(*) Европейцы самыхъ низшихъ сословій не могли бы выдержать соперничества съ туземными земледѣльцами. Послѣдніе частію въ слѣдствіе климата, частію въ слѣдствіе своихъ привычекъ относительно пищи и одежды, могутъ довольствоваться шестой или даже десятой частію того, что нужно для европейца. Слѣдствіе 1833. г. t, V. Рамъ-Могунъ Рой.

ходъ владѣльца перешелъ бы весь въ его руки. Какъ и въ предъидущемъ случаѣ, англійскій поселенецъ сдѣлался бы новой пружиной финансовой машины, новымъ посредникомъ между землевоздѣлывателемъ и правительствомъ; посредникомъ столь же опаснымъ, какъ и невозможнымъ. Если правительство уменьшитъ налогъ, то изъ этого возникнутъ затрудненія всякаго рода. Землевоздѣлыватели будутъ оставлять толпами старыя земли и бросятся на новыя. Нужны будутъ цѣлыя арміи, чтобы привязать имъ къ землямъ, которыя они обработывали до сихъ поръ. Съ другой стороны положимъ, что поземельная собственно будетъ подлежать различнымъ законамъ; что поле въ одномъ мѣстѣ будетъ отдавать правительству въ видѣ налога половину валоваго дохода, а другое сосѣднее поле будетъ платить только десятую часть? Сравненіе положенія этихъ новыхъ пришельцевъ съ своимъ собственнымъ было бы такъ жестоко для индусскаго народонаселенія, что, при всей кротости, при всей робости этого населенія, правительство англійское неминуемо подверглось бы большимъ опасностямъ. Притомъ это было бы ненавистнымъ нарушеніемъ правъ, почитавшихся до сихъ поръ священными. Общины всегда считались владѣльцами, т. е. имѣющими право на воздѣлываніе залежныхъ земель, находящихся въ ихъ сосѣдствѣ.

Все это составляетъ невыгоды только одного рода. Но два народонаселенія, происходящія отъ различныхъ началъ, воздѣлывающія земли подъ разными условіями, повинующіяся законамъ необходимо различнымъ, неминуемо произвели бы множество затрудненій многихъ другихъ родовъ. Рамъ-Могунъ-Рою былъ предложенъ слѣдующій вопросъ слѣдственнымъ комитетомъ парламента: »думаете ли вы, что было бы выгодно позволить британскимъ подданнымъ всѣхъ состояній селиться въ качествѣ колонистовъ въ Индіи?« Онъ отвѣчалъ: »подобная мѣра могла быть принята только для того, чтобы совершенно замѣстить туземцевъ и выгнать ихъ изъ ихъ собственной земли. Различіе характеровъ, мнѣній, чувствованій, существующее между европейцами и индусами, особенно въ дѣлѣ общественнаго быта и религіи, столь велико, что два племени никогда не могутъ составить одного общества. Это моглобъ сдѣлаться возможнымъ только тогда, когдабъ между ними учредилось продолжительное общеніе подъ бдительнымъ надзоромъ сильной полиціи, которая былабы повсюду; но это безъ сомнѣнія стоилобъ столь дорого, что дѣйствительные доходы Индіи былибы не достаточны. Это уподобленіе могло сдѣлаться на нѣкоторыхъ пунктахъ; оно явилось въ Калькуттѣ изъ необходимаго и обязательнаго сношенія большаго числа высшихъ подданныхъ обѣихъ на-

цій. Но даже въ этой столицѣ, не смотря на постоянное пребываніе правительства, не смотря на то, что полицейскіе чиновники находятся тамъ въ такомъ числѣ, что нельзя, такъ сказать, сдѣлать ста шаговъ, не встрѣтивъ кого нибудь изъ нихъ, низшіе европейскіе классы слишкомъ часто обижаютъ, угнетаютъ туземцевъ.« (*)

По словамъ тогоже Рамъ-Могунъ-Роя соприкосновеніе туземцевъ съ европейцами неминуемо произвело бы самое дурное дѣйствіе на нравственность первыхъ. Туземцы, по его мнѣнію, могутъ быть раздѣлены на три разряда по большимъ или меньшимъ сношеніямъ съ европейцами; эти разряды соотвѣтствуютъ тремъ разнымъ степенямъ нравственности. Лучшими онъ считаетъ тѣхъ, которые не имѣли съ европейцами никакого общенія (**). Хуже ихъ тѣ, которые по необходимости своего положенія, по причинѣ жительства въ городахъ или въ сосѣдствѣ городовъ, находились въ сношеніи съ ними. Наконецъ худшіе изъ всѣхъ были тѣ, которые, какимъ бы то нибыло образомъ, за-

(*) Рамъ-Могунъ-Рой. Слѣдствіе 1830 г. t. V. Монтгомери-Мартенъ.

(**) Слѣдствіе. Допросъ Рамъ-Могунъ-Роя. Справедливо бы было составить чертвертый классъ для сипаевъ; привычка къ дисциплинѣ возвышаетъ ихъ нравственность.

висѣли отъ нихъ въ отношеніи къ своему существованію, какъ то: служили при сборѣ податей, при судебныхъ мѣстахъ, при полиціи шпр.

Рамъ-Могунъ-Рой былъ индусъ, обращенный къ христіанству. Человѣкъ просвѣщенный, совмѣстившій обѣ цивилизаціи, онъ конечно по этому самому могъ лучше всѣхъ другихъ обсудить предложенные ему вопросы; впрочемъ и Реджинальдъ Геберъ почти не менѣе обращеннаго раджи боялся соприкосновенія европейцевъ съ туземцами. По поводу разсужденія о ражпутахъ онъ говоритъ: »образчики нашей націи, которые они до сихъ поръ видѣли, были намъ благопріятны. Сюда еще не было послано ни одного королевскаго полка и очень мало европейцевъ, кромѣ офицеровъ. Такимъ образомъ они не видали еще тѣхъ примѣровъ пьянства и буйства, которые довели туземцевъ нашихъ провинцій до того, что они презираютъ и боятся европейцевъ.« (*)

Другіе государственные люди, публицисты, чиновники, высказываютъ опасенія похожія на тѣ, какія высказали епископъ и новообращенный. Одинъ изъ нихъ кончилъ передъ палатою лордовъ свое мнѣніе по вопросу о колониза-

---

(*) Heber, t. I, p. 71.

ціи: »я думаю, что неограниченное право поселенія въ Индіи, предоставленное европейцамъ, неминуемо произвело бы гораздо болѣе зла, чѣмъ добра.« (*) Другой, хорошо знающій Индію, боялся особенно для туземцевъ »дѣйствій несправедливости и угнетенія европейцевъ.« На вопросъ: »почему колонизація могла быть противна туземцамъ?« онъ отвѣчалъ: »въ слѣдствіе наклонности сильныхъ европейцевъ къ угнетенію слабыхъ туземцевъ, которую я могъ замѣтить и дѣйствительно замѣчалъ вездѣ, гдѣ только европейцы поселялись на нѣкоторомъ разстояніи отъ нашихъ заведеній.» (**) Итакъ или туземцы будутъ обращаться во всѣхъ случаяхъ къ правосудію правительства и отсюда произойдутъ безконечныя жалобы и затрудненія, или онѣ рѣшатся терпѣть, тогда во глубинѣ сердецъ ихъ выростутъ ненависть и неудовольствіе, которыя будутъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ дольше будутъ скрыты отъ взоровъ обладателей.

Итакъ земледѣліе не представляетъ никакихъ выгодъ для поселенія европейцевъ въ Индіи. Не могли ли бы помочь этому ремесла и торговля? Опять тщетная надежда, въ чемъ убѣждаютъ насъ самыя малѣйшія соображенія политико-экономическія.

(*) Допросъ Эльфинстона передъ комитетомъ палаты лордовъ въ 1830 г.

(**) Баберъ, слѣдствіе палаты лордовъ 1830 г.

Успѣхи промышленности и торговли связаны съ общимъ благосостояніемъ земли, они предполагаютъ извѣстную степень земледѣльческаго богатства, котораго нѣтъ нигдѣ въ Индіи. Какія произведенія промышленности могутъ быть въ той странѣ, гдѣ земля едва производитъ столько, чтобы жители не умерли съ голоду? Что можетъ вывезти оттуда или привезти туда торговля? Индія не производитъ ничего, чтобы могли у ней купить, по крайней мѣрѣ при сколько нибудь общемъ взглядѣ; у нея денегъ нѣтъ для покупки того, что бы стали предлагать ей спекулянты. Держась общности фактовъ, мы не будемъ говорить теперь о препятствіяхъ, поставленныхъ ревнивою Англіею развитію промышленности и торговли Индіи. И промышленность и торговля могутъ конечно процвѣтать тамъ и сямъ, на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ; такъ процвѣтаютъ они въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся особенные предметы торговли, какъ-то: индиго, опіумъ и пр., но все это не можетъ имѣть значительнаго вліянія на положеніе страны.

Не болѣе ли вѣроятностей успѣха представляютъ планы колонизаціи, основанные на другихъ началахъ, напр. посредствомъ распространенія англичанъ въ Индіи или посредствомъ распространенія смѣшенныхъ породъ, происшедшихъ отъ браковъ европейцевъ съ

туземными женщинами? Это послѣднее средство представляетъ безъ сомнѣнія большія опасности и важныя неудобства, однакожъ оно есть самое твердое основаніе, на которомъ бы могло утвердиться чужеземное владычество.

Но нравы, характеры, предразсудки англичанъ противятся тому, чтобы это средство когда нибудь расширилось и укрѣпилось. Отличаясь въ этомъ отношеніи отъ испанцевъ и португальцевъ, которые прежде ихъ обнаружили туже наклонность къ завоеванію и колонизаціи, англичане мало смѣшиваютъ свою кровь съ кровью завоеванныхъ народовъ.

Въ Мексикѣ и Перу, гдѣ испанское владычество представляетъ наибольшее, хотя и отдаленное сходство съ владычествомъ англичанъ въ Индіи, люди смѣшенной крови составили многочисленный классъ; въ послѣдствіи они наслѣдовали и образованность испанцевъ, также точно, какъ произошли отъ ихъ крови. Подобное явленіе замѣчено въ тѣхъ колоніяхъ, гдѣ производится сахаръ; изъ всѣхъ этихъ колоній испанскія содержатъ наибольшее мулатрское народонаселеніе и въ нихъ обращаются съ мулатрами лучше всѣхъ другихъ; за недостаткомъ законовъ, обычаи, нравы, привычки изглаживали почти всякое различіе между мулатрами и европейцами. Совсѣмъ иное было тамъ, гдѣ

господствовало англійское племя: смѣшеніе крови происходило гораздо въ меньшемъ количествѣ; въ тоже время, люди происходившіе отъ этого смѣшенія, были отвергаемы бѣлымъ народонаселеніемъ съ какимъ то ужасомъ, необъяснимымъ для разума; его можно сравнить только съ антипатіею породъ, обнаруживающеюся между нѣкоторыми видами животныхъ. Американцы и англичане проявляютъ это свойство какъ будто наперерывъ другъ передъ другомъ. Они всегда хорошо поступали съ неграми въ своихъ колоніяхъ. Они сдѣлали значительное пожертвованіе для ихъ освобожденія; тѣмъ неменѣе всегда держали ихъ какъ будто внѣ общества. Они опредѣлили закономъ освобожденіе, которое испанцы, сами того незная, произвели на дѣлѣ.

Итакъ въ Индіи народонаселеніе, происшедшее отъ смѣшенія двухъ племенъ, очень малочисленно; оно едва простирается до двадцати тысячь во всѣхъ трехъ президентствахъ. Сверхъ того это число осталось постояннымъ въ продолженіи многихъ лѣтъ и есть причины думать, что также будетъ и впередъ, потому что обстоятельства, условившія это явленіе, остаются одни и тѣже. Если англо-индусы воспитаны съ нѣкоторымъ раченіемъ, если они получили какое нибудь достояніе отъ своихъ родственниковъ, то они женятся на англичан-

кахъ, (что по правдѣ сказать составляетъ почти незамѣтную дробь въ цѣлой цифрѣ); тогда они занимаютъ мѣсто между европейцами. Чаще всего они женятся на индіянкахъ; тогда они еще легче исчезаютъ между туземцами. (*) Въ первомъ случаѣ ихъ дѣти, заботливо воспитанные, становятся европейцами. Тоже самое надобно сказать и объ женщинахъ: или онѣ выходятъ замужъ за англичанъ, и тогда ихъ дѣти, вообще воспитанные въ Англіи, сливаются съ народонаселеніемъ европейскимъ; или онѣ выходятъ замужъ за туземцевъ и исчезаютъ среди мусульманской или индусской массы. Эти входы и выходы такъ уравновѣшиваются, что пустоты попеременно вырываются и наполняются. Итакъ есть причины думать, что число лицъ смѣшенной крови не измѣнится значительно въ будущемъ. Предразсудки мнѣній англичанъ стремятся между тѣмъ къ тому, чтобы уменшать это число со дня на день, а не увеличивать. То они помогаютъ дѣтямъ, рожденнымъ отъ этого смѣшенія, выходить изъ ихъ состоянія и помѣщаться между европейцами, то они оставляютъ ихъ сливаться безъ слѣда съ туземцами.

(*) Англо-индусы чрезвычайно рѣдко женятся на англичанкахъ между прочимъ потому, что въ Индіи мало европейскихъ женщинъ; стало быть, эти невѣсты очень дороги.

Нельзя ли по крайней мѣрѣ думать, что англичане, не продолжая своей крови посредствомъ смѣшенія, въ состояніи продолжать и размножать ее съ сохраненіемъ всей ея чистоты? Почему это малое число англичанъ, поселившихся въ Индіи, не могло бы сдѣлаться стволомъ, отъ котораго произошли бы многочисленныя сѣмена назначенныя для прозябенія? Извѣстно съ какой быстротой возрастаетъ народонаселеніе въ томъ или другомъ данномъ случаѣ. Но въ Индіи происходитъ странное явленіе; чистая европейская кровь тамъ не можетъ размножаться; дѣти, рожденные отъ отца и матери европейскихъ, умираютъ, не достигши зрѣлости. Это наблюденіе сдѣлано надъ дѣтьми солдатъ и солдатскихъ женъ, которыхъ мужья служили въ тамошнихъ полкахъ; оно постоянно оправдывалось. Большое число дѣтей играетъ около европейскихъ полковъ; правительство заботится объ ихъ нуждахъ со всевозможнымъ раченіемъ; и однакожъ можно быть увѣреннымъ, что ни одинъ изъ этихъ дѣтей не достигнетъ зрѣлаго возраста на той землѣ, гдѣ онъ родился, которую завоевали ему храбрость и ловкость отцевъ; если онъ хочетъ жить, онъ долженъ бѣжать какъ можно скорѣе; подъ его колыбелью уже открыта его могила. Кажется, Индія спѣшитъ взять назадъ эту жизнь, которую она ему дала, пожрать этихъ чужеземцевъ, которое думали дѣ-

лать изъ ней свою добычу. Это, мрачный, страшный, молчаливый протестъ, объявляемый самой природой противъ завоеванія; за борьбой съ людми и событіями послѣдовала борьба болѣе неумолимая, болѣе ужасная, между старой землей Индіи и ея эфемерными обладателями. (*)

(*) См. въ примѣчаніяхъ письмо полковника Гопкинсона.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Чувствования туземцевъ относительно Англійскаго владычества и невозможность слiянiя побѣдителей и побѣжденныхъ.

ГЛАВА I.

Почему положенiе англичанъ въ Индiи до сихъ поръ не имѣло подобнаго въ исторiи мiра.

Англичане находились и находятся, среди Индiи, въ положенiи совершенно новомъ въ исторiи мiра. Положенiе римлянъ въ древнемъ мiрѣ, испанцевъ въ новомъ, было уже изслѣдовано въ военномъ отношенiи; аналогiя между ними и положенiемъ англичанъ въ Индiи всегда отдаленная и чаще всего обманчивая.

Римляне производили нравственное влiянiе на народы завоеванные оружiемъ. Народы древняго мiра большею частiю не отталкивали цивилизацiи, приносимой имъ миссiонерами вооруженными. Галлiя легко была ею проник-

нута. Она почерпнула въ ней свою собственную цивилизацію. Испанцы нашли народы новаго міра столь же готовыми покориться ихъ цивилизаціи. Падши подъ мечемъ завоеванія, они преклонили колѣна, какъ будто по доброй волѣ, къ подножію креста. Они завлечены, по слѣдамъ миссіонеровъ, на новые пути образованности европейской. Съ другой стороны не было недостатка въ матеріальной силѣ ни у римлянъ ни у испанцевъ, для сохраненія или утвержденія дѣла завоеванія. Войска римскія представляли превосходство дисциплины и организаціи, и часто равенство числа; огнестрѣльное оружіе дѣлало испанцевъ непобѣдимыми. Многочисленныя переселенія безпрестанно увеличивали народонаселеніе европейское въ новомъ мірѣ. Кровь и цивилизація Испаніи низходили въ обширномъ размѣрѣ на Мексику и Перу; это было ясно замѣчено въ ту эпоху, когда началась для этихъ колоній эра независимости. Оторванныя отъ Испаніи, онѣ остались, такъ сказать, напитанными испанскою цивилизаціею отъ вершинъ до самыхъ послѣднихъ слоевъ общества. Безъ сомнѣнія и на первыхъ шагахъ, при первомъ появленіи этой цивилизаціи, она была всемогущею пружиною, побуждающею покориться новой судьбѣ. Результаты испанскаго владычества по истинѣ славны и до извѣстной степени искупаютъ въ глазахъ философа варварство и жестокость,

слишкомъ часто сопутствовавшія испанскимъ побѣдамъ.

Не смотря на важность и на давность своихъ учрежденій въ Индіи, англичане напротивъ не оказали никакого нравственнаго или образующаго вліянія на ея народы: учрежденіе кастъ должно было остаться неизмѣннымъ и подъ игомъ завоеванія; оно представляло побѣжденнымъ убѣжище, въ которомъ они могли сохранить свои правленія, обычаи, преданія. Сельскія учрежденія, гдѣ онѣ только были, ставили туземцевъ, съ другой стороны, относительно ихъ матеріальныхъ интересовъ, въ независимость отъ политической власти, господствующей надъ страной. Мы показали непроходимую бездну, раздѣлявшую браминизмъ и христіанство и отнимавшую у послѣдняго всѣ средства дѣйствовать на исповѣдователей перваго. Этой бездны не могли надѣяться наполнить, потому что она существовала также много вѣковъ между браминизмомъ и исламизмомъ. А исламизмъ, исполинская ересь христіанства, занялъ отъ него, какъ извѣстно, многія основныя свои понятія. Цивилизація мусульманская, владычествуя надъ народонаселеніемъ отъ двѣнадцати до пятнадцати милліоновъ правовѣрныхъ, осталась какъ будто отдѣльною среди народовъ Индіи. Какимъ образомъ европейская цивилизація могла бы имѣть надежду развиться при помощи нѣ-

скольких тысячъ человѣкъ? Мусульмане, какъ народъ Востока, не смотря на религіозныя преграды, ихъ раздѣляющія, имѣли дѣйствительно съ индусами тысячу точекъ соприкосновенія, которыхъ не было у англичанъ, которыя, казалось, должны бы сдѣлаться точками начала, центрами слiянія и уподобленія. Англичане царствуютъ въ Индіи не такъ, какъ царствовали мусульмане, какъ царствовали римляне въ древнемъ мірѣ, испанцы въ Мексикѣ и Перу; мы хотимъ сказать, они царствуютъ не собственною своею силою; но напротивъ силою, заимствованною у самыхъ побѣжденныхъ народовъ.

Не смотря на нѣкоторыя видимости, владычество англичанъ на дѣлѣ отлично, какъ нельзя больше, отъ того, которое оно замѣнило. Противоположность вѣрованія и нравовъ послѣ монгольской побѣды произвела результаты только чисто отрицательные. Народъ завоеватель остался отдѣльнымъ отъ народа завоеваннаго; притомъ этотъ послѣдній сохранилъ свои учрежденія политическія, административныя, общинныя. Но европейская цивилизація, вооруженная этимъ страшнымъ духомъ распространенія, котораго она теперь лишилась, не оказывала такой пощады.

Англичане въ отношеніи къ Индіи, кажется, рѣшились повторять съ тысячами мелкихъ

измѣненій, знаменитый вопросъ : »какъ можно быть персомъ?» Пораженные формами странными или покрайней мѣрѣ для нихъ новыми, подъ которыми являлись имъ индусскія учрежденія, они отказались признать въ нихъ дѣло цивилизаціи, которая хотя и не сходствовала съ ихъ цивилизаціею, тѣмъ не менѣе однакожь была могущественна и полна въ своемъ обнаруженіи. Подъ вліяніемъ этой идеи они хотѣли видѣть въ Индіи страну отсталую, необразованную, неспособную управляться сама собою. »Часто считали Индію, говоритъ сэръ-Томасъ Мунро, страною дикою, варварскою; однакоже еслибъ цивилизація составляла товаръ торговли, то во многихъ отношеніяхъ мы скорѣе нашли бы здѣсь что̀ купить, чѣмъ что̀ продать.«

Сэръ Томасъ Мунро на дѣлѣ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые поступали съ Индіею, какъ со страною дикою и варварскою; но это противорѣчіе увеличиваетъ только вѣсъ того, что онъ могъ сказать.

Смотря съ этой точки зрѣнія, англичане необходимо должны были сдѣлаться въ Индіи немилосердыми властителями.

Англичане, которые въ своемъ отечествѣ простираютъ уваженіе къ прошедшему до идолопоклонства; англичане, которые измѣняютъ

безпрестанно, никогда не разрушая въ корнѣ, совокупность политическихъ учрежденій ими наслѣдованныхъ; англичане, охранители, просвѣщенные, умные, при нуждѣ терпѣливые, сдѣлались въ Индіи препылкими реформаторами, горячими революціонерами; въ своемъ отечествѣ вѣрные хранители историческаго преданія, въ Индіи они сдѣлались производителями или орудіями импровизированныхъ нововведеній. Они предприняли создать однимъ разомъ цѣлое правленіе, цѣлую совокупность учрежденій административныхъ и судебныхъ, для народовъ, которыхъ исторіи, общественнаго быта, правленія они незнали, которыхъ вѣрованія, языки, потребности были имъ чужды. Они не думали освѣдомляться обо всемъ этомъ, въ слѣдствіе гордаго сознанія своего собственнаго превосходства. По правдѣ сказать, благо, счастіе этого народа не были и цѣлію ихъ трудовъ; они хотѣли только извлечь для себя какъ можно большія выгоды, т. е. какъ можно больше денегъ. Во всякомъ случаѣ, даже при этой цѣли, имъ должно было показаться сомнительнымъ, что для достиженія ея нужно прибѣгнуть къ невѣжеству и торопливости европейскихъ законодателей.

Вмѣсто этого, національныя учрежденія, подъ безжалостнымъ молотомъ европейскаго духа преобразованій, покрыли землю своими

обломками. Мы сказали, эта мечта небольшаго числа нашихъ самыхъ горячихъ революціонеровъ, воспламененныхъ или умозрѣніемъ въ уединеніи, или лихорадочнымъ увлеченіемъ страшныхъ минутъ; эта мечта, представлявшая имъ народъ неимѣющимъ ни прошедшаго, ни, такъ сказать, собственнаго существованія, заставлявшая ихъ видѣть въ этомъ народѣ грубое вещество, предащое всѣмъ капризамъ ихъ воли, ожидающее только ихъ верховнаго fiat, которому вольно было имъ давать новыя формы, какія бы они захотѣли; эта мечта, которую мы считаемъ безсмысленною на почвѣ Франціи, осуществилась на почвѣ Индіи. Притомъ это сдѣлано при обстоятельствахъ, представлявшихъ гораздо болѣе трудностей, гораздо болѣе невозможностей, чѣмъ тѣ, которыя представлялись нашимъ Бабёфамъ и нашимъ Бонаротти. Эти реформаторы, какъ они ни были безсмывлены, принадлежали однакожъ къ европейской, даже французской цивилизаціи. Ихъ языкъ былъ языкъ того народа, въ которомъ они думали произвесть свои исполинскія реформы; ихъ вѣрованіе, ихъ чувства, ихъ привычки большею частію были вѣрованія, чувства, привычки народа. Они бы могли даже выслушать жалобы, понять бѣдствіе жертвъ ихъ фанатическихъ грезъ; но зазаконодатели индусскаго общества оставались и остаются для него совершенно чуждыми а

между тѣмъ преобразуютъ его, т. е. разстроиваютъ отъ основанія до вершины.

Плачевныя слѣдствія дѣла, тогда совершеннаго, показаны выше; мы представили осязательно всѣ неудобства общей системы правленія, введенной англичанами. Учрежденія финансовыя, судебныя, военныя поочередно высказали намъ свою слабость и недостаточность. Владычество каждаго европейскаго народа надъ народами Индіи произвело бы безъ сомнѣнія часть этихъ послѣдствій. Но во всякомъ случаѣ вѣроятно, нѣкоторые изъ нихъ были бы ими уничтожены или смягчены характеромъ народа повелителя и характеромъ отношеній, установившихся между симъ послѣднимъ и завоеванными народами. Симпатическая рука побѣдителя не разъ облегчала въ пользу побѣжденнаго иго завоеванія. Всякое политическое или административное учрежденіе есть небольше, какъ простое, чисто страдательное орудіе. Въ дѣйствіи, какое оно произведетъ, много значитъ способъ, какъ оно пущено въ дѣло рукою, имъ управляющею.

Итакъ не довольно, что мы описали орудіе, съ помощію котораго Англія рѣшилась дѣйствовать на Индію: мы должны еще предложить себѣ вопросъ; хорошо ли, съ достаточною ли ловкостію пущено въ дѣло это орудіе,

чтобы такимъ образомъ замѣнить его несовершенство; другими словами поискать отвѣта на слѣдующій вопросъ; »таково ли свойство отношеній англичанъ и туземцевъ, чтобы сдѣлать сноснымъ для послѣднихъ иго завоеванія?«

ГЛАВА II.

Отъ чего английское правительство въ Индіи не имѣетъ ни нравственнаго вліянія, ни матеріальной силы.

Завоеватели, въ видахъ собственнаго интереса, чаще всего были принуждены сохранять, по крайней мѣрѣ отчасти ходъ вещей, который они встрѣчали у завоеванныхъ народовъ.

Въ Индіи правительство компаніи съ самаго ея начала было напротивъ въ обстоятельсттахъ совершенно исключительныхъ; ему можно было дѣйствовать такъ или иначе, по произволу. Между верховной властію и народомъ будетъ или это монархія, аристократія или даже республика, существуетъ всегда извѣстное число учрежденій финансовыхъ, политическихъ, административныхъ, судебныхъ, которыя связываютъ обѣ эти крайности одну съ другой эти учрежденія произведены нѣкоторымъ обра-

зомъ взаимнымъ дѣйствіемъ обѣихъ крайностей; онѣ служатъ выраженіемъ ихъ взаимныхъ отношеній. Но царства Индіи присоединились въ видѣ добавка къ дивидендамъ коммерческой компаніи. Двадцать четыре купца изъ Сити сдѣлались разомъ владѣльцами и государями странъ, отъ которыхъ они были удалены на три тысячи льё, которыхъ они не знали религіи, исторіи, правленія, съ которыми до сей поры они не имѣли никакихъ политическихъ сношеній.

Покровительство нравственнымъ и вещественнымъ выгодамъ индійскихъ народовъ, ихъ разныя потребности, все это долгое время оставалось для нихъ совершенно дѣломъ стороннимъ. Они искали въ Индіи только того, что ихъ привело туда: золота, серебра; ихъ новыя отношенія къ народамъ Индіи, въ продолженіи длиннаго періода времени, можно было выразить однимъ словомъ: *платите.* Совокупность учрежденій, ими установленныхъ, правительство, которое они создали, должны были стараться объ рѣшеніи одной этой задачи. Оно было учреждено единственно въ интересѣ, для пользы компаніи. Собраніе директоровъ разомъ было вершиною, основаніемъ, цѣлымъ зданіемъ правительства.

Изъ этого основнаго факта произошло много послѣдствій, столько же страшныхъ въ

самихъ себѣ, какъ и гибельныхъ для туземныхъ народовъ. Правительство Индіи осталось совершенно чуждымъ для тѣхъ странъ, которыми управлять было обязано. Сборъ налога, для котораго оно было учреждено, остался единственнымъ его предметомъ. Оно сосредоточено было въ рукахъ людей совершенно чуждыхъ тѣмъ народамъ, судьбами которыхъ они управляли. Тогда представилось странное зрѣлище: цѣлая Индія, отъ своей южной вершины до своего сѣвернаго основанія, повинуется нѣсколькимъ сотнямъ гражданскихъ чиновниковъ, подкрѣпляемыхъ нѣсколькими тысячами чужеземныхъ штыковъ; притомъ, такъ какъ правительство учреждено не только не для выгодъ туземцевъ, но даже рѣшительно въ интересѣ противномъ этимъ выгодамъ, то естественно туземцы были изъ него исключены. Сто милліоновъ человѣкъ остались внѣ правительства, которому они повиновались; едва самое малое число изъ нихъ было призвано помогать, и то въ самыхъ мелочахъ, двумъ европейскимъ чиновникамъ, коллектору и судьѣ, въ рукахъ которыхъ была сосредоточена распорядительная власть надъ тысячами индусовъ и мусульманъ. Объявили неспособными управлять и распоряжать собою, судиться собственнымъ судомъ людей самыхъ старшихъ въ мірѣ по своей цивилизаціи, творцевъ великолѣпнѣйшихъ эпическихъ поэмъ, обширнѣйшихъ философскихъ системъ,

которыя удивляли и очаровывали землю; ихъ объявили неспособными, говоримъ мы, въ лицѣ ихъ потомковъ. Въ этомъ необыкновенномъ установленіи извращенъ разумный порядокъ вещей: какже дивиться, что изъ него произошли столь странные результаты?

Отъ самаго своего происхожденія, или лучше вслѣдствіе своего происхожденія, англійское правительство въ Индіи должно было выполнить задачу, въ одно время ненавистную и невозможную. Оно существуетъ только въ видѣ аномаліи, внѣ общественнаго быта, чуждое народамъ Индіи; оно шло среди нихъ на удачу, съ завязанными глазами. Въ одной изъ первыхъ войнъ англичанъ съ Гайдеромъ одинъ изъ ихъ генераловъ писалъ; »кажется, что у Гайдера десять тысячъ глазъ, открытыхъ для подсматриванія за нами, тогда какъ мы идемъ на удачу.» Тотже самый фактъ является ежеминутно въ гражданскомъ управленіи. Въ одномъ изъ самыхъ значительныхъ округовъ Индіи поднимается опасное возстаніе. Коллекторъ узнаетъ объ немъ изъ одного письма изъ Калькутты, адресованнаго къ одному негоціанту этого округа; отсюда неизвѣстность, въ которой живетъ правительство, отсюда невозможность для него знать, гдѣ оно, къ чему оно стремится, какое дѣйствіе оно производитъ, отсюда происходитъ въ его дѣйствіяхъ проти-

ворѣчіе самое необыкновенное, самое странное. Мы разсказали, какимъ образомъ верховное правительство Калькутты однимъ разомъ привело въ безпорядокъ съ низу до верху общественный бытъ страны, какимъ образомъ оно, незная само, уничтожило цѣлый значительный классъ общества; какимъ образомъ оно поняло всю великость зла, имъ сдѣланнаго, только тогда, когда поправить его стало невозможно. Каждый англійскій чиновникъ въ исполненіи своихъ обязанностей находится рѣшительно въ подобномъ положеніи.

Примѣры одни могутъ показать намъ, до чего могутъ доходить въ этомъ смыслѣ дѣла въ Индіи. Мы приведемъ только одинъ примѣръ. »Въ первыя времена послѣ подчиненія западныхъ провинцій англійскому правительству, большое число поземельныхъ владѣній было продано: дѣло шло о покрытіи недоимокъ, остававшихся на владѣльцахъ; открылось послѣ, что большее число этихъ продажъ произведено безъ достаточной причины, что онѣ были ускоречы подъ рукою туземцами, служащими при сборѣ налоговъ, и что нѣкоторые изъ этихъ туземцевъ сдѣлались сверхъ того пріобрѣтателями этихъ проданныхъ имуществъ, если не на свое имя, то на имя родственниковъ или друзей.

Увѣдомленное объ этихъ обстоятельствахъ, правительство черезъ нѣсколько времени потомъ нарядило особенную коммиссію съ порученіемъ разсмотрѣть эти продажи и уничтожить тѣ изъ нихъ, въ которыхъ видна была явная незаконность. Безъ сомнѣнія, первая несправедливость была значительна; но тѣмъ не менѣе можно сомнѣваться въ справедливости послѣдней мѣры. Тѣ, которые были принуждены оставить земли, купленныя ими за нѣсколько лѣтъ прежде, жаловались горько и въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно основательно на несправедливость, отнимавшую у нихъ тѣ земли безъ всякаго вознагражденія, иногда послѣ того, какъ они истрачивали на улучшеніе ихъ значительныя суммы. Впрочемъ многіе изъ нихъ сдѣлали это пріобрѣтеніе открыто, честно, нисколько не участвуя въ продѣлкахъ, о которыхъ мы говорили; естественно, что они спрашивали: какже могутъ они на будущее время имѣть довѣріе къ мѣрамъ правительства, особенно въ дѣлѣ продажи имѣній коллекторами за недоимки или по судебному рѣшенію? Вслѣдствіе этой же мѣры измѣнилось много пошлинъ, собираемыхъ отъ продажи земель. Съ другой стороны первые владѣльцы приняли съ величайшимъ равнодушіемъ возвращенныя имъ имѣнія. Они не боялись говорить въ слухъ, что по всей вѣроятности немного времени пройдетъ до тѣхъ поръ, когда явит-

ся новая коммисія для того, чтобы уничтожить дѣло первой. (*)

Нигдѣ, можетъ быть, не выказалась яснѣе невозможность дѣйствовать прилично и справедливо, въ какую поставлено англійское правительство. Оно дѣлаетъ несправедливость, произведшую огромныя послѣдствія; оно разоряетъ множество семействъ; оно хочетъ и надѣется поправить ее, посредствомъ другой мѣры, столь же очевидно несправедливой, и въ довершеніе всего счета не достигаетъ даже и того, чтобы сколько нибудь обезопасить тѣхъ, которыхъ оно хотѣло вознаградить за убытки. Дѣйствительно, это отличительная черта фальшивыхъ положеній, что ихъ все отягощаетъ, хорошія и дурныя постановленія, достоинства и недостатки тѣхъ, которые должны имъ повиноваться.

Въ подтвержденіе этого можно привесть, между другими доводами, множество законовъ, рѣшеній, правилъ, имѣющихъ цѣлію устроеніе и направленіе правительства Индіи. Законодатель очевидно предположилъ, издавая ихъ, замѣнить тѣмъ малочисленность служащихъ. Онъ хотѣлъ все предвидѣть, все разсчитать напе-

---

(*) Shore. t. I. p. 132; 133.

редъ, чтобы ихъ облегчить. Онъ хотѣлъ далѣе сдѣлать произволъ и опрометчивость ихъ невозможными. Вышло совершенно противное. Коллекторъ и судья не имѣютъ рѣшительно никакой возможности не только соображаться со всѣмъ этимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, приводить это въ исполненіе, но даже большею частію прочесть. Всего времени ихъ недостало бы для самаго поверхностнаго изученія. Коллекторъ и судья видятъ себя принужденными рѣшать дѣла, имъ представляемыя, не иначе, какъ на основаніи природнаго, простаго здраваго смысла. Коллекторатъ или судебный округъ представляютъ настоящій турецкій пашалыкъ. Здѣсь запутанность формъ, множество правилъ; тамъ совершенное ихъ отсутствіе, предоставленіе всего на волю одного: но тамъ и здѣсь произволъ самый неограниченный.

Эти результаты, повторяемъ, заключаются въ самой природѣ правительства, установившагося въ Индіи; они зависятъ стольконе, если не больше, отъ дѣлъ, какъ и отъ лицъ. Они происходятъ изъ совершенной невозможности одному народу править другимъ, по крайней мѣрѣ въ обыкновенномъ смыслѣ словъ, при тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находится Англія къ Индіи. Часто удивляются невѣроятной легкости, съ которою Англія, кажется, дошла до конца этой трудной задачи: защищать, су-

дить, управлять народонаселенiемъ въ двѣсти милліоновъ индусовъ съ помощію одиннадцати сотенъ европейскихъ чиновниковъ; но скажемъ смѣло, задача эта не только не разрѣшена, но даже еще не предложена. Такъ дѣлается со всѣми тѣми задачами, которыхъ выраженіе содержитъ физическую или нравственную невозможность. Только нѣкоторыя необыкновенныя обстоятельства могли заставить повѣрить этому рѣшенію. Эти обстоятельства позволили Англіи похвастаться, что она рѣшила нѣкоторымъ образомъ задачу, которую, какъ мы выше сказали, ей запрещено даже и предложить себѣ.

Вотъ ловкій фигляръ; онъ стоитъ передъ горою и, держа въ рукахъ соломенку, берется поднять гору съ помощію этого рычага; какимъ образомъ возможно это дѣло? Конечно одинъ способъ, посредствомъ обмороченія. Можетъ быть, съ помощію оптическихъ дѣйствій, ловко соединенныхъ, обманъ будетъ произведенъ; вотъ все, что мы можемъ допустить. А предпріятіе править прямо или непрямо двумя стами милліоновъ подданныхъ, на разстояніи трехъ тысячь льё отъ Англіи, улаживать ихъ отношенія другъ къ другу, управлять ими, покровительствовать ихъ интересамъ, заботиться объ развитіи ихъ цивилизаціи, съ помощію одиннадцати сотенъ чиновниковъ чуж-

дыхъ этому народу, чиновниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ даже завести тамъ постояннаго жительства, которые болѣе отдѣлены отъ народа различіемъ племенъ, чѣмъ безднами океана и разстояніемъ, простирающимся на цѣлое полушаріе; это предпріятіе есть нечто иное, какъ, въ другомъ порядкѣ вещей и идей, т. е. на другомъ языкѣ, буквальный переводъ задачи поднять гору посредствомъ соломенки.

Положимъ, что посредствомъ оптическаго обмана можно представить это въ глазахъ зрителя; но на дѣлѣ это невозможно, нелѣпо. Прибавимъ впрочемъ, что въ этомъ случаѣ надуватель, т. е. Англія, можетъ не понимать самъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, обмана имъ производимаго.

Одно изрѣченіе аббата Дюбуа чудесно выражаетъ этотъ ходъ дѣлъ: »европейская власть, теперь утвердившаяся въ Индіи, собственно говоря, не основывается ни на физической ни на нравственной силѣ; это родъ огромной, сложной машины, движимой пружинами, придѣланными къ ней съ большею или меньшею ловкостію.« (*)

(*) Аббатъ Дюбуа Т. I предисловіе.

Власть, не основанная на физической силѣ, по сужденію аббата Дюбуа, есть это правительство изъ одиннадцати сотенъ особъ, эта соломенка, о которой мы говорили. Отсутствіе нравственной силы не сдѣлаетъ ли изъ нея гнилую соломенку?

ГЛАВА III.

О гибельныхъ слѣдствіяхъ отсутствія вещественной силы и нравственнаго вліянія правительства.

Англійскіе чиновники въ Индіи уже по одной малочисленности не въ состояніи выполнить назначеннаго имъ дѣла. Еще болѣе не въ состояніи по причинѣ недостатка способности, талантовъ, которые были необходимы для достойнаго выполненія этого дѣла. Оттуда всегдашняя невозможность для англійскаго правительства, узнать, достигаютъ или нѣтъ своей цѣли мѣры, отъ него истекающія. Съ тѣми, которыми оно правитъ, принадлежитъ оно къ различнымъ цивилизаціямъ. Оно не раздѣляетъ ни ихъ вѣрованій, ни ихъ привычекъ, ни ихъ предразсудковъ. Слѣдствія самыя страшныя, дѣйствія самыя несправедливыя могутъ проистечь даже изъ его любви къ справедливости. Оно находится въ положеніи хирурга, который дол-

женъ дѣлать операцію за операціей надъ организмомъ, ему неизвѣстнымъ; самая ловкость его, употребленная не кстати, каждую минуту можетъ обратиться во вредъ больному. Для полноты сравненія прибавьте къ этому, что больной лишенъ всякой возможности показать хирургу, что отъ этой, не кстати употребленной ловкости онъ страдаетъ Такимъ образомъ правительство безпрерывно прибѣгаетъ къ насильственымъ и гибельнымъ средствамъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Оно пользуется дерзко скальпелемъ и бистуріемъ. Приведемъ примѣръ.

Собираніе налоговъ, по причинѣ ихъ огромной значительности, становится со дня на день труднѣе и угрожаетъ сдѣлаться невозможнымъ. Оно не можетъ уже производиться иначе, какъ посредствомъ мѣръ крайней и непрерывно возрастающей суровости. Первое средство, употребленное правительствомъ, о которомъ мы много говорили, состояло въ продажѣ земель. Въ одинъ годъ шестая часть провинцій Бенгаліи, Багара и Ориссы были проданы съ публичнаго торгу. Но тотчасъ почувствовали трудность находить покупателей на земли, пущенныя въ продажу. Съ другой стороны этотъ способъ выбора недоимокъ могъ ясно выказать затруднительное положеніе правительства; поэтому онъ скоро былъ замѣненъ

другимъ. Власть низшихъ чиновниковъ при сборѣ была увеличена; имъ предписано производить съ большею строгостью, чѣмъ прежде, выборъ недоимокъ; имъ позволено употреблять понудительныя мѣры, какъ то: заключать въ тюрьму, лишать пищи, вводить людей низшихъ классовъ во внутренность жилищь людей высшихъ кастъ и самаго высокаго званія, пока они не заплатятъ недоимокъ; заставлять тѣхъ людей, о которыхъ знали или только подозрѣвали, что у нихъ есть деньги, покупать ту или другую часть земли вдвое противъ ея цѣны. (*)

Предубѣжденіе кастъ въ отношеніи къ бракамъ позволило употребить другое средство, еще болѣе энергическое. Касты, какъ часто говорено, подраздѣляются на многочисленныя трибы. Эти трибы, если онѣ стоятъ на равной ногѣ, естественно роднятся между собою. Въ тоже время бракъ не запрещенъ между трибами, которыя неравны до извѣстной степени! Нужно только, чтобы это неравенство было вознаграждено извѣстными выгодами. Итакъ браки въ Индіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, допускаютъ всѣ расчеты интереса и самолюбія. Если дѣвицы высшихъ трибъ вступаютъ въ бракъ съ мущинами низшихъ, то при-

---

(*) Shore, t. II. p. 65.

даное въ этомъ случаѣ вознаграждаетъ за общественное неравенство.

Но это приданое первобытныхъ временъ, приданое платимое женихомъ семейству невѣсты, лучше сказать цѣна жены (выводъ, выводныя деньги нпр.) Геній собирателя податей съумѣлъ воспользоваться этимъ. Человѣкъ высшей трибы замедлилъ платежемъ; у него дочь невѣста; сборщики податей выбираютъ человѣка изъ трибы низшей, часто много низшей, и предлагаютъ его или скорѣй навязываютъ въ зятья неисправному плательщику, обязывая во всякомъ случаѣ жениха заплатить значительную сумму денегъ и тѣмъ болѣе значительную, чѣмъ болѣе значительно разстояніе трибъ. Но такъ какъ окончательно этотъ бракъ устроенъ фискомъ, а не отцемъ, то не отецъ, а фискъ, какъ превосходный логикъ, получаетъ деньги. Мало этого; если за уплатою недоимокъ будетъ остатокъ, то все-таки не отецъ имъ воспользуется, а агентъ фиска; это будетъ плата за его труды и хлопоты (*). Это значитъ бить монету изъ невѣстъ. Вообразимъ, что окружной сборщикъ податей заставляетъ пера Франціи, за какую нибудь старую недоимку, выдать дочь за сына своего сапожника....

(*) Idem ibidem p. 186.

Система судопроизводства въ рукахъ правительства употребляется съ неменьшей ловкостію. Часто она служитъ орудіемъ сбора доходовъ, которымъ правительство можетъ распоряжаться по своему произволу, т. е. въ свою пользу. Выписываемъ опять: »въ 1819 году г. правительство вообразило, что его интересы недостаточно были ограждены въ извѣстныхъ продажахъ имѣній, нѣкогда конфискованныхъ за недоимки податей; что часть этихъ владѣній могла слѣдовательно находиться въ рукахъ людей, которые немогли бы доказать законнымъ образомъ своего на нихъ права. Оно предположило присвоить себѣ вновь эти владѣнія, потомъ укрѣпить ихъ за собою. Для приведенія въ дѣйствіе этой мѣры назначенъ былъ судъ. Ему принадлежало право рѣшать спорные случаи. Онъ тотчасъ принялся за дѣло. Но онъ шелъ впередъ чрезвычайно медленно. Правительство эти дѣла перенесло въ частные суды, учрежденные въ каждомъ округѣ единственно для сужденія дѣлъ этого рода.

Въ каждомъ изъ этихъ судилищъ коллекторъ былъ въ одно время судьей и докладчикомъ дѣла. Владѣльцы имѣній принуждены были доказывать свои права. По разсмотрѣніи доказательствъ судъ или оставлялъ ихъ во владѣніи до дальнѣйшаго рѣшенія, или конфисковалъ имѣніе немедленно. Лишенные такимъ

образомъ своихъ имѣній, владѣльцы могли подавать аппелляцію только въ обыкновенныя судилища.

А чрезвычайное накопленіе дѣлъ въ этихъ послѣднихъ, крайняя медленность ихъ производства дѣлали опредѣленіе коллектора, если не по праву, то фактически, опредѣленіемъ рѣшительнымъ, безъ аппелляціи, хотя оно и называлось временнымъ.

Затѣмъ послѣдовало немедленно новое рѣшеніе законодательной власти, которымъ отнималось у этихъ судилищъ все судопроизводство по этимъ дѣламъ. Учрежденъ былъ новый судъ, въ который исключительно они должны были поступать на будущее время,—судъ спеціальный, назначенный прямо правительствомъ, дѣйствующій подъ его надзоромъ.

Судебная система, разсматриваемая въ отношеніи къ туземцамъ, какъ орудіе, способное дать правосудіе многочисленнымъ народамъ Индіи, производитъ не лучшіе результаты. Объ этомъ мы говорили уже слишкомъ много и теперь не будемъ возвращаться къ томуже. Впрочемъ все то, что мы могли бы сказать, энергически высказано въ нѣкоторыхъ выпискахъ. Верховное правительство черезъ своего секретаря было принуждено признаться, что

нѣтъ безопасности ни для людей, ни для вещей; (*) совѣтъ деректоровъ скоро убѣдился, что было бы лучше дать туземцамъ право въ ихъ дѣлахъ судиться собственнымъ судомъ, какимъ бы то ни было, произведеннымъ посредствомъ ихъ собственнаго выбора, чѣмъ раздражать ихъ чувства, разстроивать ихъ имѣніе, установляя судебныя мѣста, гдѣ напрасно они искали бы справедливости (**). Передъ комитетомъ палаты лордовъ на вопросъ о дѣйствіяхъ судебной системы, Гольтъ Мэккензи (1 окт. 1830) отвѣчалъ: »если у меня спрашиваютъ мнѣнія о дѣйствіяхъ нашей судебной системы въ западныхъ провинціяхъ, то я долженъ сказать, что народъ страдалъ отъ ней тѣмъ болѣе, чѣмъ съ большею силою она была вводима. (***)« Не отказываясь развивать свою идею, таже особа продолжаетъ: »такъ какъ уступленные округи находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ бенаресскаго провинціальнаго суда, то они потерпѣли жестоко; по мѣрѣ удаленія къ западу, гдѣ судебныя учрежденія имѣли менѣе важности, народъ пользовался большею безопасностію, могъ свободнѣе пользоваться сво-

---

(*) Dodeswell. — Shore, t. II p 97.

(**) Shore, t. II p. 88. Депеша совѣта въ мартѣ 1812.

(***) Shore t. II p. 92.

ими правами, своею собственностью и пр. и пр.« Что касается до системы полиціи, необходимаго прибавка къ системѣ судебной, то одинъ чиновникъ говорилъ:

»Устройство полиціи по самымъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ оказалось совершенно неудовлетворительнымъ для защищенія жизни и свободы отдѣльныхъ лицъ.« (*)

Есть еще другой пунктъ, насчетъ котораго мы предоставимъ говорить самимъ англичанамъ; но здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, мы призовемъ въ свидѣтели только писателей важныхъ и заслуживающихъ все довѣріе. Выслушаемъ напередъ сэръ Джона Шора. »Взятки почти насильственныя которыя берутъ наши чиновники при сборѣ налоговъ, суммы, которыя имъ обыкновенно платятся подъ-видомъ подарковъ и *сладкаго*, гораздо значительнѣе, чѣмъ были когда нибудь при туземныхъ государяхъ. Люди, получающіе отъ пятидесяти до ста рупій въ мѣсяцъ, проживаютъ вдвое и втрое. Тѣмъ не менѣе они находятъ средства къ концу нѣсколькихъ мѣсяцевъ, скопить себѣ отъ двадцати до тридцати тысячь

(*) Shore. t. II p. 92.

рупій. (*) Отъ трехъ сотъ до тысячи рупій обыкновенно дается въ подарокъ всякому, кто имѣетъ силу при какомъ нибудь англійскомъ чиновникѣ, на столько, чтобы доставить мѣсто съ жалованьемъ отъ осьми до тридцати рупій въ мѣсяцъ; одинъ джемадаръ (полицейскій сержантъ), котораго мѣсячное жалованье состояло изъ осми рупій, признавался одному изъ моихъ знакомыхъ, что его должность въ десять мѣсяцевъ доставила ему тысячу двѣсти рупій: онъ говорилъ объ этомъ доходѣ, какъ объ чемъ то очень обыкновенномъ« (**). Военные не избавлены отъ упрековъ сэра Джоны Шора. »Что касается до безкорыстія этихъ служащихъ, говоритъ онъ, то какъ мнѣ ни горько рѣшиться обвинять одно званіе въ особенности, но справедливость обязываетъ меня сказать, что, если произвесть слѣдствіе съ надлежащею строгостію, то здѣсь относительно числа нашлось бы гораздо менѣе безкорыстныхъ людей, чѣмъ во всякой другой службѣ.« (***) Сэръ Джонъ приводитъ въ подтвержденіе этого фактъ, по его словамъ доказанный, что независимо отъ денегъ, необходимыхъ для жалованья вспомогательныхъ войскъ, изъ королевства Удъ вы-

---

(*) Собственное выраженіе сэра Джона Шора.

(**) Shore t. II p. 93.

(***) Id. ibid, p. 73.

везено, въ видѣ частныхъ векселей, 2,390,000 фф. ст. (59,770,000 фр.) (*): обстоятельство произведшее очень невыгодное впечатлѣніе на страну. Безъ сомнѣнія, испорченность публичныхъ чиновниковъ ограничена тѣсными предѣлами; мы хотѣли бы этому вѣрить. Но свидѣтельство сэра Джона заслуживаетъ однакожь вниманіе. Это человѣкъ занимавшій высшія должности, человѣкъ одаренный высокимъ умомъ, не увлекающійся ни пристрастіемъ ни духомъ партій. Итакъ корыстолюбіе чиновниковъ должно почитаться одною изъ причинъ недостатка нравственнаго вліянія англичанъ на туземцевъ.

Другое свидѣтельство, столь же важное, подкрѣпляетъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ свидѣтельство сэра Джона. Въ показаніи передъ палатою лордовъ, говоря объ одномъ путешествіи въ предѣлахъ своего вѣдомства, Гольтъ Мэккензи сказалъ: »каждую минуту насъ окружали огромныя толпы народа, приходившія жаловаться намъ на мѣстное начальство. Чѣмъ дольше владѣемъ мы какимъ нибудь округомъ, тѣмъ больше, кажется, усиливаются обманы и крючки, тѣмъ болѣе ослабѣваютъ добрыя чувства, тѣмъ болѣе колеблются основанія общественнаго бы-

---

(*) Id. ibid. p. 74.

та, тѣмъ болѣе единственнымъ результатомъ усилій гражданскаго правительства остается одна бѣдность, жалкая, безполезная, гибельная. (*).

Кѣмъ же и гдѣже говорено это? Человѣкомъ, занимавшимъ высшія должности въ томъ самомъ правительствѣ, о которомъ онъ призванъ былъ говорить; въ присутствіи множества чиновниковъ этого самаго правительства, имѣвшихъ возможность опровергать его, если было нужно; предъ лицемъ палаты лордовъ, т. е. предъ лицемъ самой Англіи!

ГЛАВА IV.

О манерахъ англичанъ въ сношеніяхъ съ туземцами.

Неудобства, недостатки системы англійскаго правленія въ Индіи изложены довольно подробно. Но въ томъ, что мы сказали, не рѣшенъ еще весь вопросъ, который насъ занимаетъ. Чтобы справедливо оцѣнить положеніе англичанъ въ Индіи, вѣроятность удержаться

(*) Shore t. II. p. 97.

тамъ или опасность быть оттуда выгнанными, надобно попытаться отдать себѣ отчетъ объ ихъ сношеніяхъ съ туземцами, и о расположеніи послѣднихъ къ своимъ повелителямъ.

Обхожденіе англичанъ съ туземцами и свойство отношеній, установляющихся между обоими племенами, вовсе не таковы, чтобы облегчать всегда тяжкое иго завоеванія. Англичанинъ простираетъ до идолопоклонства уваженіе къ національнымъ обычаямъ. На берегахъ Ганга и Инда, на морскихъ берегахъ или среди лѣсовъ Америки, онъ остается тѣмже, чѣмъ былъ на берегахъ Темзы, онъ остается тѣмже вездѣ, куда только влечетъ его неукротимая дѣятельность. Будучи піонеромъ цивилизаціи, съ топоромъ въ рукѣ, не колеблясь, углубляется онъ въ дѣвственныя лѣса Америки, гдѣ онъ проживетъ много лѣтъ совершенно преданный борьбѣ противъ природы дикой и неукротимой. Уединеніе, опасности безпрерывно возраждающіяся, пустыня, ничто ни удивляетъ ни смущаетъ его. Отъ хватается за кормило и за компасъ мореплавателя; онъ пристаетъ къ берегамъ самымъ различнымъ и самымъ отдаленнымъ. Онъ обходитъ въ видѣ туриста всѣ государства Европы, бросаетъ тамъ свое золото и сохраняетъ у себя свой сплинъ; въ Индіи въ видѣ гордаго побѣдителя онъ садится на колыбель древнѣйшей цивилизаціи цѣлаго зем-

наго шара. Міръ принадлежитъ ему; но если онъ можетъ жить повсюду, за то онъ неможетъ измѣнить себя нигдѣ. Онъ можетъ сообщаться послѣдовательно со всѣми народами земнаго шара, ничего ни заимствуя отъ нихъ, ни сколько ни участвуя въ ихъ общественныхъ сношеніяхъ. Между ними онъ упорно сохранитъ свои идеи, свои предразсудки, свои привычки. Повсюду онъ будетъ жить въ уединеніи: гордость и національные предразсудки строго запрещаютъ входъ въ его жилище каждому иностранцу. Это Израиль, раскидывающій свою палатку и празднующій пасху среди пустыни, въ плѣну, въ своемъ положеніи между язычниками.

Положеніе властителей Индіи дастъ имъ возможность безпрепятственно предаваться этой антипатіи, въ нихъ очень естественной, ко всему, что есть иностранное. Прежде утвержденія ихъ владычества среди превратностей ихъ судьбы, они часто должны были дѣлать въ этомъ отношеніи насиліе своимъ природнымъ наклонностямъ. Сила интереса принуждала ихъ, въ продолженіе этой борьбы, отложить немножко въ сторону предразсудки и національныя привычки. Необходимость упрочить за собою содѣйствіе туземныхъ народовъ принудила ихъ щадить ихъ обычаи, ихъ вѣрованія. Съ другой стороны число англичанъ, находившихся въ

сношеній съ туземцами, тогда было относительно маловажно. Но теперь съ этой стороны дѣла перемѣнились. Англійское владычество окрѣпло на своихъ недавнихъ основахъ. Англичанинъ не имѣетъ болѣе тойже потребности щадить народы, которые онъ считаетъ покоренными. Отъ того онъ возвратился естественно, почти безъ вѣдома своего, къ предразсудкамъ, къ привычкамъ, къ антипатіямъ, которыя перестали для него быть опасными. Конечно, число англичанъ очень незначительно въ отношеніи къ народонаселенію туземному; это, такъ сказать, капля воды въ океанѣ; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они имѣютъ тамъ видъ націи, англійское общество, повсюду, гдѣ оно только существуетъ, устанавливается довольно твердо для того, чтобы быть достаточнымъ для самого себя, отъ того оно можетъ повиноваться духу, ему свойственному. Но ктожъ незнаетъ этого? духъ этого общества чрезвычайно исключительный. Знатность, богатство для него мѣрка; для каждаго эта мѣрка состоитъ въ числѣ лицъ, надъ которыми онъ имѣетъ право считать себя высшимъ. А какъ въ Индіи послѣдніе классы англійскаго общества поставлены выше первыхъ классовъ общества индусскаго; то они властвуютъ надъ послѣдними съ большею гордостію, чѣмъ надъ ними самими властвуютъ высшіе классы ихъ націи. Ихъ долженъ былъ ввести въ иску-

шеніе случай отомстить блестящимъ образомъ за свое униженіе двумъ стамъ милліонамъ людей. Они поспѣшили имъ воспользоваться. То они запираются въ недоступное святилище національнаго этикета; то они давятъ индуса, кто бы онъ ни былъ, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ въ іерархіи своей собственной національности, всею тяжестію гордости неумолимой. Сэръ Джонъ Шоръ, чиновникъ важный, писатель совѣстливый, разсказываетъ намъ слѣдующимъ образомъ о поступкахъ молодыхъ англичанъ и объ ихъ мнѣніяхъ на счетъ этого предмета: »нерѣдко можно услышать въ обществѣ молодыхъ людей, едва пробывшихъ годъ или два въ Индіи, и оставшихся совершенно чуждыми нравамъ и обычаямъ туземцевъ, совершенно незнающихъ ихъ языка, кромѣ развѣ нѣсколькихъ словъ англо-индостанскихъ; нерѣдко услышишь крикъ, что они ненавидятъ туземцевъ, что у послѣднихъ нѣтъ ни одного хорошаго качества и напротивъ есть всѣ пороки; что нечего и ждать другаго отъ племени выродившагося, падшаго, и премного подобныхъ сужденій тогоже рода. Сколько разъ я самъ отъ нихъ слыхалъ, что для нихъ нѣтъ бо́льшаго удовольствія какъ бить, тузить, этихъ черныхъ шутовъ. (*) Подоб-

(*) Black fellow, выраженіе, которое часто употребляетъ англичанинъ, говоря о туземцахъ, и которое заключаетъ само въ себѣ рѣзко выказывающуюся идею презрѣнія.

ныя рѣчи въ Англіи о жителяхъ какой нибудь страны, особенно произнесенныя молодыми людьми, совершенно незнающими ни языка, ни обычая той страны, о которой они берутся судить такимъ образомъ, доставили бы имъ репутацію сумасшедшихъ, безмозглыхъ или еще хуже. Но совсѣмъ не такъ бываетъ въ Индіи: всякій, выражающійся такимъ образомъ о туземцахъ, слишковъ часто находитъ на своей сторонѣ многихъ слушателей, готовыхъ нанести цѣну тому, что онъ говорилъ. Но если сдѣлается противное, если найдется человѣкъ, ихъ изучавшій и посѣщавшій, который будетъ убѣжденъ, что между ними и туземцами не такъ велико различіе въ ихъ пользу, и если этотъ человѣкъ рѣшится говорить въ этомъ смыслѣ; онъ почти неминуемо будетъ осмѣянъ большинствомъ своихъ соотечественниковъ. Таково было положеніе сэра Джона Мэлькольма.... Выраженіе самое употребительное о какомъ нибудь гражданскомъ или военномъ чиновникѣ, и въ тоже время самое непріятное: »онъ загнился, онъ помѣшанъ на туземцахъ!«

Итакъ англичане поставили себѣ правиломъ считать туземцевъ людьми низшаго племени, что дѣйствительно показывается при всякомъ случаѣ, при самыхъ малѣйшихъ словахъ или дѣйствіяхъ. Рѣдкій англичанинъ удостоитъ отвѣта поклонъ туземца; съ большимъ трудомъ

рѣшится онъ говорить съ туземцемъ хоть сколько нибудь вѣжливо. Самая малѣйшая ошибка туземнаго служителя навлекаетъ на него если не побои, что впрочемъ случается очень часто, то по крайней мѣрѣ самую грубую брань. Языкъ биллигетали обыкновенно употребляется господиномъ съ ключниками, съ рассыльными слугами, которыхъ вся вина состоитъ часто въ томъ, что они не понимаютъ его непонятнаго нарѣчія (jargon). Часто еще по тойже причинѣ, но подъ предлогомъ дерзости, служителямъ отказываютъ отъ мѣстъ, не заплативъ жалованья. Этотъ предлогъ дерзости выставляется напередъ каждымъ англичаниномъ, который теряетъ хладнокровіе и обижаетъ своихъ людей безъ причины." (*)

Если туземецъ высшаго сословія хочетъ посѣтить англичанина и велитъ доложить о себѣ, отвѣтъ бываетъ часто: »къ черту этого шута (black fellow)!» потомъ говорится человѣку на жаргонѣ полуиндостанскомъ: »сказать ему, что мнѣ некогда его видѣть.« Однакожъ если его примутъ, то поклонятся небрежно или не поклонятся вовсе; если предложатъ кресла, что вовсе невѣрно, то онъ услышитъ вмѣстѣ съ тѣмъ на дурномъ индостани два три слова, въ которыхъ не будетъ и слѣда тѣхъ пріемовъ вѣжливости, какіе въ употребленіи въ

(*) Shore. t. I p. 10-11.

Европѣ и въ Индіи между людьми высшихъ классовъ; ему скажутъ *toom*, вмѣсто *пар*; это тоже самое, что, еслибъ джентльменъ сказалъ другому не *sir*, a *fellow*, т. е. пріятель. Если кто нибудь изъ общества замѣтитъ, что такъ какъ этотъ посѣтитель принятъ, то нужно сказать съ нимъ еще нѣсколько словъ, хозяинъ дома отвѣчаетъ нерѣдко: „для чего этотъ шутъ съ мѣдной кожей таскается сюда меня безпокоить? я незнаю, что сказать ему, что можно говорить съ этими людьми? „А тотъ, о комъ говорятъ такимъ образомъ, можетъ быть, принцъ или потомокъ принцевъ туземныхъ, можетъ быть, исторія Англіи и даже, къ стыду большаго числа англичанъ, самые наши законы, самыя учрежденія англоиндійскія извѣстны ему болѣе, чѣмъ имъ; можетъ быть наконецъ, это такой человѣкъ, отъ котораго умный собесѣдникъ могъ бы получить множество свѣдѣній полезныхъ для управленія страной. Англичанинъ, говорящій такимъ образомъ, по всей вѣроятности принадлежитъ къ числу людей, всего чаще встрѣчающихся, которые умѣютъ говорить только о лошадяхъ, о собакахъ, о маневрахъ своего баталіона, о повышеніяхъ въ арміи или о какой нибудь особенности своей службы, если они принадлежатъ къ числу гражданскихъ чиновниковъ.“ (*)

(*) Shore. t. I. p. 12.

Подумаютъ, можетъ статься, что все предъидущее фантазія или побольшей мѣрѣ частный случай: но другой писатель не менѣе важный и строгій, объѣхавшій всю Индію, соглашается во всемъ съ сэръ Джономъ Шоромъ. Реджинальдъ Геберъ говоритъ: „англійское общество въ провинціяхъ составлено почти изъ тѣхъ элементовъ, какъ и въ Калькуттѣ. Оно состоитъ на каждомъ постѣ (station), изъ судьи, коллектора, изъ писмоводителя, хирурга и почтмейстера; военные посты суть просто лагери, состоящіе изъ шалашей для солдатъ, изъ палатокъ немножко покрасивѣе для офицеровъ, изъ гошпиталя, иногда изъ часовни и священника. Но ни гражданскіе чиновники, ни военные офицеры не имѣютъ никакихъ сношеній съ туземцами; все ограничивается размѣномъ нѣсколькихъ визитовъ между офицерами и чиновниками извѣстнаго класса съ туземцами соотвѣтствующей знатности. Гражданскіе чиновники живутъ на знатную ногу; они не показываются въ публикѣ иначе, какъ съ большой свитой, окруженные множествомъ пѣшихъ и конныхъ служителей, (*) что еще болѣе отдѣляетъ ихъ отъ туземнаго народонаселенія. Но англійскія привычки доканчиваютъ это раздѣленіе. По ихъ милости, то, что было бороздой, теперь стало бездной.«

(*) Heber. t. III. p. 53. 7.

Р. Геберъ часто возвращается къ этому предмету. Онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ о разстояніи, на которомъ англичане держатъ отъ себя туземцевъ, о гордости, о надменности, выказываемой ими въ малѣйшихъ сношеніяхъ съ послѣдними; онъ находитъ ихъ совершенно необъяснимыми (*). »Предразсудки индусовъ, говоритъ онъ, не позволяютъ имъ садиться за одинъ столъ съ англичанами. Однакожь есть много родовъ спорта, въ которыхъ бы они охотно стали участвовать вмѣстѣ съ англичанами и отъ которыхъ удаляетъ ихъ англійская надменность.« (**) Это еще не все, продолжаетъ онъ. Безсмысленная гордость англичанъ заставляетъ ихъ ставить ни во что даже побужденія ихъ собственнаго правительства. Туссильдары, напр., или главные агенты финансовъ, имѣютъ право на кресла, когда они призываются къ европейцамъ; субагдары въ арміи имѣютъ также право на это отличіе; однакожь въ цѣлой Индіи не насчитаешь шести коллекторовъ, которые оказали бы эту честь туземнымъ агентамъ; и въ арміи этотъ обычай, строго соблюдавшійся лѣтъ пятнадцать назадъ, теперь совершенно вышелъ изъ употребленія.« (***) Итакъ, по сло-

(*) Heber. t. III, p. 358.

(**) Id. ibid p. 337.

(***) Id. ibid. p. 338.

вамъ Гебера, прежде было иначе. Замѣтимъ этотъ фактъ: онъ показываетъ, что англичане иначе обращались съ туземцами прежде утвержденія своей власти, чѣмъ послѣ.

Нравы, привычки индусовъ, столѣ отличные отъ нравовъ и привычекъ европейцевъ, служатъ безспорно важною причиною удаленія первыхъ отъ послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ Геберъ, наблюдатель проницательный, хотѣлъ опредѣлить, сколько изъ этихъ горестныхъ результатовъ надобно приписать самому свойству дѣлъ, сколько дѣйствіямъ его соотечественниковъ. Онъ освѣдомлялся, то ли было прежде между индусами и французами; онъ собиралъ объ этомъ предметѣ свѣдѣнія въ Дели, гдѣ долго жили французскіе начальники. Пусть онъ говоритъ самъ: »я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы освѣдомиться о степени благосклонности, какая оказывается въ этой части Индіи къ имени французовъ, бывшихъ нѣкогда ея владыками. Мнѣ говорили многіе, что они часто были притѣснителями и корыстолюбцами, но что манеры ихъ были гораздо общительнѣе и мягче, чѣмъ манеры *салебовъ* (*) англійскихъ. Многіе изъ нихъ, какъ напр. старый полковникъ.... (**) совершенно приняли

(*) Такъ туземцы называютъ англичанъ.

(**) Одинъ полковникъ французскаго происхожденія, поселившійся въ Индіи.

платья и привычки индусовъ и въ большей части изъ нихъ вовсе не оказывалось этого духа, нетерпѣливаго и исключительнаго, который дѣлаетъ англичанъ повсюду, гдѣ бы они ни были, особой кастой, ненавидимой своими сосѣдями и ненавидящей ихъ. Въ самомъ дѣлѣ я каждый день вижу слишкомъ много примѣровъ гордости жестокой и свирѣпой, и я убѣжденъ, что она сильно компрометируетъ насъ въ этой странѣ. Мы невиновaты въ несправедливости и тиранствѣ, но мы отталкиваемъ отъ себя туземцевъ потому, что мы говоримъ съ ними такъ грубо и надменно.« (*)

Англичане, одаренные стойкостію и энергіею, доставляющими завоеванія, въ замѣнъ того, кажется, лишены качествъ, способныхъ сдѣлать эти завоеванія стойкими, долговѣчными. Иго завоеванія въ ихъ рукахъ гораздо тяжеле, чѣмъ въ рукахъ каждаго другаго побѣдителя. Цѣлая нація, кажется, лишена этой способности усвоенія, этой почтительности и симпатіи къ чужимъ вѣрованіямъ и нравамъ, которыя однѣ могутъ доставить завоеваніямъ твердую основу, любовь и преданность завоеванныхъ народовъ.

(*) Heber. t. II. p. 343—344.

Инстинкты племени отвергаютъ всякую уступку, вытребованную даже хорошо понятымъ интересомъ обладателей; — на этой дорогѣ нравы далеко отстаютъ отъ идей: такимъ образомъ американцы, сокрушая оковы негровъ, заключили ихъ въ кругъ предразсудковъ столь же тѣсный, столь же жестокій, какъ и ихъ прежнее рабство. Испанецъ дѣйствовалъ совсѣмъ иначе. Онъ до сихъ поръ не рѣшился назначить дня и часа освобожденія черныхъ. Но терпимость его нравовъ, его идей услаждала со дня на день рабство; рабъ, незная самъ и безъ вѣдома своего господина, вступилъ въ общество, сдѣлался членомъ семейства. Идея вѣка безъ сомнѣнія проникнетъ въ испанскія колоніи; тамъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, будетъ провозглашена свобода черныхъ; но негры съ самаго начала не поймутъ, можетъ быть, объ чемъ идетъ дѣло, и не безъ труда можно будетъ растолковать имъ различіе между начинающеюся свободою и кончившимся рабствомъ. Американцы и англичане одно и тоже начало, только развившееся при различныхъ обстоятельствахъ.

ГЛАВА V.

О чувствованіяхъ туземцевъ въ отношеніи къ англійскому владычеству и англичанамъ.

Между духомъ Индіи и духомъ Европы обнаруживается существенная противоположность въ самомъ источникѣ всей цивилизаціи, въ основныхъ догматахъ ихъ религіозныхъ системъ.

Изъ этой первой противоположности истекаетъ тысяча другихъ. Ихъ находятъ повсюду, гдѣ только обѣ цивилизаціи соприкасаются. Мы показали, отъ чего и какъ англичане и индусы живутъ теперь болѣе отдѣленные, болѣе отчужденные другъ отъ друга, чѣмъ когда либо; но мы разсматривали вопросъ только съ англійской точки зрѣнія: теперь слѣдуетъ разсмотрѣть тотже вопросъ съ точки зрѣнія индусовъ, въ особенности чувствованія сихъ послѣднихъ къ англичанамъ.

Индусы съ самаго начала чувствовали глубокую антипатію ко всему тому, что приходило изъ Европы; съ тѣхъ поръ эта антипатія, кажется, возрастала со дня на день; ее можно узнать изъ тысячи признаковъ. Служители при европейцахъ прежде принадлежали къ классамъ

высшимъ, чѣмъ нынѣ. Подобное явленіе произошло въ арміи; чины достаются теперь людямъ изъ самыхъ низшихъ классовъ. Тоже самое сдѣлалось во всѣхъ должностяхъ, предоставленныхъ туземцамъ. Чуждые предразсудковъ индусскаго общества, англичане вовсе не думаютъ о общественномъ положеніи туземцевъ, у нихъ служащихъ; они цѣнятъ только матеріальныя заслуги.

Такіе поступки должны были необходимо удалить отъ нихъ тѣхъ изъ мусульманъ и изъ индусовъ, которые считали себя въ правѣ ожидать лучшаго обращенія. Съ другой стороны мусульмане высшихъ классовъ неминуемо оказываются чувствительнѣе другихъ къ дурнымъ поступкамъ и грубымъ словамъ.

Привычки англійскія или, лучше сказать, европейскія, раздражаютъ, подстрекаютъ жителей Востока тысячами точекъ, которыхъ мы не можемъ угадать. Мы разсказывали о геройской рѣшимости нашихъ миссіонеровъ совлечь съ себя европейца, и о необходимости для нихъ дѣйствовать такимъ образомъ; какъ ожидать такого же поведенія отъ арміи побѣдоносныхъ, отъ народовъ завоевателей, словомъ, отъ господъ и властителей по праву меча? Такимъ образомъ англичане въ Индіи не оставили ничего изъ своихъ національныхъ привычекъ.

Они публично пьютъ крѣпкіе напитки и ѣдятъ говядину; подъ вліяніемъ нашихъ привычекъ, конечно, мы не можемъ понять всего дѣйствія этого зрѣлища на туземцевъ. Но выслушаемъ одного изъ нашихъ католическихъ миссіонеровъ, одного изъ тѣхъ, которые наиболѣе сдѣлались индусами.

»Я сказалъ въ другомъ мѣстѣ, говоритъ аббатъ Дюбуа, что европейцы рѣдко показываютъ въ себѣ готовность на этотъ родъ воздержанія (т. е. отъ говядины), свойственный народамъ, среди которыхъ они живутъ, и что, не заботясь о причиняемомъ ими соблазнѣ, они публично ѣдятъ говядину. Но такіе поступки чрезвычайно удалили отъ нихъ расположеніе частныхъ туземцевъ и изъ сихъ послѣднихъ нѣтъ ни одного, который бы *in petto* не ставилъ этихъ иностранцевъ гораздо ниже паріевъ. Если первые завоеватели, наводнившіе Индію, смѣясь надъ предразсудками самыми освященными и самыми всеобщими у жителей, кололи быковъ и коровъ, не возбуждая всеобщаго возстанія, какъ слѣдствія того негодованія, какое должно было родиться во всѣхъ душахъ отъ убійства животныхъ, включаемыхъ туземцами въ число боговъ; если въ продолженіи многихъ столѣтій, горсть чужеземцевъ, поселившихся между ними, безнаказанно убиваетъ для своей прожорливости эти предметы по-

клоненія своихъ хозяевъ, то конечно это надобно приписать мягкому, умѣренному, уступчивому характеру этой націи.« (*) Тотже писатель говоритъ: »убить корову, по понятіямъ индусовъ, не только преступленіе, но безмѣрное оскорбленіе святыни, богоубійство, которое не можетъ быть искуплено иначе, какъ смертью виновнаго.« (**)

Эти послѣднія слова, мнѣ кажется, дышутъ ароматомъ терпимости, глубокой симпатіи къ несчастному народу. Изъ нихъ вѣетъ также какой-то запахъ браминизма, возбуждающій въ одно время улыбку и удивленіе. Ни одинъ индусъ не высказалъ бы протеста болѣе горькаго противъ европейскихъ оскверненій. Но не надобно забывать, этотъ миссіонеръ, который такъ наивно сочувствуетъ страданіямъ народовъ, оскорбляемыхъ въ ихъ вѣрованіяхъ, этотъ самый миссіонеръ тысячу разъ подвергалъ опасности свою жизнь, чтобы заставить ихъ отвергнуть эти вѣрованія силою убѣжденія. Чувствованія индуса къ европейцу совершенно вѣрно выражены въ словахъ аббата Дюбуа. Всякій индусъ видитъ въ европейцахъ паріевъ, *богоубійцъ*. Воскресимъ на минуту мысленно горячую и наивную вѣру среднихъ вѣ-

(*) Аб. Дюбуа. t. I. p. 565.

(**) Id. ibid. p. 364.

ковъ; представимъ, что иностранцы, посредствомъ завоеванія, утвердились между нами, что они въ соборѣ Notre-Dame предаются непрерывной оргіи, въ которой храмъ, алтарь, священные сосуды, освященные дары были бы предметами непрерывнаго оскверненія. Представимъ себѣ жидовъ, возобновляющихъ ежедневно передъ нашими глазами кровавую жертву Голгофы.... Вотъ въ какомъ видѣ являются англичане въ глазахъ народовъ Индіи!

Мусульмане по другимъ причинамъ раздѣляютъ съ своей стороны отвращеніе индусовъ къ нравамъ и пріемамъ европейцевъ. Это отвращеніе, которое теперь они выражаютъ открыто, тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что оно явилось недавно и потому тѣмъ болѣе угрожаетъ въ будущемъ. Предразсудки индусовъ всегда запрещали имъ садиться за одинъ столъ съ европейцами: но этого предразсудка нѣтъ у учениковъ Магомета. Мусульмане въ Персіи и Турціи ѣдятъ съ европейцами безъ малѣйшаго зазрѣнія. Тоже и въ Афганистанѣ. Бёрисъ въ продолженіи своего путешествія часто обѣдывалъ съ ними (*). Однакожь мусульмане Индіи открыто отъ этого отрекаются. Никакія причины, даже уваженіе къ чинамъ, строго ими соблюдаемое, не могутъ въ этомъ дѣлѣ поколебать ихъ рѣшенія.

(*) Burnes, t. I.

Р. Геберъ самъ испытывалъ это. На дорогѣ отъ Аллахабада къ Кауперру была маленькая мечеть. Иманъ, ею завѣдывавшій, узнавши о прибытіи епископа, поспѣшилъ посѣтить его. Этотъ иманъ совершилъ путешествія въ Мекку, въ Медину, посѣтилъ Сирію, Египетъ, малую Азію и долго странствовалъ по свѣту; по словамъ Гебера „это былъ настоящій типъ мусульманина путешественника и свѣтскаго человѣка. Впрочемъ, какъ мнѣ казалось, онъ мало былъ занятъ требованіями своей вѣры или вообще какими нибудь религіозными мыслями." Онъ явился къ Реджинальду Геберу съ нѣкоторой развязностью очень хорошаго тона, поспѣшилъ, по его словамъ, въ качествѣ *padre* явиться по должности къ своему епископу. „Обвороженный разговоромъ своего гостя, его манерами, его образованностью, епископъ пригласилъ его выпить чашку кофе, въ надеждѣ заставить его продлить визитъ. »Вы знаете не хуже меня, сказалъ онъ, что въ Турціи, въ Египтѣ, въ Аравіи мусульмане и христіане ѣдятъ вмѣстѣ безъ всякаго зазрѣнія.« »Знаю, милордъ, отвѣчалъ тотъ, кланяясь; но здѣсь это не въ обычаѣ.« (*) Мусульмане изъ свиты поручика Бёрнса удивлялись снисходительности мусульманъ Афгани-

---

(*) Heber, t. II. p. 16.

стана; они отказались подражать имъ,—столько то рѣшительно это принято ими всѣми въ Индіи. (*)

А мы сейчасъ сказали, эту перемѣну въ обращеніи съ европейцами тѣмъ болѣе важно замѣтить, что она произошла постепенно. Обѣдать вмѣстѣ съ христіанами не запрещено правовѣрнымъ никакимъ религіознымъ постановленіемъ: такимъ образомъ они обѣдали и прежде съ европейцами безъ всякаго зазрѣнія. И теперь еще есть много старыхъ офицеровъ англо-индійской арміи, которые, во время прежнихъ войнъ, держали столъ вмѣстѣ съ ними. Такъ какъ всѣ эти подробности представляютъ гораздо болѣе занимательности въ устахъ историковъ англійскихъ, чѣмъ у насъ, то мы выпишемъ еще: »полковникъ, говоритъ сэръ Джонъ Шоръ, которому я говорилъ объ этомъ отказѣ мусульманъ ѣсть съ нами, на силу мнѣ повѣрилъ, и двое или трое другихъ старыхъ индійцевъ (такъ въ дружескомъ кругу зовутся офицеры войскъ компаніи), находившихся тамъ, разсказывали, что не только этого не было въ ихъ время, но что вообще гражданскій или военный чиновникъ компаніи не могъ путешествовать по внутренности зем-

---

(*) Burnes t. II. p. 241.

ли, не получая на каждомъ шагу отъ большей части сколько нибудь значительныхъ мусульманъ приглашенія оставить палатку и перебраться къ нимъ въ домъ.« (*) Итакъ кажется, что мусульмане ничего не желали такъ сильно, какъ жить вѣжливо и на дружеской ногѣ съ европейцами; и можно сказать, что они удалились отъ нихъ наконецъ, не находя въ нихъ для себя довольно хорошаго сообщества. Повторимъ: холодныя, надменныя, оскорбительныя манеры европейцевъ, долго скрываемыя въ продолженіи борьбы, пока власть ихъ была или оспариваема, или новѣ, выказались съ тѣхъ поръ вполнѣ.

Европейскіе обычаи въ томъ, что касается женщинъ, опять страшнымъ образомъ раздражаютъ туземцевъ, магометанъ и индусовъ. »Индусы, также какъ и магометане, почитаютъ величайшимъ безчестіемъ показывать своихъ женъ иностранцамъ.« (**) У мусульманъ Индіи, когда намѣстникъ провинціи возбуждалъ какое нибудь подозрѣніе или опасеніе, то первая мѣра, принимаемая противъ него, состояла обыкновенно въ приказѣ отослать ко двору своихъ женъ или часть своихъ женъ. Достаточно было явиться одной, хотя бы она и не была лю-

---

(*) Shore. t. I. p. 16.

(**) Vereltz Affaire du Bengale p. 138. Bolts. t. I.

бимая, чтобы императоръ считалъ себя въ обладаніи надежнымъ залогомъ его вѣрности. Подозрѣніе прекращалось тотчасъ. Напротивъ малѣйшее колебаніе, малѣйшая медленность въ исполненіи этого приказа его усиливали. Императора увѣряла не предполагаемая привязанность намѣстника къ этой женѣ, а то что последній этимъ дѣйствіемъ дѣлалъ его какъ бы хранителемъ своей чести. (*) Одинъ изъ первыхъ субадаровъ бенгальскихъ сдѣлался ненавистнымъ для индусовъ и оставилъ память проклинаемую между ними; вся его вина состояла въ томъ, что онъ съ минуту смотрѣлъ безъ покрывала на жену одной знатной особы, славившуюся необыкновенной красотой. (**) Понятно, какое впечатлѣніе должна произвесть на людей, столь ревнивыхъ, столь странно воспріимчивыхъ, европейская смѣсь мущинъ и женщинъ. Эти предразсудки, даже въ ихъ крайней взыскательности, уважаются правда англичанами: но тѣмъ не менѣе справедливо, что всякое европейское собраніе возбуждаетъ отвращеніе въ мусульманахъ и индусахъ. Самый низшій изъ нихъ въ этомъ собраніи чувствуетъ тоже, что чувствовала бы придворная женщина въ оргіи матросовъ.

(*) Daw. Histore de l'Indostan. Dissertation sur l'origine et la nature du gouvernement de l'Indostan t. III. p. 10.

(**) Vereltz.

Можно бы подумать, что, не смотря на это отвращеніе къ европейскимъ манерамъ, индусамъ тѣмъ не менѣе нравится англійское владычество; что они понимаютъ и цѣнятъ его выгоды и предпочитаютъ его тому, мѣсто котораго оно заступило. Но и на этотъ счетъ, кажется, правительство англійское не должно себя обманывать. Нѣкоторые факты рѣзко говорятъ противное.

По завоеваніи гурками части земель, лежащихъ при подошвѣ Гималайя, ихъ тиранія была столь велика, что часть туземнаго народонаселенія выселилась; немногіе изъ этихъ людей поселились въ сосѣднемъ округѣ англійскихъ владѣній: самое большое число перешло въ земли сейковъ. Правительство гурковъ, укрѣпившись въ своемъ завоеваніи, вступило въ переговоры съ этими послѣдними эмигрантами, чтобы заставить ихъ возвратиться на родину, въ чемъ и успѣло оттасти. Послѣ началась война между Англіею и Непаломъ; эта земля была по окончаніи войны въ числѣ округовъ, уступленныхъ англійскому правительству, и правительство вовсе не сомнѣвалось въ близкомъ возвращеніи прежнихъ эмигрантовъ въ ихъ отечество. Вышло совсѣмъ другое. Ежедневно стали переходить новые эмигранты къ сейкамъ. Такимъ образомъ правительство сейковъ и правительство гурковъ по-

очередно были предпочтены правительству англійскому. Извѣстна привязанность индусовъ къ своимъ селеніямъ, а поколеніе, которое ихъ оставило, было еще въ живыхъ; разстояніе едва простиралось отъ 20 до 50 миль; ничто не препятствовало возвращенію. Однакожь эти люди предпочли горечь изгнанія, подъ владычествомъ также чуждымъ — возвращенію на родину, но подъ покровительство правительства европейскаго (*). Ни одинъ фактъ не могъ бы показать антипатіи, болѣе рѣзко выразившейся противъ послѣдняго владычества.

Это отвращеніе туземцевъ къ иностранному владычеству, страхъ, какой они испытываютъ при видѣ европейцевъ, иногда проявляются въ формахъ самыхъ странныхъ, самыхъ наивныхъ и потому уже самыхъ значительныхъ. Реджинальдъ Геберъ спрашиваетъ одного человѣка изъ своей свиты, подданнаго короля удскаго: хотѣлъ ли бы онъ, чтобы это государство перешло къ англичанамъ? »Да сохранитъ насъ Богъ, отвѣчалъ этотъ человѣкъ, забывши въ первый разъ вѣжливость, столь свойственную жителямъ Востока. (**)

(*) Shore t. I. p. 138.

(**) Heber.

Въ другомъ случаѣ дѣвочка двѣнадцати лѣтъ, замѣтивши этого самаго Реджинальда, задрожала при видѣ его европейскаго костюма и вскричала: »могущественный господинъ! не дѣлай мнѣ зла: я ничто иное, какъ бѣдная дѣвочка, и несу рисъ къ своему отцу.« Я не могу сказать, говоритъ Геберъ, какого зла она отъ меня ожидала; но знаю, что до тѣхъ поръ меня ни разу не привѣтствовали подобными словами, столь приличными людоѣду" (*). Въ этихъ послѣднихъ словахъ видны въ одно время и умное добродушіе Гебера и его тонкая наблюдательность; благодаря этой наблюдательности, онъ сообщилъ намъ этотъ анекдотъ, по видимому дѣтскій, но въ которомъ самъ онъ открылъ прежде всѣхъ смыслъ.

Въ другой формѣ мы встрѣчаемъ подобное чувство въ другомъ мѣстѣ:„ я былъ однажды въ лавкѣ въ Агрѣ, говоритъ сэръ Джонъ Шоръ; базаръ былъ наполненъ народомъ. Неизвѣстный мнѣ офицеръ подъѣзжалъ шагомъ на лошади; толпа разступалась по мѣрѣ его приближенія и давала ему дорогу. Слѣпой нищій былъ на дорогѣ и загородилъ ее, незная, въ которую сторону идти. Офицеръ остановивъ свою лошадь, позвалъ бистандера (городовой), велѣлъ

(*) *Idem* t. II. p. 450.

ему провести слѣпаго нѣсколько шаговъ и потомъ продолжалъ свой путь: тогда послышались со всѣхъ сторонъ смѣшенные голоса толпы: „хорошо, хорошо! вотъ доброе дѣло! сколько другихъ англійскихъ господъ прибили бы этого бѣдняка за то, что онъ былъ на ихъ дорогѣ.“ Мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что многіе другіе поступили бы такъ точно, какъ этотъ офицеръ, и что удивленіе агрскаго народа вовсе неосновательно, тѣмъ не менѣе этотъ фактъ дастъ большую силу размышленію, которымъ повѣствователь заключаетъ этотъ разсказъ: „итакъ какое же мнѣніе имѣютъ объ англичанахъ туземцы, когда дѣйствіе человѣколюбія столь простое и естественное можетъ внушить имъ подобное удивленіе! Но возможно ль съ другой стороны, чтобы такое мнѣніе возникло совершенно безъ причины?« (*)

Въ самомъ дѣлѣ эти анекдоты, сами по себѣ, отдѣльно взятые, могли бы не имѣть большаго значенія; но въ этомъ случаѣ совсѣмъ другое дѣло, потому что писатели, у которыхъ мы ихъ заняли, приводятъ ихъ въ доказательство защищаемаго ими, также какъ и нами, положенія, что англичане въ Индіи не любимы. Не отдѣльное ихъ значеніе заставляетъ насъ приводить ихъ; но въ драмати-

(*) Shore t. I. p. 23.

ческой и рѣзкой формѣ они представляютъ сущность общаго мнѣнія Гебера и Шора, писателей важныхъ, совѣстливыхъ, занимавшихъ самыя высшія мѣста въ іерархіи англійской. Сверхъ того тоже самое мнѣніе часто повторяется писателями не менѣе значительными, сэромъ Джономъ Мэлькольмомъ и генералъ майоромъ Брайгтсомъ. Различія занятій конечно производитъ различіе во взглядахъ писателей; но въ этомъ случаѣ справедливость мнѣній, ими высказываемыхъ, становится еще яснѣе. Какъ представить чтобы духовный, чиновникъ и военный согласились въ одномъ пунктѣ, если бы сама истина не произвела этого согласія въ ихъ свидѣтельствахъ?

Эти свидѣтельства, сближенныя съ мнѣніемъ католическихъ миссіонеровъ объ этомъ предметѣ, пріобрѣтаютъ еще большую силу. Изъ всѣхъ положеній миссіонеры находились въ наилучшемъ, чтобы говорить съ знаніемъ дѣла. Едва прибывши въ Индію, каждый изъ нихъ становился индусомъ, чтобы жить между индусами. Они становились отъ того повѣренными отвращенія, антипатіи индусовъ къ цивилизаціи европейской. Мы видѣли, съ какой энергіей часто выказывалось это отвращеніе, эта антипатія; съ тѣхъ поръ не произошло никакой перемѣны въ относительномъ положеніи обоихъ народонаселеній, которая бы мог-

ла ихъ уменьшить или утишить; разстройство имѣній, бѣдность, уничтоженіе древнихъ общественныхъ учрежденій, вотъ что не переставало идти по слѣдамъ англичанъ. Протестантизмъ остался одинокимъ; католицизмъ распространилъ свои благодѣянія не иначе, какъ скрывая ихъ происхожденіе. Европеецъ на первомъ своемъ шагу въ Индію, европеецъ видимый туземцами издали, внушалъ уже имъ ужасъ и отвращеніе; теперь онъ повсюду; онъ показывается вблизи; онъ неограниченный господинъ; у него нѣтъ болѣе никакого интереса щадить ихъ предразсудки, ихъ обычаи; въ сознаніи своей силы, онъ теряетъ послѣднее нравственное вліяніе, которое могъ почерпнуть въ сознаніи своей слабости.

ГЛАВА VI.

О попыткахъ туземцевъ свергнуть иго Англіи.

Видимая покорность, съ которою Индія переноситъ иго Англіи, кажется, противорѣчитъ тому, что мы видѣли выше. Бывали такіе кровавые и вооруженные протесты противъ господствующей власти въ Индіи!

Пока продолжалось политическое движеніе, послужившее причиной завоеванія, не было мѣста для протестовъ этого рода. Но это движеніе въ послѣдствіи должно было уколоть, ощетинить чувствованія, обычаи, предразсудки туземцевъ. Такимъ образомъ надобно замѣтить двѣ вещи: съ одной стороны это завоеваніе совершается съ неслыханною легкостію; съ другой, если какая мѣра правительства коснется нравовъ, обычаевъ и предразсудковъ народа, то каждый разъ неминуемо послѣдуетъ страшное возстаніе. Это видѣли въ Велорѣ, въ Бенаресѣ, въ Барельи. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ возмущеніе безспорно было потушено въ самомъ началѣ; но оно тѣмъ не менѣе раскрыло грозные признаки на будущее время, болѣе или менѣе отдаленное. Не смотря на отсутствіе результатовъ въ самое время этихъ возмущеній, они произвели огромныя слѣдствія въ томъ, что они предвозвѣщаютъ; они показали намъ бездну подъ основаніями англійскаго зданія, повидимому столь прочными. Изъ всѣхъ трехъ возмущеній велорское было самое страшное. Оно вспыхнуло въ войскѣ, т. е. въ естественной и единственной опорѣ англійскаго правительства. Англійскій генералъ, недавно прибывшій въ эту сторону, занялся составленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ военныхъ правилъ. Въ ихъ числѣ находилось слѣдующее: »сипаи обязываются являться на парадъ съ об-

ритой бородой и съ усами верхней губы подстриженными по одному образцу; имъ запрещается носить серги или отличительные знаки ихъ кастъ, когда они въ мундирѣ, сверхъ того велѣно сдѣлать для нихъ чалму по новому образцу.«

Авторъ этого постановленія, генералъ Крэддокъ, былъ очень несвѣдущь въ дѣлахъ Индіи. Только, какъ обыкновенно бываютъ служащіе въ военной службѣ, чрезвычайно любилъ европейскую дисциплину и однообразіе. Такимъ образомъ въ этомъ постановленіи онъ не видѣлъ никакой другой важности. Запрещеніе индусамъ носить отличительные знаки кастъ оскорбило ихъ съ религіозной стороны. По столкновенію не менѣе страшному тоже распоряженіе не менѣе оскорбило и мусульманъ; чалма или шако, которую хотѣли заставить ихъ носить, была нѣсколько похожа на шляпу,. головной нарядъ, который, какъ извѣстно, внушаетъ ужасъ каждому доброму мусульманину. Разнесся сверхъ того слухъ между туземными войсками, что правительство намѣрено было принудить ихъ къ принятію христіанства. Эта перемѣна въ униформѣ показалась подтвержденіемъ этого слуха.

Глухое неудовольствіе распространяется между войсками. Оно разражается скоро от-

крытымъ волненіемъ съ неслыханною свирѣпостію. Европейскіе офицеры не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія объ томъ, что было задумано. Въ два часа утра нападеніе внезапное, сдѣланное сипаями на европейскія войска, вывело ихъ изъ безпечности. Четырнадцать офицеровъ были зарѣзаны; другіе пятнадцать умерли отъ ранъ въ слѣдующіе дни. Неизвѣстно, гдѣ бы остановилось возмущеніе, переступивъ этотъ первый шагъ, безъ одного счастливаго для Англіи обстоятельства.

Полковникъ Джилленси, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ офицеровъ англійской арміи, человѣкъ удивительно безстрашный и обожаемый своими солдатами, командовалъ полкомъ туземныхъ драгунъ въ сосѣдствѣ. Привязанность его солдатъ къ нему лично уравновѣсила и перевѣсила ихъ національную симпатію. Онъ уговорилъ ихъ напасть на бунтовщиковъ. Это было сдѣлано съ успѣхомъ. Примѣръ увлекъ нѣсколько другихъ полковъ. Будь у драгунъ начальникомъ другой европейскій офицеръ не по ихъ вкусу, можетъ быть, имперія индо-британская тѣмъ бы и кончилась; по крайней мѣрѣ слѣдствіе, произведенное правительствомъ по этому дѣлу, даетъ право это предполагать.

Въ Бенаресѣ народъ пришелъ въ движеніе въ слѣдствіе налога на дома. Туземцы ска-

зали себѣ: »мы признаемъ за англичанами тѣже самыя права, какія признавали за ихъ предшественниками магометанами; итакъ пусть они продолжаютъ брать налогъ съ земли, который платили и тѣмъ; пусть они обложатъ пошлиной нашу торговлю, мы на это согласны.... Но сегодня обложены наши дома; кто ручается, что завтра не обложатъ нашихъ женъ, дѣтей и насъ самихъ?«

Все народонаселеніе Бенареса тотчасъ пришло въ броженіе. Оно рѣшилось сопротивляться всѣми силами способомъ свойственнымъ индусамъ, т. е. страдательно. Оно рѣшилось на общее дгурна; дгурна, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что человѣкъ садится и остается неподвижнымъ въ этомъ положеніи, не принимаетъ ни пищи ни питья до тѣхъ поръ, пока тотъ, противъ кого это дѣлается, не согласится поправить оскорбленіе, ему нанесенное. По вѣрованіямъ индусовъ души людей, погибшихъ въ исполненіи этого страшнаго обряда, возвращаются въ видѣ призрака мучить ихъ палачей. Рѣшеніе было приведено въ исполненіе съ энергіею и быстротою изумительною. Народонаселеніе окрестностей, едва услыхавши объ томъ, что происходило въ городѣ, тотчасъ къ нему пришло. По понятіямъ индусовъ дѣло шло о битвѣ, рѣшавшей судьбу страны. Не явиться на эту битву, въ этомъ мірѣ была бы трусость

постыдная, въ будущемъ достойная наказанія. Дома были оставлены, лавки заперты, земледѣльческія работы остановлены, огни потушены, всѣ приготовленія обѣда оставлены; потомъ триста тысячь человѣкъ отправились, чтобы сѣсть на равнинѣ близь Бенареса. Они рѣшились оставаться безъ пищи; такимъ образомъ они должны были ждать времени, когда голодъ сдѣлаетъ изъ нихъ триста тысячь труповъ или когда имъ будетъ оказано правосудіе.

Затрудненіе правительства дошло до крайности; голодъ конечно уморилъ бы большую часть сихъ несчастныхъ; продолжительное пребываніе подъ открытымъ небомъ, на влажной землѣ, должно было погубить остальныхъ. Прекращеніе деревенскихъ работъ въ самое важное время земледѣльческаго года угрожало голодомъ цѣлой провинціи. Съ другой стороны начальствовавшіе въ Бенаресѣ видѣли ясно, что ихъ власть навсегда ослабѣетъ, если имъ придется уступить подобнымъ угрозамъ.

Разразилась страшная буря, потоки воды залили толпу, почва, на которой они сидѣли, превратилась въ глубокую грязь. Голодъ начиналъ дѣйствовать; не только ожидали, но даже желали, чтобы онъ произвелъ свое опу-

стошеніе; это опустошеніе вовсе не измѣнило бы намѣренія индусовъ; но неожиданное обстоятельство перемѣнило все.

То, что сначала ускользнуло отъ всѣхъ, теперь пришло въ голову нѣкоторымъ. Они вздумали, что мѣстное начальство неможетъ отмѣнить этого налога, потому что онъ опредѣленъ генералъ губернаторомъ. Отсюда произошло измѣненіе въ томъ, что можно было назвать маневромъ дгурна. Депутаціи изъ шести тысячь человѣкъ поручено было явиться къ генералъ губернатору и хлопотать объ уничтоженіи налога. Дѣйствительно отъ двадцати до тридцати тысячь человѣкъ пустились въ путь въ Калькутту. Но дгурна должна была начаться вновь только въ томъ случаѣ, когда бы просьба была рѣшительно отвергнута генералъ губернаторомъ. Въ ожиданіи этого было запрещено ѣсть въ продолженіи дороги. Вскорѣ изъ депутаціи не осталось достаточнаго числа для продолженія дѣла. Правительство однакожъ тѣмъ не менѣе поняло, что было критическаго въ его положеніи, оно поспѣшило воспользоваться временемъ, остававшимся ему до назначенія новой дгурны; налогъ былъ уничтоженъ. Строгая мѣра, можетъ быть, погубила бы все или, по крайней мѣрѣ, повредила бъ всему; буря и отдаленность мѣстъ помогли англійской ловкости.

Въ Барельи обстоятельства почти подобныя произвели также страшное возмущеніе. Надо дивиться, что эти событія не послужили для англичанъ достаточнымъ урокомъ. Извѣстно, что гибельное послѣдствіе мѣры приписано было характеру туземнаго чиновника, которому было поручено собирать этотъ налогъ: но судить такъ значитъ смотрѣть близоруко и поверхностно.

Первая причина этого новаго возстанія была очень сходна съ причиной возстанія бенаресскаго; только ходъ его былъ совсѣмъ другой. Жители Барельи, сильно огорченные этимъ новымъ налогомъ, рѣшились стараться объ его отмѣнѣ посредствомъ общаго прошенія къ начальству округа. Прошеніе въ самомъ дѣлѣ было представлено и притомъ представлено муфтіемъ, но осталось безъ послѣдствій. Сильное волненіе распространилось по всему городу; случайное обстоятельство служило еще къ его усиленію. Одна женщина была ранена низшими полицейскими служителями, занимавшимися собираніемъ налога. Искры упали на порохъ; дѣло дошло до крайней степени ожесточенія. Произошла серьезная сшибка между отрядомъ войскъ и народомъ. Искуство, дисциплина восторжествовали надъ народнымъ неистовствомъ: но кровью куплена и дорого куплена эта побѣда. Жители уступили войскамъ, но уступили не

прежде, какъ отбитые въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ нападеніяхъ и оставивши на мѣстѣ двѣ тысячи убитыхъ и раненыхъ (*). Въ этомъ случаѣ мусульмане и индусы показали одинаковую готовность бороться противъ чужеземцевъ. Возмущеніе вспыхнуло съ быстротою и единодушіемъ непостижимыми. Твердость и счастіе правительства восторжествовали надъ нимъ; но тѣмъ не менѣе оно повлекло за собой послѣдствія страшныя; оно оставило въ провинціи неудовольствіе, общую нелюбовь къ англійскому правительству; оно посѣяло сѣмена возмущенія, которыя долго ждали и теперь еще ждутъ только случая, чтобы выростн. Въ продолженіи второй осады Бгуртпура толпы мусульманъ и индусовъ были готовы вооружиться; они и вооружились бы, еслибы эта осада кончилась также несчастливо, какъ первая. Правительство въ этомъ было увѣрено (**). Англійскіе историки, говоря объ общественномъ и полити-

(*) Malcolm. Polit. histor., t. I, p. 283.

(**) Маркизъ Гестингсъ, общее донесеніе: „нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ Мелькольмъ, что въ случаѣ если бы отрядъ капитана Боскейвна былъ побѣжденъ, то за нимъ тотчасъ послѣдовала бы общая рѣзня всѣхъ европейскихъ жителей провинціи, которые не успѣлибы во время попасть подъ защиту значительной военной силы.“ Polit. hist. t. I p. 584.

ческомъ состоянiи Индiи, съ содроганiемъ упоминаютъ о послѣднихъ событiяхъ. Здѣсь въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, яснѣе, чѣмъ гдѣ либо, оказалось, какiя опасности постоянно ихъ окружаютъ; поняли, что незнанiе и случай необходимо и главнымъ образомъ руководствова и англичанъ въ большей части ихъ дѣйствiй.

ГЛАВА VII.

Продолженiе тогоже предмета. Англiя завоеванная компанiею африканскихъ купцовъ.

Можетъ быть, будутъ дивиться чувствованiямъ, которыя мы приписали туземцамъ относительно англичанъ: но есть очень простое средство удостовѣриться, что чувствованiя эти покрайней мѣрѣ таковы, какъ мы ихъ представили, да и быть не могли другими. Если пейзажъ или картина намъ кажутся сбивчивыми, то мы обыкновенно перемѣняемъ точку зрѣнiя; всего чаще они представляются намъ тотчасъ во всей раздѣльности и со всѣми подробностями. Употребимъ подобное дѣйствiе въ другомъ порядкѣ идей. Предположимъ, что Англiя находится въ отношенiи другой земли точно въ томже положенiи, какъ Индiя въ отно-

шенія къ ней; предположимъ еще, что это положеніе установлено въ подобныхъ обстоятельствахъ, подобными средствами; чувствованія англичанъ въ этомъ случаѣ будутъ точь въ точь таковы, какія они сами могутъ надѣяться внушить жителямъ Индіи. Разовьемъ это предположеніе съ нѣкоторыми подробностями.

Въ началѣ послѣдняго столѣтія (*) компанія африканскихъ купцовъ получила отъ англійскаго правительства позволеніе, завести факторію на самой южной оконечности Англіи. Спустя нѣсколько лѣтъ, англійскій чиновникъ, обвиненный въ притѣсненіяхъ, бѣжалъ къ африканцамъ, и они отказались его выдать. Англичане овладѣли факторіею и забрали африканцевъ въ плѣнъ. Но чрезъ нѣсколько времени послѣ, африканцы, при помощи своего правительства, напали въ свою очередь на англичанъ и принудили ихъ уступить небольшую часть земли. Потомъ явился претендентъ, поддерживаемый довольно сильною партіею; африканцы приняли его сторону; для предмета, почти ничего незначущаго, они вступили въ споръ съ англичанами, низложили царствующаго государя и возвели претендента на его мѣсто. По прошествіи краткаго времени, этотъ

(*) Мы заимствуемъ основу этой идеи у сэръ-Джона Шора.

новый государь подвергся участи прежняго; въ свою очередь онъ былъ низложенъ и замѣщенъ новымъ претендентомъ; въ томъ и другомъ случаѣ африканцы имѣли ловкость, привлекать на свою сторону сильнѣйшихъ людей при дворѣ.

Африканцы, получая очень бѣдное жалованье отъ своихъ старшинъ, старались помочь этому посредствомъ торговли. Они просили у короля освобожденія ихъ собственныхъ товаровъ отъ таможенныхъ пошлинъ; они его заставили, сверхъ того, наложить очень значительныя пошлины на товары его подданныхъ. Это различіе, выгодное для африканцевъ, гибельное для англичанъ, произвело между сими послѣдними общую бѣдность; король, желая установить между ними равенство, уничтожилъ всѣ таможни. Африканцы поставили это ему въ вину. Послѣ нѣсколькихъ раздоровъ, они низложили короля и возвели на его мѣсто другаго по своему выбору. Этому они присовѣтовали распустить часть войска и ввѣрить защищеніе своей страны имъ, африканцамъ, съ тѣмъ однакожь, чтобы расходы лежали на немъ.

При задержкѣ жалованья у войскъ они вытребовали у короля уступку части его владѣній въ залогъ будущей правильной упла-

ты. Потомъ они лишили владѣній часть великихъ вассаловъ короны, то по причинѣ недостатка нѣкоторыхъ формальностей въ первоначальныхъ актахъ на владѣніе, то подъ предлогомъ невыполненія нѣкоторыхъ условій, когда то наложенныхъ на ихъ предковъ; въ вознагражденіе они дали имъ пенсіоны. Торжественно было обѣщано, что эти пенсіоны должны быть неизмѣнны и наслѣдственны; вышло то, что сперва они были уменьшены, вскорѣ потомъ уничтожены вовсе.

Поземельный налогъ, подъ правленіемъ африканцевъ, скоро достигъ до такой точки, на какой его еще никогда не видали. Большая часть владѣльцевъ, дошла до бѣдности, до нищенства; казначейство сверхъ того нашло себя въ необходимости продать съ акціона самую большую часть земли. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ не было, такъ сказать, ни одного имѣнія, которое бы осталось въ рукахъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Старыя фамиліи были уничтожены; новые владѣльцы почти въ цѣломъ составѣ набраны были изъ служителей африканцевъ. Если англійское народонаселеніе произносило какой нибудь ропотъ по поводу этихъ дѣйствій, ему отвѣчали: „прежнія правительства не дѣйствовали такимъ образомъ, правда, но они имѣли на это неотъемлемое право:

итакъ мы, африканцы, заступившіе ихъ мѣсто, пользуемся только своими законными правами.«

Они продолжали пріобрѣтать новыя земли тѣмиже способами, какими пріобрѣли первыя; они присоединяли себѣ безпрестанно округи за округами, графства за графствами; наконецъ настало время, когда они овладѣли всѣми землями Британіи. Они управляли ими также точно, какъ и пріобрѣли ихъ. Что касается до короля, тогда царствовавшаго, они назначили ему пенсіонъ, да и заперли его въ винздорскій замокъ.

Государь и вельможи, лишенные всякаго дѣйствительнаго могущества и даже блеска минувшаго, не имѣли болѣе никакихъ побужденій, которыя бы заставили ихъ развивать свои способности. Неминуемо они должны были скоро выродиться! сами они и ихъ семейства впали въ бѣдность и въ безсиліе. Африканцы тѣмъ не менѣе увѣряли, что положеніе ихъ гораздо лучше, чѣмъ было прежде; что намѣсто невѣрныхъ доходовъ они имѣли теперь вѣрные, по причинѣ твердости африканскаго владычества; что эти доходы доходили до нихъ безъ всякаго безпокойства съ ихъ стороны; что для этого ненужно было обезпечивать себѣ голоса нижней палаты, привлекать большинство палаты лордовъ и прочая.

Въ эпоху первыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, африканцы тамъ и сямъ оставили безъ измѣненія кой какіе законы, о существованіи которыхъ они незнали, кой какіе народные обычаи. Отъ времени до времени они вводили нѣкоторыя учрежденія своего собственнаго изобрѣтенія, потомъ, овладѣвши мало по малу сѣверными провинціями, Шотландіею, княжествомъ Валлійскимъ, Ирландіею, островами гебридскими, шетланскими и оркадскими, они пустили эти учрежденія въ ходъ, ни чуть не думая заботиться объ особенныхъ, различныхъ обычаяхъ жителей всѣхъ этихъ провинцій.

Съ начала африканцы оставили неприкосновенно мирные суды, ассизные суды и другія мѣстныя власти. Но потомъ туземцы показались имъ слишкомъ склонными къ подкупамъ и потому они думали, что неблагоразумно ввѣрять имъ даже малѣйшую должность; въ слѣдствіе чего они уничтожили всѣ эти національныя учрежденія; они замѣнили ихъ извѣстнымъ числомъ африканскихъ судей, исключительно обязанныхъ судить англичанъ. Одинъ судья, иногда съ помощникомъ (ассистентомъ) былъ назначенъ въ каждое графство; небольшое число туземцевъ должно было помогать ему въ его дѣйствіяхъ: этимъ туземцамъ дано было столь ничтожное жалованье, что только люди самыхъ низшихъ сословій могли имъ до-

вольствоваться. Каждый изъ этихъ судей имѣлъ подъ своимъ начальствомъ высшихъ констеблей, по одному на округъ (дистриктъ); всѣ эти африканскіе чиновники имѣли власть гораздо большую, чѣмъ англійскія начальства, мѣсто которыхъ они заступили. Эти суды и сами по себѣ немогли много значить, да сверхъ того африканцы распорядились, чтобы дѣла были производимы на французско-нормандскомъ языкѣ; наконецъ число этихъ судилищъ было очень незначительно по отношенію къ пространству земли и къ числу служителей ихъ вѣдомствъ; для малѣйшаго дѣла тяжущіеся должны были проѣхать двадцать миль, иногда сто и болѣе; (*) судебные сроки были пропорціональны этимъ разстояніямъ; самое малѣйшее дѣло требовало для заслушанія пятнадцати дней, трехъ недѣль; малѣйшій искъ, всего на все въ нѣсколько франковъ, оставался цѣлые годы въ ожиданіи перваго рѣшенія.

Африканцы очень плохо знали англійское законодательство; ихъ собственныя постановленія были многочисленны и запутаны и часто противорѣчили другъ другу; не смотря на все это, въ нихъ оставались нерѣшенными многіе случаи, именно тѣ, которые всего важнѣе были для англичанъ. Молодые африканскіе чи-

---

(*) Индійскіе округи часто обширнѣе англійскихъ графствъ.

новники 22 и 23 лѣтъ, не имѣя почти или вовсе опытныхъ свѣдѣній о странѣ и ея жителяхъ рѣшали всѣ дѣла, какъ имъ вздумается; одни руководствовались обычаями своей націи, другіе своимъ собственнымъ взглядомъ на вещи; часто они были въ очевидномъ противорѣчіи въ разсмотрѣніи тождественныхъ вопросовъ.

Впрочемъ эти африканцы, считая себя людми другой природы, гораздо высшей, чѣмъ природа англичанъ, обращались съ послѣдними легкомысленно и даже презрительно. У англичанъ явилась народная пословица, которая значила: „имѣть какое нибудь дѣло съ африканцемъ, значитъ напрашиваться на обиду.“ Въ самомъ дѣлѣ многіе изъ нихъ имѣли обыкновеніе бранить и даже бить своихъ людей за пустяки, часто за то одно, что тѣ не могли понять ихъ жаргона, смѣшаннаго съ дурнымъ англійскимъ языкомъ господъ. Долго пренебрегали они изученіемъ англійскаго языка и довольствовались двумя или тремя туземными переводчиками; потомъ ограничились тѣмъ, что научились кой какъ выражаться на дурномъ патуа, употребляемомъ чернью; они принимали къ себѣ служителей не только изъ самыхъ низшихъ слоевъ народа, но даже осужденныхъ судомъ, даже женщинъ развратной жизни. Что у нихъ не было никакой религіи, это, кажется, ясно изъ всего ихъ поведенія. Но не доволь-

ствуясь тѣмъ, что они ея не имѣли или не соблюдали, они любили сверхъ того смѣяться надъ религіею побѣжденнаго народа. Они входили въ церкви въ шляпахъ или дѣлали тысячу вещей тогоже рода.

Странное дѣло! Если пытались извѣстить африканцевъ, что ихъ владычество не нравится туземцамъ, одни изъ нихъ увѣряли, что это вещь невозможная; другіе шли еще дальше: они ставили это въ вину самимъ туземцамъ и увѣряли, что это доказательство испорченности ихъ характера, что англичане должны бы считать себя имъ обязанными; что до тѣхъ поръ англичане никогда не переставали ссориться между собой или съ своими сосѣдями, но что, по милости ихъ, африканцевъ, настало наконецъ время, когда они наслаждаются добрымъ и твердымъ правленіемъ, когда правосудіе воздается всѣмъ ипр. ипр.

Высокое мнѣніе африканцевъ о самихъ себѣ, ихъ превосходство, въ ихъ глазахъ неоспоримое, надъ европейскими племенами, видны были во всѣхъ ихъ сношеніяхъ съ англичанами. Никто изъ африканцевъ не сомнѣвался, что они сами созданы начальствовать, а англичане имъ повиноваться. Незная европейской цивилизаціи, понимая только, что она была несходна съ ихъ цивилизаціей, естественно, они не ставили

ее ни вочто. Генiй Шекспировъ, Мильтоновъ, Байроновъ, генiй Бэконовъ, Ньютоновъ, Локковъ не могли измѣнить этого мнѣнiя. Чуждые англiйскимъ учрежденiямъ, не зная относительнаго значенiя короны, палаты лордовъ, палаты депутатовъ; не проникавши никогда въ организацiю англiйскаго графства или муниципальныхъ корпорацiй, покрывающихъ землю Англiи; не слыхавши ничего ни о канцлерѣ двѣнадцати судей, ни о жюри, они добродушно вѣрили, что у англичанъ нѣтъ никакихъ средствъ получить правосудiе. Побѣды Марльборуга, Веллингтона и прочихъ, по ихъ мнѣнiю, нисколько не доказывали военнаго генiя ихъ подданныхъ, потому что съ тѣхъ поръ измѣнились и оружiе и тактика. Въ самомъ дѣлѣ они были гораздо выше англичанъ относительно военной организацiи: при помощи открытiя, сдѣланнаго однимъ ученымъ африканцемъ и много превосходящаго силу пороха, они разсѣевали безъ всякихъ усилiй многочисленные баталiоны англичанъ; пушки и ружья сихъ послѣднихъ ничего ни могли сдѣлать противъ этого страшнаго механизма, который, защищая совершенно фронтъ подобно крѣпости, покрывалъ въ тоже время огромное пространство горящей сѣрой и въ тоже время, тысячи пушекъ стреляющихъ съ помощiю пара въ десять разъ скорѣе нашихъ, пускали по сту ядеръ въ минуту каждая и пр. и пр.; всѣ эти причины заставляли

ихъ питать самое глубокое презрѣніе къ европейскому военному искусству. Принужденные необходимостію набирать солдатъ изъ своихъ подданныхъ, они пользовались ими какъ машинами; они заграждали имъ всю дорогу впередъ, препятствовали всякому развитію ихъ воинскихъ способностей. Еслибъ герцогъ Веллингтонъ служилъ въ ихъ арміи, то онъ остался бы во всю жизнь капраломъ, и притомъ такимъ капраломъ, съ которымъ бы обращались хуже, чѣмъ съ нашими капралами. Самые знаменитые англійскіе вельможи, потомки Сотерлэндовъ и Нортомберлэндовъ, принужденные бѣдностію, происшедшею отъ финансовыхъ мѣръ, принятыхъ африканцами, часто должны были избирать этотъ родъ занятій. Но тутъ происхожденіе, таланты, услуги ни въ какомъ случаѣ не могли дать имъ возможности перейдти эту демаркаціонную линію, которая, по мнѣнію обладателей, должна быть навсегда проведена между африканцами и англичанами.

При нуждѣ они приписали бы это отличіе самой рукѣ Провидѣнія, обращая въ свою пользу умозаключенія, которыми пользуется Монтескье, чтобы оправдать рабство негровъ въ сахарныхъ колоніяхъ. Они бы сказали: »у этихъ людей цвѣтъ кожи бѣлый, блѣдный, вмѣсто того, чтобъ быть блестящему цвѣту чернаго дерева; волосы у нихъ ровные и висящіе, вмѣ-

сто того, что быть прекрасно скурчавленными рукой самой природы; носъ прямой по линіи продолженія лба, вмѣсто того, чтобъ быть ему широко расплюснутымъ, распространившимся по лицу.... Какже моглибы они управляться сами собой? не счастіе ль для нихъ, что Провидѣніе поручило намъ объ нихъ заботиться?

ГЛАВА VIII.

О невыгодахъ англійскаго владычества для государствъ союзныхъ.

Туземныя государства, число которыхъ значительно, заключили съ англійскимъ правительствомъ трактаты, въ которыхъ между условіями самыми различными, всегда находится слѣдующее: что государь платитъ англійскому правительству *вспомогательную* сумму, на которую это правительству обязуется содержать извѣстное число войскъ въ его службѣ. Отсюда и названіе вспомогательнаго союза. Съ этой минуты правительство англійское беретъ въ свои руки всю военную власть. Оно командуетъ арміею, даетъ ей *жалованье*, учитъ ее, устроиваетъ, заставляетъ двигаться, какъ ему вздумается. Оно овладѣваетъ также направленіемъ сношеній

этого государства съ сосѣдними; вся переписка государя съ этими государствами производится не иначе, какъ черезъ посредство англійскихъ агентовъ. Въ замѣнъ того англійское правительство никакъ не мѣшается въ его внутреннее управленіе. Въ этомъ отношеніи государю предоставлена самая полная свобода. Однимъ словомъ, изъ трехъ элементовъ верховной власти, т. е. военнаго, политическаго и гражданскаго, англійское правительство овладѣваетъ двумя первыми, а послѣдній оставляетъ царствующему государю.

Такимъ образомъ верховная власть теряетъ весь свой блескъ въ глазахъ народа. Въ самомъ дѣлѣ чѣмъ сдѣлался государь? органомъ, посредникомъ иностраннаго угнетенія. Никогда и нигдѣ не бывало политическаго положенія болѣе несноснаго, болѣе роковаго.

Только начало этихъ вспомогательныхъ союзовъ можетъ объяснить намъ существованіе такой системы. Общественное мнѣніе въ Англіи энергически противилось всякому расширенію владѣній, всякому завоеванію. Тѣмъ не менѣе завоеваніе сдѣлалось закономъ, принципомъ, самою жизнію англійскаго могущества въ этой странѣ. Для него остановиться на семъ пути значило бы уничтожиться, убить себя. Войны родились изъ войнъ, чаще всего про-

тивъ воли тѣхъ, которые ихъ предпринимали, и расширеніе владѣній было неизбѣжнымъ ихъ слѣдствіемъ.

Принять во владѣніе эти земли, дѣйствовать прямо и такъ сказать, съ открытымъ челомъ, значило бы возбудить противъ себя всѣ предразсудки, всѣ мнѣнія Англіи; поднялась бы страшная буря негодованія; лордъ Уилльсли былъ поставленъ въ необходимость замаскировать завоеваніе подъ именемъ вспомогательнаго союза, т. е. сдѣлать сдѣлку между требованіями своего положенія и требованіями общественнаго мнѣнія. Дѣйствительно, въ глазахъ публики государи, заключившіе эти союзы, продолжали оставаться въ томже положеніи, какъ и прежде; ничто неизмѣнилось въ видимости, а на дѣлѣ вся власть перешла въ руки Англіи.

Въ политическомъ отношеніи вспомогательные союзы давали огромныя выгоды. Именно этимъ средствомъ лордъ Уилльсли окончательно основалъ индо-британскую имперію или покрайней мѣрѣ готовъ былъ основать послѣ пятнадцати послѣднихъ дней войны, когда онъ увидѣлъ себя принужденнымъ оставить Индію. Благодаря этимъ союзамъ, Англія съ самаго управленія лорда Уилльсли достигла бы того, чего достигла она нераніе, какъ пятнадцать лѣтъ спустя, проливъ много крови и рас-

точивъ много денегъ: „Зло состояло въ томъ, что для удовлетворенія предразсудковъ Англія сочла обязанностью ввести во многія государства Индіи рѣшительно самое худшее изъ всѣхъ правленій.“ (Миллъ).

Во всякомъ случаѣ, не смотря на всѣ политическія выгоды вспомогательныхъ союзовъ самъ лордъ Уилльсли не рѣшился бы, можетъ быть, ввести ихъ, еслибъ предчувствовалъ всѣ невыгоды, о которыхъ мы говорили. Но будущее во многихъ случаяхъ закрыто отъ глазъ законодателя также точно, какъ и отъ глазъ толпы. Сорокъ лѣтъ опыта обнаружили всѣ пороки этого уродливаго сочетанія двухъ противоположныхъ началъ, чужеземнаго владычества и туземнаго правленія, началъ не только противоположныхъ, но враждебныхъ, но противорѣчащихъ другъ другу, взаимно отталкивающихся всѣми сторонами, во всѣхъ точкахъ; началъ, которыя могутъ придти въ соприкосновеніе не иначе, какъ подъ желѣзной рукой всемощныхъ завоевателей. Сорокъ лѣтъ опыта, говоримъ мы, не оставили никакого заблужденія касательно этого дѣла; но въ минуту его учрежденія никто не могъ, также какъ и лордъ Уилльсли, угадать, что изъ него выдетъ въ будущемъ.

ГЛАВА VIII.

Выиграла или проиграла Индія въ матеріальномъ отношеніи подъ англійскимъ владычествомъ?

Этотъ вопросъ каждый часто предлагаетъ самъ себѣ; отъ разрѣшенія его естественно зависитъ благопріятное и неблагопріятное сужденіе объ англійскомъ правленіи въ Индіи.

Что касается до насъ, мы не можемъ допустить той мысли, что заслуга въ этомъ отношеніи правленія, недавно утвердившагося въ извѣстномъ народѣ, можетъ быть опредѣлительно оцѣнена. Обстоятельства совершенно независимыя отъ обладателей земли, иногда даже такія, которыя эти обладатели стараются устранить, могутъ произвесть матеріальное благосостояніе народа.

Въ другихъ случаяхъ напротивъ вся ловкость, вся благонамѣренность не могутъ бороться противъ обстоятельствъ сильно неблагопріятныхъ. Съ другой стороны нѣкоторые признаки, обыкновенно приводимые въ доказательство благосостоянія, вовсе не имѣютъ этого значенія. Сюда, по нашему мнѣнію, относится усиленіе народонаселенія и увеличеніе налога или государственныхъ доходовъ.

Въ Индіи напримѣръ налогъ, т. е. государственный доходъ въ земляхъ подвластныхъ правительству, увеличился со времени его утвержденія; но именно въ Индіи эти признаки теряютъ то значеніе, которое имъ придаютъ. Земли, которыми правительство британское овладѣвало посредствомъ завоеванія, всего чаще бывали опустошены и истощены войною; въ другихъ случаяхъ оно принимало ихъ открыто во владѣніе только послѣ продолжительнаго непрямаго управленія. Въ первомъ случаѣ миръ въ Индіи непремѣнно долженъ былъ принесть тѣже плоды, какъ и вездѣ, т. е. произвесть увеличеніе богатства; тоже самое вышло бы и подъ правленіемъ туземныхъ государей. Во второмъ случаѣ, т. е. когда открытое владычество заступало мѣсто тайнаго вліянія, естественно по тому, что мы выше сказали, должно было послѣдовать значительное улучшеніе въ положеніи страны. Съ другой стороны наконецъ англійская администрація, гораздо болѣе крѣпкая, имѣющая въ своемъ распоряженіи понудительныя средства болѣе энергическія, чѣмъ администрація туземная, естественно имѣла болѣе успѣха въ собираніи налога. Количество сахарнаго вещества извлекаемаго изъ тростника, подверженнаго давленію, зависитъ не единственно отъ свойства тростника, но и отъ силы давленія. Итакъ коллекторъ представляетъ

силу давленія а плательщикъ плодъ брошенный подъ прессъ фиска.

Этого мало. Возрастаніе дохода необходимо должно служить доказательствомъ противъ благосостоянія страны, если ея средства не могли возрасти въ одинаковой пропорціи. Если возрастаніе налоговъ свидѣтельствуетъ въ пользу благопріятнаго положенія страны, то это только тогда, когда онъ остается въ одинаковомъ отношеніи къ доходу народному. Но если вмѣсто пятой части поземельнаго дохода правительство будетъ требовать напр. четвертой, то очевидно, что происшедшее отсюда увеличиваніе доходовъ не будетъ служить доказательствомъ общаго богатства. Настоящая мѣрка благосостоянія страны заключается не въ томъ, что берутъ отъ плательщика, но въ томъ, что ему оставляютъ. А доходъ возрастающій въ Индіи подъ британскимъ владычествомъ, исключительно зависитъ отъ того, что берется отъ плательщика.

Усиленіе народонаселенія не можетъ также неоспоримо доказывать ни благосостоянія страны ни искусства правительства. Въ Бенгаліи напр. народонаселеніе возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ въ Англіи; можноль изъ этого заключить, что Бенгалія управляется лучше, чѣмъ Англія, и что народъ тамъ пользуется высшей степенью бла-

госостоянія? конечно нѣтъ. Причины надобно искать совсѣмъ въ другихъ фактахъ, т. е. въ плодородіи браковъ, въ возможности жить почти ничѣмъ, наконецъ въ этомъ страшномъ голодѣ, который, назадъ тому около шестидесяти лѣтъ, истребилъ, по показанію однихъ, треть, по показанію другихъ, половину всѣхъ жителей Бенгаліи. Извѣстно, что народонаселеніе, подобно жидкости, стремится наполнить пустоты, тамъ и здѣсь образующіяся: это явленіе также неопровержимое, какъ и неизъяснимое. Народонаселеніе несчастной Ирландіи учетверилось въ продолженіи полувѣка среди самой ужасной бѣдности, самыхъ плачевныхъ лишеній, въ которыхъ росло когда нибудь общество людей. Хижина поденщика прикрываетъ часто толпы дѣтей голодныхъ и живыхъ, которыхъ лишены самыя богатыя жилища.

Изъ этого приращенія народонаселенія происходятъ вмѣстѣ бѣдность страны и увеличеніе дохода. Въ самомъ дѣлѣ земледѣліе есть единственное средство существованія, доступное народонаселенію Бенгаліи и даже самой Индіи; отсюда происходятъ соперничества, возвышающія цѣну найма выше всякой мѣры, но въ тоже время погружающія въ бѣдность фермера, обязаннаго дѣлить на большое число часть сбора, которая ему остается за вычетомъ налога и издержекъ на обработку.

Другіе признаки къ несчастію болѣе значительно свидѣтельствуютъ о постепенномъ усиливаніи бѣдности въ Индіи. Тамъ не устроено ни одной мануфактуры, не сдѣлано ни одной промышленной попытки; предпринято устроить нѣсколько дорогъ, и то правительствомъ; таможенные доходы уменьшаются быстрѣе, чѣмъ возвышается государственный доходъ; прекрасныя кисеи въ Даккѣ болѣе не производятся, потребленіе дорогихъ шалей чрезвычайно уменьшилось: насилу изрѣдка встрѣтишь ихъ коегдѣ въ провинціяхъ принадлежащихъ Англіи; Дели, Агра, Коупуръ и другіе большіе города, составляющіе часть сихъ провинцій, лишены теперь драгоцѣнныхъ предметовъ, которые бывали тамъ нерѣдки и которые находятся и теперь въ другихъ большихъ городахъ Индіи, принадлежащихъ туземнымъ государямъ. Промышленность не обогатилась никакими усовершенствованіями: ткачь и до сихъ поръ употребляетъ безобразный станъ и толстый челнокъ, которымъ прежде дивились путешественники; деревенскія хижины безпрестанно разваливаются и не поправляются. Число людей, имѣющихъ возможность ѣздить на лошадяхъ и слонахъ, уменьшается, такъ сказать, въ глазахъ.

Бѣдность, нарумяненная, замаскированная въ трехъ столицахъ, какъ она бываетъ во

всѣхъ большихъ городахъ, оказывается ужасною, когда удаляешься отъ столицы всего на нѣсколько шаговъ. Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ присоединяется еще страхъ, внушаемый каждому правительствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ туземецъ мало полагается, въ отношеніи своей безопасности, на это правительство, и такъ мало, что при нуждѣ онъ одѣвается въ нищенское платье, единственное, въ которомъ онъ надѣется укрыться отъ притязаній своихъ иноземныхъ господъ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ. (*)

(*) Одиннадцатая подлинника. — Десятая книга, содержащая въ себѣ описание политическихъ отношений Индии къ смежнымъ съ нею государствамъ, выпущена переводчикомъ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

О средствахъ находящихся во власти Англіи къ смягченію страданій народовъ Индіи.

ГЛАВА I.

Какимъ образомъ всякая законодательная реформа должна приноровляться къ великимъ фактамъ, составляющимъ общественный бытъ и политику Индіи.

Жанъ Жакъ сказалъ: „тотъ, кто первый, обнесши поля плетнемъ или обрывши рвомъ, сказалъ: *это мое*, былъ истинный основатель человѣческаго общества.“

Въ самомъ дѣлѣ собственность осталась основаніемъ нашихъ обществъ; теченіе вѣковъ не вытѣснило ея, не вытѣснитъ, можетъ быть, никогда. Но если это такъ, если установленіе собственности и установленіе общества одно и тоже, значитъ, различные способы, по кото-

рымъ оно опредѣлялось въ послѣдующія времена, необходимо проводили самую рѣзкую черту устройства, организаціи этихъ обществъ. Если разсмотримъ напримѣръ съ нѣкоторымъ вниманіемъ общественное положеніе Индіи, если сравнимъ его съ общественнымъ положеніемъ другихъ странъ, то увидимъ съ перваго взгляда, что отличительный его характеръ есть именно устройство собственности. Тогда какъ повсюду въ другихъ странахъ земля раздѣлена на множество частей, принадлежащихъ множеству владѣльцевъ, въ Индіи, по праву и фактически, она вся принадлежитъ правительству. И другіе государи приписывали себѣ это право исключительной собственности земли. Мы видѣли это во Франціи и въ Англіи. Но въ Индіи это право столь могущественно, что превратилось въ фактъ.

Отсюда вышло, что въ Индіи правительство и народъ находятся совсѣмъ не въ тѣхъ отношеніяхъ между собою, какъ во всѣхъ другихъ странахъ; правительство относительно народа здѣсь тоже самое, что хозяинъ относительно своихъ фермеровъ: послѣдній старается отдать имъ въ наймы землю какъ можно дороже, потомъ взыскать договорную плату, вовсе не принимая на себя труда заботиться о благосостояніи и о положеніи кортомщика. Онъ старается только собрать свои деньги, и вовсе

не хочетъ думать, что часть этой цѣны, оставленная въ рукахъ воздѣлывателя, можетъ быть, принесла бы выгоды, болѣе или менѣе близкія, болѣе или менѣе значительныя сначала этому воздѣлывателю, а потомъ самому обществу.

Отсюда три главные факта, или, если угодно три, разныя стороны этого великаго основнаго факта сосредоточенія собственности въ рукахъ правительства; именно:

Что частная собственность въ Индіи не существуетъ;

Что все правленіе состоитъ въ сборѣ налоговъ;

Что почти весь доходъ государства состоитъ изъ налоговъ поземельныхъ.

Три факта существенные, неизмѣримой важности, которые составляютъ и направляютъ положеніе общественное, административное и финансовое индо-британской имперіи.

Мы представили это положеніе безъ горячности и безъ преувеличенія, стараясь оставаться въ предѣлахъ самаго полнаго безпристрастія. Мы видѣли невозможность для правительства подать помощь народонаселенію Индіи, покрайней мѣрѣ, если обстоятельства, въ которыхъ оно находится, не будутъ существенно измѣнены, по крайней мѣрѣ, если ему не удастся создать въ Индіи бытъ общественный, администра-

тивный и финансовый, отличный во всѣхъ отношеніяхъ отъ того, который существуетъ тамъ нынѣ. Всякая попытка политическаго преобразованія и улучшенія въ Индіи можетъ имѣть успѣхъ только подъ условіемъ:

Созданія, установленія частной собственности на обширномъ основаніи;

Замѣны другой системой правленія системы нынѣ существующей и основанной на сборѣ налоговъ;

Превращенія извѣстной, но необходимо значительной, части поземельнаго налога въ налогъ непрямой имъ въ налогъ на потребленіе.

Но если это единственное дѣйствительное средство противъ бѣдствій, противъ страданій народонаселенія Индіи, то правительство имѣетъ ли возможность имъ воспользоваться?

На этотъ вопросъ, необходимо представляющійся, мы не усомнимся отвѣчать утвердительно.

Правительство, по нашему мнѣнію, имѣетъ эту возможность, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, въ извѣстныхъ предѣлахъ; самая важность значенія собственности въ устройствѣ общественнаго быта служитъ этому доказательствомъ. Ибо, по тому самому, что правительство въ Индіи владѣетъ землею, оно владѣетъ также и огромною силою; всѣ жизнен-

ныя силы страны находятся, такъ сказать, въ его рукахъ. Оно можетъ дать имъ полную свободу дѣйствовать; оно можетъ уменьшить или уничтожить ихъ. Оно есть то самое для народовъ Индіи, что Провидѣніе для остальнаго міра. Этотъ налогъ, поглощающій цѣлость дохода, есть рычагъ, который можетъ поднять политическій міръ. Нѣкоторыя измѣненія въ системѣ сбора налога оказались достаточными для созданія аристократіи въ президентствѣ бенгальскомъ; другія создали фактически владѣльческую демократію въ Мадрасѣ; судите по этому о силѣ подобнаго орудія въ рукахъ власти, понимающей всю его значительность и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшившейся употребить его для блага народа, судьбы котораго ввѣрены ей Провидѣніемъ. Странное дѣло! лѣкарство противъ зла можетъ родиться изъ самой огромности зла.

Попытаемся объяснить себѣ выгоды, какія по нашему мнѣнію могутъ извлечь англичане изъ этого положенія, или лучше, какія мы желали бы, чтобы они извлекли.

Но прежде всего тосановимся нѣсколько минутъ на трехъ политическихъ и общественныхъ фактахъ, которые мы обозначили, и разсмотримъ ихъ отдѣльно одинъ послѣ другаго.

ГЛАВА VI.

Какимъ образомъ общественное и политическое положеніе Индіи состоятъ въ разладѣ съ законами политической экономіи. Отсутствіе частной собственности.

Поземельный налогъ, равняющійся цѣлости произведенія земли, доходящій до конфискаціи дохода владѣльца, т. е. до уничтоженія собственности, вотъ отличительная черта положенія Индіи.

Мы разсмотрѣли уже часть гибельныхъ послѣдствій, проистекающихъ изъ этого страннаго факта. Но чтобъ понять всю его важность, кажется, будетъ не лишнее пересмотрѣть его въ отношеніи къ общимъ законамъ политической экономіи, въ отношеніи къ законамъ произведенія и распредѣленія общественныхъ богатствъ. Этимъ сближеніемъ вопросъ объяснится гораздо полнѣй. Несогласіе между этимъ фактомъ, собственно принадлежащимъ Индіи, и этими общими законами дастъ намъ возможность заключить, что отсюда нельзя ожидать никакого хорошаго результата.

Общественное богатство, по ученію политической экономіи, проистекаетъ изъ трехъ

источниковъ: земледѣлія, промышленности, торговли.

Дѣятельность человѣческая, въ преслѣдованіи той великой цѣли, которая въ порядкѣ вещественной жизни поглощаетъ и увлекаетъ ее вполнѣ, въ произведеніи общественнаго богатства, является одновременною во всѣхъ трехъ сферахъ: въ трудахъ земледѣльческихъ, промышленныхъ, торговыхъ. Важно разсмотрѣть, какъ и въ какомъ порядкѣ.

Неизвѣстно, въ какую эпоху исторіи начинаются для народовъ труды земледѣлія. Прежде этой минуты бродили ли они въ продолженіи многихъ лѣтъ по поверхности земли, въ слѣдъ за многочисленными стадами, преслѣдовали ли дикаго звѣря быстрой стрѣлой или обманывали рыбу озеръ и рѣкъ съ помощію убійственнаго крючка? этого мы незнаемъ.

Но приходитъ минута, когда они дѣлаются осѣдлыми, требуютъ пищи отъ земли, погружаютъ желѣзо или твердое дерево въ нѣдра этой мачихи, которая дастъ питательный сокъ только изъ растерзанныхъ грудей; тогда связываются одно съ другимъ различныя звенья общественной жизни.

Долго эти первобытные люди ожидаютъ, стерегутъ жаднымъ, безпокойнымъ взоромъ,

жатву, которая должна слѣдовать за посѣвомъ. Долго, очень долго вещество, которое они извлекаютъ изъ земли, остается бѣднымъ и невѣрнымъ, долго оно едва можетъ быть достаточнымъ для укрѣпленія силы ихъ утомленныхъ рукъ, долго трудъ самый упорный едва можетъ прокормить трудящагося. Произведенія охоты и рыбной ловли, молоко и волна стадъ, эти пособія земледѣлія, съ начала оказываютъ ему только слабую помощь. Еслибы это положеніе дѣлъ сдѣлалось постояннымъ; если бъ каждый, посвящая все свое время и весь свой трудъ обработыванію полей, заботамъ о своихъ стадахъ, производилъ только то, чего необходимо требуютъ его собственныя нужды и нужды его семейства; еслибъ все то, что онъ произвелъ, потреблялось безъ остатка, то судьба такого общества состояла бы въ неподвижности на цѣлые вѣка. Не предвидится никакой перемѣны въ положеніи отдѣльныхъ лицъ, его составляющихъ.

Но приходитъ минута, когда произведеніе труда превышаетъ потребленіе. Съ тѣхъ поръ для народа, о первыхъ шагахъ котораго въ жизни общественной мы разсказываемъ, начинается новая жизнь; между членами этого общества есть нѣкоторые, произведенія труда которыхъ превышаютъ на извѣстное количество ихъ нужды. Имъ позволено питаться, одѣваться безъ

новыхъ трудовъ въ продолженіи большаго или меньшаго времени. По тойже причинѣ они имѣютъ въ своемъ распоряженіи извѣстное количество первоначальныхъ веществъ, солому, кожи дикихъ звѣрей, волну, полученную отъ ихъ стадъ ипр. Тогда между этими тружениками, которыхъ потъ былъ столь плодоносенъ, пробуждаются новые инстинкты. Нѣкоторымъ изъ нихъ придетъ мысль заготовить напередъ извѣстные сосуды, платья, орудія, чтобы снабдить себя ими на время болѣе продолжительное и не быть принужденными перерывать свои занятія въ другое время, менѣе благопріятное.

Отсюда или изъ тысячи подобныхъ предположеній самое грубое начало промышленности, теперь царствующей въ мірѣ. Правда, что послѣ этихъ первыхъ шаговъ успѣхи ея становятся тотчасъ быстрыми. Она обработываетъ, измѣняетъ тысячею способовъ первоначальное вещество; она скоро придаетъ ему цѣнность, въ сравненіи съ которою прежняя цѣнность его была вовсе незначительна. Со дня на день, она будетъ болѣе и болѣе господствовать надъ этимъ веществомъ, придастъ ему тысячу новыхъ формъ, приспособитъ его къ тысячѣ новыхъ употребленій.

Изъ промышленности раждается торговля почти также необходимо и въ тѣхже об-

стоятельствахъ, какъ самая промышленность родилась изъ земледѣлія. Мы сказали: труды земледѣлія или заботы о стадахъ, чрезвычайно выгодныя извѣстнымъ лицамъ, могли обратить ихъ дѣятельность на промышленность; изъ этихъ послѣднихъ тѣ, которыя имѣли возможность предаться приготовленію одеждъ, дѣланію домашнихъ утварей, или плуговъ, заступовъ, косъ, или также луковъ, стрѣлъ, колчановъ, иногда надѣлаютъ ихъ напередъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько нужно по самымъ наибольшимъ расчетамъ. Съ тѣхъ поръ между ними естественно, почти необходимо, заведется мѣна. Шерсть ягненка промѣнивается на заступъ или сошникъ плуга; лукъ и стрѣлы на такой предметъ, который для производителя остается ненужнымъ.

Каждый будетъ продолжать дѣлать то, что ему удалось въ первый разъ. Помощію произведеній своей собственной промышленности, онъ снабдитъ себя произведеніями промышленности другихъ. Эта мѣна сначала будетъ производиться натурою, а потомъ посредствомъ другаго продукта промышленности, способнаго представлять всѣ, т. е. посредствомъ золота и серебра, а еще позднѣе посредствомъ золота и серебра въ монетѣ. Производители или владѣльцы этихъ разныхъ продуктовъ промышленности будутъ жить въ разныхъ мѣстахъ.

Между ними тотчасъ установится посредникъ, т. е. торговля; родившись внутри каждаго изъ этихъ племенъ, она распространится подобнымъ образомъ къ другимъ племенамъ и такимъ образомъ поставитъ ихъ въ сношенія другъ съ другомъ.

Итакъ отсюда это великое и тройственны явленіе: произведеніе, кругообращеніе и распредѣленіе богатствъ. Земледѣліе, промышленность и торговля суть три орудія, съ помощію которыхъ оно совершается. Въ нашихъ преуспѣвшихъ обществахъ онѣ дѣйствуютъ въ одно время; но не такъ было сначала. Земледѣліе со всѣми второстепенными принадлежавшими къ нему трудами стало дѣйствовать прежде всѣхъ. Второе орудіе могло начать дѣйствовать только тогда, когда первое произвело уже избытокъ произведенія надъ потребленіемъ; этотъ избытокъ произвелъ промышленность и промышленность произвела торговлю; этотъ избытокъ далъ имъ средства обнаружиться. Результаты подобные, хотя и меньшей важности, моглибъ произойдти и тогда, когда бы охота или рыбная ловля произвели избытокъ произведенія надъ потребленіемъ. Мы приняли предположеніе не только не необыкновенное, но самое правдоподобное, говоря исторически.

Итакъ замѣтимъ этотъ фактъ, какъ очевидно общій, общественное развитіе посред-

ствомъ земледѣлія, промышленности или торговли могло начаться только въ ту важную, торжественную въ исторіи человѣческихъ обществъ минуту, когда продуктъ труда въ первый разъ превзошелъ на извѣстное время нужды трудящихся. Только въ эту эпоху истинно началась собственность если не въ принципѣ, то покрайней мѣрѣ на фактѣ; тогда человѣкъ въ первый разъ нашелъ возможность свободно располагать чѣмъ нибудь, чего онъ не могъ дѣлать прежде, потому что все, что онъ могъ имѣть до этого времени въ рукахъ, необходимо употреблялось но удовлетвореніе его собственныхъ нуждъ, слѣдовательно получало употребленіе, независимое отъ его воли.

Экономисты XVIII вѣка, по крайней мѣрѣ тѣ, которые исключительно носили это названіе, отрицали всякую производительную силу промышленности въ произведеніи народнаго богатства. Они разсуждали слѣдующимъ образомъ: „всякій предметъ искусства, принимая это слово въ самомъ обширномъ его значеніи, требуетъ для своего производства труда одного или нѣсколькихъ работниковъ, получающихъ плату по стольку то въ день. Итакъ пусть будетъ 60 дней работника, по два фр. въ день, что составитъ 120 фр.; это будетъ цѣна того или другаго предмета искусства. А по мнѣнію экономистовъ эта сумма едва можетъ быть достаточ-

ною для удовлетворенія первымъ потребностямъ работника въ продолженіи его работы. Итакъ она не производитъ ничего. Еслибъ тотже работникъ, прибавляютъ они, принялся за труды земледѣльческіе онъ, удовлетворилъ бы своимъ нуждамъ съ меншими издержками напримѣръ по 1 фр. въ день Итакъ онъ произвелъ бы цѣнность въ 60 фр. Подобнымъ образомъ разсуждали и о торговлѣ; и тамъ также находили, что трудъ едва удовлетворяетъ матеріальнымъ нуждамъ трудящагося.

Разсужденіе повидимому блестящее, однакожъ ошибочное. Вопервыхъ ничѣмъ не доказано, что работникъ потребляетъ цѣнность равную той, какую онъ производитъ. Можно представить много примѣровъ противнаго. Съ другой стороны, произведеніе земли далеко не соразмѣрно съ количествомъ употребленнымъ земледѣльцемъ; всего чаще употреблять на воздѣлываніе земли слишкомъ большое количество рукъ значитъ уменшать съ нея доходъ. Наконецъ экономисты допустили странную ошибку; они, не замѣтили, что производитель предмета какого нибудь искусства произвелъ не только то, что онъ долженъ потребить въ продолженіи своей работы, но и то, что осталось, какъ слѣдствіе этой работы. Этотъ предметъ искусства, разъ конченный, остается въ обществѣ и его цѣнность присоединяется тогда къ обществен-

ному капиталу націи. Онъ представляетъ тогда не только цѣнность грубаго матеріала, но и цѣнность, приданную ему рукою человѣка. Прокормивши того, кто надъ нимъ работалъ, этотъ предметъ присоединяется къ производительному капиталу общества. Итакъ если земледѣлецъ прибавилъ къ общественному капиталу 30 фр. то ремесленникъ въ извѣстныхъ случаяхъ прибавитъ 60 фр. (*)

Теперь мы видимъ и осязаемъ коренную причину бѣдствій и бѣдности Индіи. Такъ какъ поземельный налогъ поглощаетъ въ Индіи цѣлость произведеній земли, то земледѣліе находится здѣсь въ такомъ состояніи, въ какомъ оно находилось у первобытныхъ племенъ въ ту эпоху ихъ исторіи, когда трудъ доставлялъ средства удовлетворять первымъ нуждамъ трудящагося, но не болѣе. Избытокъ произведеній, пробуждающій промышленность и торговлю, здѣсь не существуетъ; избытокъ произведеній земли надъ потребностями воздѣлывателя употребляется на издержки правительства, т. е. на издержки непроизводительныя. (**) Это всемо-

(*) Это вовсе не напрасное отступленіе. Англійскіе публицисты относительно Индіи часто опираются на разсужденія французскихъ экономистовъ XVIII вѣка, между прочими Монтгомери Мартенъ.

(**) Тѣ изъ издержекъ правительства, которыя могли бы быть производительны, напр. жалованье, дѣлаются въ Англіи и для Англіи.

гущее средство развитія, прогресса, общественнаго улучшенія, которое политическая экономія называетъ производительнымъ капиталомъ, не существуетъ въ Индіи даже и въ зародышѣ. Дѣйствительно, этотъ производительный капиталъ есть собственность въ ея разнообразныхъ видахъ.

Одинъ изъ путешественниковъ самыхъ проницательныхъ, какихъ только раждали Франція и Европа, Бернье, не ошибался насчетъ причины бѣдности въ Индіи еще за два вѣка. Онъ писалъ: „это происходитъ отъ того, что всѣ земли суть собственность королей.“ (*) Въ другомъ мѣстѣ: „отъ этого именно эти азіатскія государства разрушаются передъ нашими глазами столь жалкимъ образомъ.“ (**)

(*) Bernier t. I. p. 512.

(**) Id. ibid. p. 517.

ГЛАВА III.

Продолженіе тогоже предмета. Правительство основанное на сборѣ налоговъ.

Недостатокъ матеріальной силы и нравственнаго вліянія, печальный удѣлъ правительства имперіи индо-британской, уже показанъ! впрочемъ не лишнее обратиться на нѣсколько минутъ къ этому предмету и разсмотрѣть его съ точки зрѣнія болѣе спеціальной, болѣе технической, проникнуть въ него глубже.

Совѣтъ владѣльцевъ и совѣтъ директоровъ суть въ одно время вершина и основаніе индо-британскаго зданія. Это правленіе образовано не такъ какъ должно быть, не такъ какъ образовано до извѣстной степени всякое другое правленіе, т. е. въ обоюдныхъ интересахъ правящихъ и управляемыхъ: оно устроено единственно въ интересѣ первыхъ. Отсюда произошло то, что оно все состоитъ въ сборѣ доходовъ. Сборъ доходовъ былъ не только его основаніемъ, фундаментомъ, главною частью; онъ былъ цѣлымъ правленіемъ, составлялъ его вполнѣ; все остальное было только придаточное: отсюда еще публичный механизмъ также новый, также единственный въ исторіи міра, какъ и обстоятельства, среди которыхъ онъ родился.

Компанія, пріобрѣтши девани трехъ провинцій, Бенгаліи, Багара и Ориссы, начала тогда только вступать въ сношеніе съ своими новыми индусскими подданными. Четыре коллектора въ 1772 г. посланы были для обревизованія условій, на основаніи которыхъ земли были отдаваемы въ наемъ; они сдѣлались первыми посредниками между правительствомъ и народомъ. Число коллекторовъ скоро увеличилось. Президентство бенгальское было раздѣлено на шестдесятъ шесть округовъ, мадрасское на двадцать пять, бомбейское на двѣнадцать. Въ каждомъ изъ этихъ округовъ или коллекторатствъ былъ назначенъ коллекторъ. Въ каждомъ также, или покрайней мѣрѣ въ большей части изъ нихъ, поставленъ судья. Наконецъ, какъ первое условіе для сбора налоговъ состоитъ въ нѣкоторомъ порядкѣ, господствующемъ въ обществѣ, устроена была система полиціи сходная съ англійскою и состоящая изъ людей, называемыхъ магистратами. Но такъ какъ расчеты не позволяли назначить чиновниковъ для этихъ должностей, то сначала ограничились учрежденіемъ самыхъ должностей. Сначала эти должности были предоставлены судьѣ, теперь онѣ предоставлены коллектору. Итакъ коллекторъ есть основаніе, краеугольный камень правительственнаго зданія; власть магистрата въ его рукахъ даетъ ему только однимъ средствомъ больше къ собиранію податей.

Слабость этого правительственнаго зданія оказывается очевидно при одномъ соображеніи его средствъ съ цѣлью, которой оно должно достигнуть. Президентство бенгальское напримѣръ, не считая нѣкоторыхъ новыхъ пріобрѣтеній, въ то время, когда, сэръ-Джонъ Шоръ производилъ вычисленія, простиралось на 22000 квадратныхъ миль; въ немъ было 234,000 городовъ и селеній; народонаселеніе доходило до 50,000,000 слишкомъ: положимъ его въ 50,000,000. Изъ чего состояло финансовое, судебное и полицейское учрежденіе, долженствовавшее управлять этимъ страннымъ народонаселеніемъ? судебное учрежденіе состоитъ изъ 49 судей, каждый изъ этихъ судей имѣетъ слѣдовательно въ своемъ вѣдѣніи пространство земли въ 4480 квадратныхъ миль, т. е. провинцію въ семдесятъ миль длины и въ шестдесятъ ширины; 4775 городовъ или селеній, съ народонаселеніемъ до милліона и болѣе жителей, что среднимъ числомъ равняется народонаселенію нашихъ трехъ департаментовъ. Впрочемъ этотъ случай самый обыкновенный. Пространство вѣдомства нѣкоторыхъ судей гораздо значительнѣе. Судья, имѣющій пребываніе въ Динагпурѣ, завѣдываетъ округомъ въ 6000 кв. м., содержащимъ болѣе 12000, городовъ и селеній, и народонаселеніе болѣе 2,700,000 душъ. Другой судья, живущій въ Баджахалѣ, считаетъ въ своемъ вѣдомствѣ не менѣе 4 мил. душъ. Итакъ первый изъ этихъ

судей находится въ положеніи чиновника, который одинъ долженъ былъ бы завѣдывать производствомъ двѣнадцатой или тринадцатой части Франціи т. е. шести или семи нашихъ департаментовъ; вѣдомство втораго соотвѣтствуетъ девятой части народонаселенія Франціи, осми или девяти нашимъ департаментамъ; вѣдомство послѣдняго по народонаселенію вдвое болѣе цѣлой Шотландіи. (*)

Число коллекторовъ было немножко больше, чѣмъ число судей. Въ 1827 г. число ихъ простиралось до 72; каждый изъ этихъ коллекторовъ или коллекторскихъ помощниковъ имѣлъ подъ своимъ вѣдѣніемъ пространство земли въ 3548 квадратныхъ миль, съ 3772 селеніями или городами, съ народонаселеніемъ въ 800000 душъ т. е. почти равнымъ народонаселенію двухъ нашихъ департаментовъ.

Притомъ обязанности магистрата, столь же сложныя, какъ обязанности судьи или коллектора, соединены были нѣкогда съ должностью перваго, а теперь съ должностью втораго; они удвоютъ тяжесть бремени уже подавляющаго, для котораго недостаточно никакихъ человѣческихъ силъ.

Неудовлетворительность этого правительственнаго механизма становится еще яснѣе, если

(*) Shore t. I. p. 187.

разсмотрѣть его сравнительно съ каждымъ другимъ, напримѣръ съ механизмомъ правленія одного изъ нашихъ французскихъ департаментовъ, англійскаго графства или нѣмецкаго округа. Въ первомъ случаѣ административная власть находится въ рукахъ префектовъ и меровъ. При каждомъ изъ этихъ чиновниковъ находится совѣтъ, назначаемый жителями: общій совѣтъ, окружной совѣтъ, муниципальный совѣтъ. О главныхъ дѣлахъ департамента разсуждается сверхъ того въ совѣтѣ префектуры. Судебная система составляется изъ разныхъ степеней судилищъ, изъ мирныхъ судей, изъ правительственнаго суда, суда первой инстанціи, аппелляціоннаго суда. Уголовное судопроизводство имѣетъ совершенно отдѣльную организацію. При каждомъ изъ этихъ судовъ, публичное министерство представляетъ общіе интересы общества. Адвокатамъ поручается защищеніе интересовъ частныхъ лицъ. Въ распоряженіи полиціи находится множество чиновниковъ, покрайней мѣрѣ по одному полицейскому коммиссару на округъ; значительная военная сила, жандармы, находятся всегда въ распоряженіи полиціи, также какъ и въ распоряженіи судебныхъ мѣстъ. Собраніе разныхъ налоговъ, поземельнаго, съ оконъ и дверей и проч. производится также нѣсколькими управленіями: генеральный пріемщикъ, окружные пріемщики, приходскіе пріемщики. Непрямые налоги собираются упра-

вленіями полными и организованными. Военная власть во многихъ случаяхъ присоединяется къ власти гражданской. Проникая всюду, она всюду даетъ администраціи необходимыя для ней силы. Наконецъ ниже всего этого правительственнаго механизма находится администрація муниципальная, о которой мы уже говорили по отношеніямъ ея къ администраціи общей. Въ каждомъ приходѣ (commune) эта администрація сама по себѣ достаточна для составленія административнаго цѣлаго, маленькаго правительства. Среднее число народонаселенія нашихъ департаментовъ около 500,000 душъ. Весь этотъ обширный снарядъ, весь этотъ административный механизмъ, назначенъ единственно для исполненія дѣла гораздо меньшаго, чѣмъ дѣло, порученное въ Индіи одному судьѣ и одному коллектору.

Сравненіе Индобританскаго коллекторатства съ каждой другой административной единицей Европы, дало бы результаты тогоже рода. Округъ въ Германіи, графство въ Англіи и Ирландіи представляютъ, подъ различными формами, обширную и полную систему администраціи и судопроизводства. Въ Англіи, гдѣ администрація, менѣе систематическая, даетъ самое обширное поле дѣйствія отдѣльнымъ лицамъ, тѣмъ не менѣе находится въ графствѣ лейтенантъ, мирный судья, шерифъ и проч.

которые представляютъ подъ разными титулами центральную власть. Имъ помогаютъ разные чиновники: собранія разныхъ степеней созываются попеременно въ определенныя времена года, когда идетъ дело объ интересахъ минуты. Подле этого стоитъ администрація юстиціи, имеющая свою сферу действія. Наконецъ въ Англіи, также какъ въ Германіи и Франціи, все это основывается на обширной системе администраціи муниципальной; впрочемъ мы не приводимъ формъ этого устройства, более или менее полныхъ, более или менее сложныхъ, но въ сущности представляющихъ одно и тоже.

Вещественная слабость индобританскаго правительства или недостаточность для той цели, которую оно должно преследовать обнаруживается сама собою изъ всего предъидущаго.

Впрочемъ она объясняется самымъ началомъ этого правленія и его целью. Четыре коллектора, назначенные въ 1772 г. и размножившіеся потомъ до 49, составляли единственную существенную часть этого правленія. Другіе чиновники, также очень малочисленные, были въ собственномъ смысле коллекторскіе помощники; по крайней мере ихъ главное дело состояло въ томъ, чтобы облегчать сборъ налоговъ Малочисленность сихъ чиновниковъ, не смотря на кажущуюся несообразность съ целью, которой они должны были достигать, объясняется

однакожъ самою мыслію ихъ учрежденія. Число ихъ было мало по двумъ причинамъ: вопервыхъ потому, что это было дешевле, вовторыхъ потому, что въ этомъ случаѣ они могли получать большое жалованье. Ихъ власть должна была сдѣлаться огромной, потому что она составляла единственное средство, какое только имѣло правительство, къ извлеченію большаго количества золота и серебра изъ страны, такъ быстро подпавшей подъ его владычество; съ другой стороны туземцы необходимо были удалены отъ всѣхъ сколько нибудь выгодныхъ должностей, потому что жалованье, которое бы въ этомъ случаѣ должно платить имъ, считалось ущербомъ въ доходахъ компаніи. Едва нѣкоторые изъ нихъ были терпимы въ должностяхъ низшихъ, незначительныхъ, съ наименьшимъ окладомъ, однимъ словомъ, въ устроеніи этого страннаго правленія соблюдаемъ былъ единственный интересъ, интересъ компаніи. Интересъ туземцевъ былъ принесенъ въ жертву и, что всего страннѣе, совершенно забытъ и притомъ добросовѣстно. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ, мы видимъ народонаселеніе въ 100 милліоновъ душъ управляемыхъ, судимыхъ, исключительно въ интересѣ нѣсколькихъ сотъ купцовъ, живущихъ на разстояніи 3000 льё.

Итакъ правительство Индіи выходитъ не изъ почвы, не изъ нѣдръ земли, къ управленію

которой оно призвано; оно вышло изъ лондонскаго Сити, такъ сказать, вполнѣ образованное, ищущее на удачу какихъ нибудь точекъ опоры, остающееся и донынѣ большею частію *въ воздухѣ*.

Мы уже показали невыгоды нравственныя и политическія, неизбѣжно проистекающія изъ этого страннаго устройства. Но мы хотѣли показать его слабость, такъ сказать, осязательно, частію сравнивая его съ системами правленія и администраціями другихъ странъ, частію разсматривая дѣло, которое оно должно выполнить; это было необходимое вступленіе, потому что послѣ мы намѣрены разсмотрѣть, нѣтъ ли какого средства помочь такому состоянію дѣлъ.

ГЛАВА IV.

Продолженіе тогоже предмета. Увеличеніе поземельнаго налога.

Такъ какъ земля въ Индіи есть единственный предметъ, который можно обложить налогомъ, то правительство беретъ съ нея почти всѣ суммы, потребныя для его расходовъ. Такимъ образомъ поземельный налогъ одинъ

представляетъ самую значительную часть доходовъ индобританскаго правительства.

Впрочемъ нѣкоторые англійскіе публицисты одобряли этотъ родъ налоговъ въ немъ самомъ; они защищали его независимо отъ обстоятельствъ, которыя могли сдѣлать его необходимымъ въ Индіи. Одинъ изъ нихъ, оффиціальный апологистъ правительства компаніи, говорилъ: „въ земледѣльческой странѣ, какова Индія, наибольшая часть налога окончательно неминуемо падетъ на землю. Итакъ чрезвычайно выгодно, чтобы источникъ, изъ котораго проистекаетъ государственный доходъ, находился какъ можно ближе, какъ можно непосредственнѣе. Французскіе экономисты и нѣкоторые изъ ихъ учениковъ не доказывали ли что всякій налогъ окончательно падаетъ на землю? Если это справедливо хоть отчасти, то какже могло быть, чтобъ система налоговъ, употребительная въ Индіи, не принесла пользы Европѣ.“ (*) Идея одного налога, назначеннаго для замѣны всѣхъ другихъ, и частію осуществленная въ Индіи, обольстила дѣйствительно европейскихъ экономистовъ. Вобанъ одинъ изъ первыхъ пустилъ ее въ ходъ. Въ своей Dixme royale онъ предлагаетъ уничтоженіе всѣхъ другихъ налоговъ посредствомъ

(*) Montgomery - Martine p. 248—9.

единственнаго налога, который составлялъ бы десятую часть дохода. Вобанъ, одинъ изъ талантовъ самыхъ изобрѣтательныхъ и вмѣстѣ съ тѣхъ самыхъ практическихъ, былъ пораженъ недостатками и въ особенности огромными издержками, съ которыми было сопряжено собираніе налоговъ при Людовикѣ XIV. Государство было на арендѣ у собирателей; огромные налоги тяготѣли надъ народомъ, но изъ нихъ только малая часть поступала въ казну. Остальное употреблялось на издержки сбора или составляло незаконную выгоду фермеровъ. Напримѣръ въ 1818 г., спустя двадцать лѣтъ послѣ того, какъ писалъ Вобанъ, для сбора однихъ соляныхъ пошлинъ употреблялось не менѣе 80,000 человѣкъ. Сборъ другихъ налоговъ не былъ ни легче ни дешевле. Итакъ главная цѣль Вобана состояла въ уничтоженіи всѣхъ посредниковъ, равно раззорительныхъ для государства и для плательщиковъ.

Но тогда какъ Вобанъ старался въ особенности объ уничтоженіи злоупотребленій въ системѣ сбора налоговъ, существовавшихъ въ его странѣ, экономисты пошли гораздо дальше. Они говорятъ: „что хотите вы получить посредствомъ этого распоряженія, столь угрожающаго и столь опаснаго? *деньги.* Съ чего хотятъ взять эти деньги? съ произведеній отъ земли? итакъ черпайте прямо лучше изъ источника и

требуйте раздѣла ровнаго, чистаго и пропорціональнаго чистому доходу съ земли". (*) Съ одной точки зрѣнія справедливо, что все происходитъ отъ земли; но вовсе несправедливо то, что будто ничто, вышедшее разъ изъ земли, не пріобрѣтаетъ болѣе цѣнности, что и составляло ошибку экономистовъ: а поэтому они отрицали производительность промышленности и торговли и приписывали ее исключительно земледѣлію. Они заключали отсюда, совершенно послѣдовательно, объ удобствѣ налоговъ на первоначальные матеріалы, которые по ихъ мнѣнію единственно имѣютъ дѣйствительную цѣнность даже на самомъ мѣстѣ своего произведенія. Мы уже показали съ теоретической точки зрѣнія, до какой степени это разсужденіе ошибочно, но къ этому мы можемъ прибавить еще множество фактическихъ доказательствъ.

Ученіе экономистовъ сильно отозволось на трибунѣ генеральныхъ штатовъ. Единственный налогъ на земли тамъ часто былъ предлагаемъ, Артуръ Юнгъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ умовъ, съ глубокимъ знаніемъ политической экономіи, писалъ по этому случаю:,, мы въ состояніи переносить наши налоги (въ Англіи), устроенные какъ они теперь есть;

(*) Arthur Young, p. 486. Letronne, t. I. p. 323.

но еслибъ они превратились въ одинъ поземельный налогъ, то земледѣліе получило бы отъ этого смертельный ударъ и нація была бы совершенно раззорена.« (*) Неккеръ доказывалъ съ своей стороны, что для обращенія различныхъ налоговъ, существовавшихъ тогда во Франціи, въ одинъ налогъ необходимо было бы обложить фонды двадцатью осмью двадцатыми пошлинъ, т. е. цѣлою третью выше цѣнности ихъ чистаго продукта.

Артуръ Юнгъ дѣлаетъ еще подобныя замѣчанія. По его мнѣнію поземельный доходъ Англіи превышалъ только одной пятой общую сумму налоговъ, но если къ этой суммѣ прибавить сборъ для бѣдныхъ и сборъ десятинный, то она будетъ выше поземельнаго дохода. (**) Финансовое положеніе Франціи теперь, кажется, такоеже. Доходъ по бюджету нашихъ издержекъ восходитъ до 1404 мил. съ другой стороны поземельный доходъ Франціи можно положить въ 1500 мил. фр. (***) Въ случаѣ еслибъ ученіе экономистовъ было основательно; еслибъ всѣ налоги окончательно падали на землю, то Англіи за уплатою налоговъ, во время Ар-

---

(*) Arthur Young p. 488.

(**) Id. p. 489.

(***) D'Audiffret.

тура Юнга не осталось бы ничего; Франція въ наше время имѣла бы только 26 мил. на всѣ издержки, на проценты съ производительнаго капитала и проч. и проч. предположеніе, которое представляется само собой.

Поземельный налогъ самъ по себѣ имѣетъ еще много другихъ неудобствъ, которыя становятся очень важными, какъ скоро онъ будетъ преувеличенъ. Продолжительный опытъ показалъ чрезвычайную трудность достигнуть точнаго познанія свойствъ земли; отсюда дѣйствительное неравенство при кажущемся равенствѣ налоговъ на землю. Если они взимаются натурою съ грубыхъ произведеній, то они въ десять разъ больше на дурной землѣ, чѣмъ на хорошей; часть, принадлежащая государству, перестаетъ быть соразмѣрною съ расходами, необходимыми для производства этого продукта. Если онъ полагается на чистый доходъ, тутъ необходимо вмѣшается безконечное число обмановъ, Примется ли кадастръ за основаніе налога, неудовлетворительность этого средства окажется на первомъ шагу, какъ только налогъ сдѣлается сколько нибудь значительнымъ.

Кадастръ въ самомъ дѣлѣ предполагаетъ постоянную цѣну земли, которая, также какъ и всякая другая цѣна, если не болѣе, измѣняется. И такъ поземельные налоги соотвѣтствуютъ

только номинальной цѣнности владѣній; настоящая цѣнность не можетъ быть опредѣлена; она измѣняется, то залогами, то трудностями обработки, которыхъ нельзя исчислить съ достаточною точностію. Отсюда всякій поземельный налогъ самъ въ себѣ уже содержитъ неравенство, дѣлающее его тяжкимъ и раззорительнымъ для большаго числа. Эти невыгоды не производятъ значительнаго дѣйствія тамъ, гдѣ поземельный налогъ составляетъ только небольшую часть общаго государственнаго дохода, какъ напримѣръ въ Европѣ; но онѣ яснѣе обнаруживаются съ тѣхъ поръ, какъ налогъ получаетъ приращеніе.

Поземельный налогъ самъ по себѣ и во всѣхъ странахъ представляетъ еще другое неудобство; собираніе его дорого, трудно и сложно. Поземельный владѣлецъ обязанъ платить свою часть налога не тогда, когда это ему удобно, какъ потребитель въ налогѣ косвенномъ, но когда нужно для фиска. О его удобствахъ вовсе не спрашиваютъ. Пусть онъ не продалъ своего хлѣба, изъ котораго онъ получаетъ свои единственные доходы, тѣмъ не менѣе онъ долженъ заплатить налогъ. Пусть земля вмѣсто того, чтобъ принести ему выгоду, приноситъ наоборотъ убытокъ, какъ это часто случается; всеже таки онъ долженъ заплатить туже сумму и въ тоже время. Правда, если десятина бе-

рется натурою, то уничтожается часть этихъ неудобствъ; но остаются неудобства другаго рода, и самое главное то, что для собиранія этого налога требуется огромное число чиновниковъ. Съ высшей точки зрѣнія поземельный налогъ имѣетъ тотъ главный порокъ, что законодатель ни почему незнаетъ степени, на которой онъ становится тягостнымъ и раззорительнымъ. У владѣльца нѣтъ никакихъ средствъ скрыть отъ глазъ фиска луговъ, полей или виноградниковъ.

Чрезвычайная простота, увлекавшая нѣкогда въ его пользу многихъ, можетъ быть также причислена къ неудобствамъ поземельнаго налога. Произведеніе, обращеніе, распредѣленіе общественнаго богатства суть явленія очень сложныя и очень разнообразныя. Налогъ, который окончательно есть средство, преслѣдовать и настигать это богатство повсюду, гдѣ только оно является, движется или останавливается, налогъ, говоримъ мы, не можетъ быть столь гибкимъ, пускаться въ пути слишкомъ различныя, принимать на себя формы самыя разнородные. Слишкомъ большая простота его напротивъ есть ясный знакъ, что, пренебрегая всѣми этими предосторожностями, онъ замѣчаетъ общественное богатство только съ одной стороны, настигаетъ его только въ одномъ мѣстѣ, къ великому ущербу тѣхъ

которые въ этомъ мѣстѣ, въ эту минуту суть производители или владѣльцы.

ГЛАВА V.

О средствахъ помочь бѣдствіямъ Индіи. Созданіе частной собственности.

Грубыя произведенія земли дѣлятся на три различныя части, которыя можно почесть равными между собой: первая употребляется на издержки обработыванія, вторая на содержаніе и на жалованье землевоздѣлывателю, третья составляетъ доходъ владѣльца. Эта послѣдняя цифра, помноженная на извѣстное число, на 15, 20, 25, выражаетъ общую цѣнность имѣнія, цѣнность самаго капитала. Очевидно, что эта цѣнность доходитъ до нуля, какъ скоро доходъ равняется нулю.

А британское правительство въ Индіи беретъ съ валоваго дохода земли не одну треть, т. е. $33\frac{1}{3}$ процента, но $45\frac{0}{0}$ т. е. почти половину. Итакъ оно есть единственный владѣлецъ. Оно есть владѣлецъ извѣстнаго капитала, составляющаго произведеніе 45 помноженныхъ на извѣстное число. Въ этомъ сущность политическаго и общественнаго положенія Индіи. Вла-

дѣетъ правитетьство, а не подданный. Съ дуугой стороны мы показали въ бѣгломъ обзорѣ, что тройственный механизмъ произведенія общественнаго богатства посредствомъ земледѣлія, промышленности и торговли предполагаетъ для своего осуществленія существованіе частной собственности, другими словами, избытокъ произведенія надъ потребленіемъ. Если нѣтъ этого всемогущаго двигателя, то всѣ три орудія остаются безъ дѣйствія, неподвижно и безплодно. Итакъ мы основательно заключили, что единственное средство помочь бѣдности Индіи, состоитъ въ измѣненіи главнаго факта ея положенія. Надобно поставить ее въ положеніе сходное съ другими странами, въ которыхъ процвѣтаютъ богатство и благосостояніе; надобно перемѣстить собственность, хотя отъ части отнять ее изъ рукъ правительства и передать въ руки частныхъ лицъ; однимъ словомъ, создать въ пользу туземцевъ частную собственность, т. е. избытокъ произведенія надъ потребленіемъ.

Какимъ образомъ достигнуть осуществленія этого исполинскаго плана? Какимъ образомъ переломить этотъ пучекъ собственности, соединенной теперь въ рукахъ правительства? Какимъ образомъ разметать по почвѣ, такъ чтобы его обломки достались въ тысячи или милліоны рукъ? какимъ образомъ измѣ-

нить въ корнѣ безъ потрясеній и общественныхъ переворотовъ ходъ дѣлъ, установившихся вѣками? Никогда и нигдѣ не представлялося для государственнаго человѣка задачъ съ столь огромными послѣдствіями.

Но отъ огромности задачи было бы несправедливо заключать къ невозможности ея рѣшенія. Постараемся объяснить какъ можно короче. Въ самомъ дѣлѣ англійскому правительству представляется три средства къ достиженію этой цѣли: продажа части земель, которыми оно владѣетъ; сложеніе части налога, уступка землевоздѣлователямъ части земель, находящихся въ залежи, на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ они владѣютъ землями теперь.

Первое средство, т. е. продажа извѣстной части земель Индіи, не во власти правительства. Земледѣльцы не только не въ состояніи сберечь капитала, необходимаго для подобной покупки, но едва въ состояніи жить день за день или лучше сказать совсѣмъ не умереть съ голоду. Притомъ правительство, продавая часть земель, отказалось бы или должно было отказаться отъ части дохода, который онѣ даютъ ему. Какъ же помочь этому? издержки ежегодныя, стало быть нужны и ежегодные доходы. Куда бы помѣстило оно капиталъ, выру-

ченный изъ этой продажи? это привлекло бы новыя затрудненія, предполагая гипотезу осуществимою. Но какъ мы сказали, она неосуществима; теперешніе владѣльцы никакъ не могутъ сберечь капитала необходимаго для этой покупки. Попытается ли правительство повѣрить въ томъ содержателямъ, сдѣлавшимся владѣльцами? согласится ли оно разсрочить уплату на нѣсколько лѣтъ? затрудненіе будетъ тоже, какъ и прежде. Если фискъ отбираетъ отъ нихъ все то, что они производятъ, то чѣмъ же онѣ будутъ выплачивать этотъ погодный долгъ? Второе средство, т. е. сложеніе части налога съ ежегодныхъ доходовъ, не болѣе исполнимо. Поземельный налогъ простирается до 350 мил. фр.; предположимъ, что изъ него сложена треть или менѣе трети 100 мил.; очевидно, что это составитъ частную собственность. Эта собственность, перемноженная но 20, даетъ капиталъ въ два милліарда, выражающій цѣнность частной собственности, созданной въ одинъ разъ, Эта сумма въ 100 мил., оставаясь въ рукахъ нынѣшнихъ содержателей земли, выразила бы ихъ ежегодный доходъ. Цѣлый классъ владѣльцевъ ожилъ бы. Но какимъ образомъ правительство восполнитъ этотъ ежегодный дефицитъ въ своемъ бюджетѣ? мы видѣли, что оно отказывалось отъ самыхъ малѣйшихъ уменшеній доходовъ, представленныхъ необходимыми его собственными агентами.

Сказать правду, настоящее положеніе его финансовъ, уже теперь не позволяетъ ему больше поддерживать политическаго учрежденія, которое однакожъ не можетъ удовлетворить потребностямъ его положенія.

Третье средство состоитъ, какъ мы сказали, въ уступкѣ части земель воздѣлывателямъ на условіяхъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которыя существуютъ до сихъ поръ. Правительство, по обстоятельствамъ столь же страннымъ, какъ и все прочее въ этомъ историческомъ фактѣ, которымъ мы занимаемся, имѣетъ это средство въ рукахъ, Оно можетъ передать частной промышленности земли, которыя хотя и составляютъ часть почвы Индіи, однакожъ находятся внѣ ея общественнаго быта.

Въ самомъ дѣлѣ Индія, какъ мы сказали, владѣетъ извѣстнымъ количествомъ земель въ залежи, различнымъ въ разныхъ мѣстахъ, но вездѣ очень значительнымъ.

Лордъ Корнваллисъ, въ одномъ писмѣ къ совѣту директоровъ, считалъ, что количество этихъ земель доходитъ до трети всего пространства провинцій Бенгаліи, Багара и Ориссы. Итакъ эти земли въ рукахъ правительства моглибы сдѣлаться могучимъ средствомъ улучшенія, преобразованіяобщественнаго. Оно могло бы обработать ихъ, сдѣлать производитель-

ными, предоставивъ ихъ нынѣшнимъ воздѣлывателямъ земли, отказавшись отъ всякихъ притязаній на полученіе съ нихъ какихъ либо выгодъ. Произведенія этихъ земель составили бы доходъ класса владѣльцевъ, вновь созданныхъ. Промышленность и торговля при надобности могли бы преобразовать ихъ и умножить.

Это средство, это орудіе общественнаго богатства, сначала слабое, скоро сдѣлалось бы сильнымъ и могущественнымъ. Политическая экономія показываетъ намъ, какъ быстро возрастаетъ всякій производительный капиталъ, если онъ не разстроивается отъ какихъ нибудь внѣшнихъ причинъ. Итакъ земли, снова обработываемыя, недолжны быть обременены тѣмже налогомъ, какъ тѣ, которыя обработываются нынѣ. Въ противномъ случаѣ ничто не измѣнится въ положеніи Индіи. Половина земнаго шара могла быть обработана вновь на томже основаніи, и все такъ вышли бы тѣже послѣдствія: только доходы правительства стали бы востолько больше. Но правительство должно прежде всего поставить себѣ закономъ предоставить частной дѣятельности всѣ произведенія вновь воздѣлываемыхъ земель.

Выборъ средствъ для приведенія въ исполненіе этой мѣры не безъ трудностей. Говоря о колонизаціи, мы представили трудность или

лучше сказать невозможность уступить эти земли европейцамъ. Часть этихъ неудобствъ встрѣтилась бы тогда, если бы эти земли были уступлены туземцамъ. Эти уступки, для достиженія цѣли, должны быть болѣе выгодными, чѣмъ нынѣшнія владѣнія. Это значило бы въ одной и тойже землѣ создать двѣ совершенно различныхъ собственности. Притомъ отсутствіе или уменьшеніе налога на новыя земли дало бы новымъ владѣльцамъ способы сбывать ихъ произведенія дешевле, чѣмъ сбываютъ старые содержатели. Послѣдніе, не имѣя возможности выдержать соперничетво, тотчасъ попали бы въ зависимость первыхъ. Можетъ быть, они принуждены бы были сдѣлаться ихъ фермерами. Далѣе обработаніе этихъ залежныхъ земель потребовало бы капиталовъ, которыми никакъ не могутъ распологать туземцы. Законъ наслѣдства, опредѣляющій въ Индіи равенство дѣлежа, произвелъ бы еще неудобство, которое особенно поразило бы англичанъ. Владѣнія скоро были бы раздроблены и перестали бы приносить выгоды хозяевамъ и правительству. Предлагали, правда, помочь этому неудобству утвержденіемъ закона первородства; но утвержденіе этого закона неминуемо глубоко раздражило бы индусовъ. Исторія Индіи, національныя учрежденія, противны этому закону; гибельныя послѣдствія раздѣла лвадѣній конечно не поразили бы насъ столько,

какъ англичанъ; но для нихъ онѣ представляются столь важными, что безъ сомнѣнія составятъ главное препятствіе къ введенію этой мѣры.

Итакъ ужели Индія никогда не воспользуется этимъ всемогущимъ средствомъ улучшенія своего быта, которое, кажется, сохранило для ней само Провидѣніе? Не думаемъ. Можетъ быть, для этого нужна только рука, способная и сильная. Устройство селеній, по всей вѣроятности, дастъ законодателю средства приготовить и упрочить эту новую будущность.

Селенія, по праву воздѣлыванія и перваго занятія, принадлежа къ одной муниципальной администраціи, могутъ быть почитаемы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, владѣльцами залежей, находящихся въ ихъ сосѣдствѣ. Всякій разъ, какъ только правительство получало возможность располагать этими землями въ цѣломъ или въ частяхъ, они жаловались энергически. Между тѣмъ эти земли были для нихъ безполезны; они заботились только объ удержаніи своего права, и притомъ не права собственности, но права обработыванія, воздѣлыванія. Итакъ правительство могло бы отказаться въ пользу селеній отъ своихъ собственныхъ притязаній на земли, лежащія въ ихъ сосѣдствѣ; оно могло бы предоставить имъ эти земли, какъ сред-

ство облегчить бремя нынѣшняго налога. Положимъ, что этотъ налогъ, по среднему разсчету изъ двадцати или двадцати пяти послѣднихъ лѣтъ, будетъ объявленъ постояннымъ. Произведенія земель, вновь обработываемыхъ, останутся въ пользу селеній. Это будетъ избытокъ произведенія надъ потребленіемъ, отъ котораго правительство откажется навсегда въ пользу муниципальной промышленности.

Администрація каждаго селенія тогда ежегодно будетъ обработывать вновь извѣстную часть этихъ земель. Общества легче и на лучшихъ условіяхъ могутъ дѣлать займы, чѣмъ частныя лица. Притомъ экономія перваго года поставитъ ихъ въ возможность продолжать дѣло въ послѣдующіе. Неудобство слишкомъ большаго раздробленія земель будетъ такимъ образомъ отвращено. Мы видѣли уже, что земледѣльскія производства сохраняли всю свою цѣлость, среди всѣхъ измѣненій собственности, произведенныхъ закономъ наслѣдованія.

ГЛАВА VI.

Продолженіе тогоже предмета. Возстановленіе прежнихъ сельскихъ учрежденій.

Обработываніе залежей въ Индіи, т. е. созданіе частной собственности, предполагаетъ, какъ мы видѣли, возстановленіе устройства сельскихъ общинъ. Это устройство, можетъ быть, произведетъ слѣдствіе еще другаго рода, гораздо важнѣйшее. Можетъ быть, въ немъ откроется средство помочь слабости правленія, основаннаго совершенно на сборѣ налога, о которомъ мы уже говорили. Постараемся объяснить это.

Мы не возвратимся къ тому, что мы уже сказали въ началѣ нашего изслѣдованія, съ нѣкоторыми подробностями; но чтобы понять всю важность учрежденія, всѣ выгоды, какія можно извлечь изъ его возобновленія, не излишне будетъ остановиться на немъ на нѣсколько минутъ. Впрочемъ, мы ограничимся только краткимъ изложеніемъ важности, какую имѣетъ оно въ глазахъ туземцевъ, благодѣяній, какія произошли бы изъ его сохраненія. Наконецъ мы сравнимъ муниципальныя учрежденія Индіи съ двумя другими муниципальными учрежденіями, происшедшими отъ европейской цивилиза-

ціи; если преимущество останется за ними въ этомъ сравненіи, то мы должны будемъ заключить, что они могутъ удержать его и на будущее время.

Въ слѣдствіи 1833 г. подполковникъ Сэйксъ былъ призванъ комитетомъ палаты лордовъ. Дѣло шло о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ, въ слѣдствіе военныхъ событій, старая система сельскихъ общинъ была совершенно разрушена и гдѣ введена новая система поголовнаго сбора. (*)

Къ нему обращены были слѣдующіе вопросы: „возможно ли возстановить старую систему селеній?“ (**) т. е. по выраженію комитета поставить общество на его старыя основан'я? — Конечно это очень легко. — При которой изъ двухъ системъ, (**) по вашему мнѣнію, правительство могло бы получить болѣе дохода? — При системѣ селеній. Сверхъ того эта система мало затрудняетъ правительство и его агентовъ. Сумма, взимаемая ежегодно по возможности и доходамъ каждаго селенія, будетъ выплачиваться въ опредѣленное время. Эта сумма будетъ вы-

---

(*) Ryotwar settlement.

(**) Mouzawar settlement.

(***) Mouzawar или ryotwar settlement.

плачиваться безъ затрудненія и безъ всякаго обмана. Эта система даетъ потайлю достаточную власть въ селеніи, поддерживаетъ существованіе почетнаго сословія владѣльцевъ, наконецъ предохраняетъ жителей отъ притѣсненій низшихъ чиновниковъ правительства.—При которой системѣ, думаете вы, земледѣльцы будутъ счастливы? — Судя повидимости, я скажу, что проходя назадъ и впередъ черезъ Деккanъ, живучи среди туземныхъ народовъ, переходя изъ селенія въ селеніе, изъ округа въ округъ, изъ селеній компаніи въ селенія джагердаровъ, (*) что послѣднія *восемь изъ десяти* болѣе процвѣтаютъ, чѣмъ наши, что онѣ окружены гораздо бóльшимъ количествомъ садовъ, обнаруживающихъ бóльшее довольство, промышленность и удобства жизни, и однакожъ джагедары даютъ не больше льготъ, какъ и компанія. Ихъ система состоитъ въ сборѣ по селеніямъ. Эта система удалась ли бы также компаніи, какъ джагедарамъ?—Отчегожъ нѣтъ? Учрежденіе будетъ тоже самое, кто бы ни пользовался его плодами.“ (**)

Могущество этого учрежденія, въ самомъ дѣлѣ, обнаруживается въ Индіи, такъ сказать

(*) Ленные владѣльцы.

(**) Показанія предъ спеціальнымъ судомъ. — Допросъ подполковника Сэйкса.

на каждомъ шагу. Обстоятельства самыя неблагопріятныя едва оказываютъ ему какое нибудь сопроглавленіе; „повсюду, говоритъ Брайггсъ, въ землѣ бѣдной, вы замѣчаете одно или нѣсколько селеній въ цвѣтущемъ состояніи и вы можете быть увѣрены, что управленіе этими селеніями находится въ рукахъ туземцевъ, безъ всякаго европейскаго вмѣшательства. Я не думаю, чтобъ тутъ можно было сколько нибудь сомнѣваться, и это доказываетъ, что мы гораздо менѣе туземцевъ способны управлять ихъ собственными дѣлами.“ (*)

Впрочемъ сравненіе индусской системы съ другими системами муниципальной администраціи, обнаруживаетъ еще лучше всѣ ея относительныя преимущества; пусть напр. сравнятъ ее съ самыми лучшими системами, какія только могла, по крайней мѣрѣ по нашему, произвесть европейская образованность, — и тутъ увидятъ все превосходство индусской системы. Очертимъ кратко это превосходство, сравнивая съ одной стороны муниципальное управленіе сѣверо-американскихъ штатовъ, произведеніе самой неограниченной свободы, съ другой стороны муниципальное управленіе сѣвера Италіи, которое по причинѣ стеченія необыкновенныхъ

(*) Briggs. p. 443.

обстоятельствъ развилось болѣе, чѣмъ всѣ другія муниципальныя управленія въ Европѣ.

Въ американской общинѣ народъ дѣйствуетъ прямо; здѣсь онъ назначаетъ своихъ чиновниковъ и всего чаще руководствуетъ ими въ исполненіи ихъ обязанностей. (*)

Американская община (по крайней мѣрѣ общины самыя малыя, деревенскія) не имѣютъ ни мера, ни муниципальнаго совѣта, какъ общины французскія; *Selectmen* суть чиновники или агенты общины, которыхъ число простирается отъ трехъ до девяти; они имѣютъ власть исполнительную и замѣняютъ мера. Муниципальные избиратели замѣняютъ муниципальный совѣтъ. Selectmen суть чиновники общины; они тоже для нея, что наши меры для муниципальныхъ совѣтовъ, т. е. они исполняютъ то, что было разсмотрѣно въ общихъ собраніяхъ. Они при случаѣ совѣтуются съ обществомъ избирателей. Они созываютъ собраніе общины, какъ только найдутъ это необходимымъ; они обязаны созывать его во всякомъ случаѣ, если этого требуютъ десять избирателей. Это собраніе избираетъ ихъ ежегодно въ опредѣленное время.

(*) Tocqueville. De la démocratie de l'Amérique t. I. p. 96.

Тоже собраніе въ тоже время назначаетъ многихъ другихъ чиновниковъ общины: одни изъ нихъ обязаны распредѣлять налоги, (акцессоры) другіе собирать ихъ (коллекторы), одинъ полицейскій офицеръ (констэбль); писарь, который записываетъ всѣ опредѣленія; кассиръ, хранитель суммъ; попечитель бѣдныхъ, заботящійся объ исполненіи законовъ и правилъ относительно бѣдныхъ; коммисары школъ и инспекторы дорогъ; потомъ, кромѣ этихъ чиновниковъ, которыхъ можно считать самыми важными или первоклассными, коммиссары приходовъ, занимающіеся издержками для богослуженія; инспекторы различныхъ родовъ, изъ которыхъ одни обязаны управлять дѣйствіями гражданъ въ случаѣ пожара, другіе надзирать за жатвами, иные разрѣшать временно недоумѣнія, могущія произойдти при взятіи кого нибудь подъ арестъ; иные надзирать надъ межеваніемъ лѣсовъ, и надъ мѣрами, вѣсомъ и пр.; все это составляетъ девятнадцать различныхъ должностей, которыя каждый членъ общины обязанъ принимать подъ опасеніемъ штрафа. (*)

Общины новой Англіи въ *собственныхъ* дѣлахъ независимы ни отъ кого. Онѣ продаютъ,

---

(*) Правда, что большая часть получаетъ жалованье.

покупаютъ, жалуются или защищаются передъ судами, возвышаютъ или понижаютъ свой бюджетъ безъ всякаго вмѣшательства высшей административной власти. Никакой связи нѣтъ между разными общинами, которая бы дѣлала изъ нихъ что нибудь цѣлое. Никакой посредствующей власти нѣтъ между ними и государствомъ, которая бы могла сдѣлаться органомъ, средствомъ ихъ официальныхъ сношеній. »Случается порой, говоритъ писатель, у котораго мы заимствуемъ эти подробности, что чиновники графства перемѣняютъ рѣшенія, принятыя общинами или чиновниками ея. Но вообще можно сказать, что правленіе графства не имѣетъ права располагать дѣйствіями управленія общины." (*) „Нѣтъ нигдѣ, говоритъ онъ нѣсколько дальше, никакого центра, къ которому сходились бы радіусы административной власти." Государство можетъ вмѣшиваться только косвенно, посредствомъ судопроизводства. Но это можетъ быть только въ не многихъ случаяхъ, опредѣленныхъ положительно, т. е. въ случахъ преступленій; стало быть государство дѣйствуетъ нѣкоторымъ образомъ отрицательно. Американская община, повторяемъ, имѣетъ существованіе полное, но отдѣльное.

(*) Tocqueville, p. 114.

Этого устройства нѣтъ въ большихъ общинахъ: въ нихъ вообще бываетъ мерь и муниципальный совѣтъ, раздѣленный на два отдѣла. Сила обстоятельствъ здѣсь какъ и вездѣ, сосредоточивала власть по мѣрѣ ея расширенія.

Сѣверъ Италіи сохранилъ въ продолженіе среднихъ вѣковъ сильное общинное устройство. Однакожъ эта система около половины XVIII в., въ отношеніи къ деревенскимъ общинамъ, подверглась полному преобразованію. Съ этого времени эти общины получили нынѣшнее устройство.

Коммиссія, назначенная Маріею Терезіею для кадастраціи миланскихъ владѣній, оставшихся образцовыми въ своемъ родѣ, занялась многими административными вопросами, связанными съ этимъ дѣломъ. Муниципальное управленіе въ особенности обратило на себя ея вниманіе. Она перестроила его, совершенно исправила и привела въ однообразную форму, которой до тѣхъ поръ не было. Мы будемъ заниматься исключительно деревенскими общинами; онѣ однѣ, какъ мы сказали по поводу американскихъ общинъ, имѣютъ прямое отношеніе къ нашему предмету.

Скажемъ сначала, что избиратели, долженствующіе разсуждать о дѣлахъ общины, не

ограничиваются небольшимъ числомъ, какъ въ общинѣ американской. Въ общинѣ изъ трехъ сотъ или менѣе платящихъ подати, избиратели всѣ владѣльцы или платящіе подати, не смотря на количество имѣнія и податей. Законодатель позаботился о томъ, чтобы земледѣльческое населеніе было независимо отъ большихъ владѣльцевъ; „потому что было бы несправедливо, говоритъ намъ декретъ объ этомъ учрежденіи, чтобы общины были подчинены въ управленіи своими дѣлами волѣ двухъ или трехъ владѣльцевъ. (*)

Собраніе владѣльцевъ, подъ предсѣдательствомъ старосты (doyen d'âge) должно собираться на сроки въ назначенномъ мѣстѣ. Для засѣданія его достаточно присутствія осми членовъ; если не будетъ этого числа, оно можетъ разсуждать, но его опредѣленія поступаютъ на утвержденіе начальства провинціи. Это собраніе занимается надзоромъ и управленіемъ имѣніями, состоящими во владѣніи общины. Оно составляетъ списокъ платящихъ подати, налагаетъ общинный налогъ, надзираетъ за дорогами, занимается предметами общаго или мѣстнаго интереса, какъ-то устройствомъ фонтановъ, публичныхъ зданій ипр. Оно назначаетъ людей въ общинныя должности, представляетъ правительству спис-

(*) Декретъ 30 декабря 1755.

ки кандидатовъ на мѣста, сдѣлавшіяся вакантными въ центральныхъ и провинціальныхъ собраніяхъ; оно разсматриваетъ счеты предъидущаго года, представляемые ему въ послѣднее засѣданіе. Собраніе созывается правильно дважды въ годъ, въ опредѣленное время; оно можетъ собираться также, какъ только потребуютъ обстоятельства.

Однакожъ какъ собраніе не можетъ управлять само, оно принуждено дѣлать это посредствомъ представителей. Въ слѣдствіе этого оно возлагаетъ эту обязанность на такъ называемую депутацію, т. е. на трехъ владѣльцевъ, изъ которыхъ одинъ необходимо избирается изъ числа лицъ платящихъ наиболѣе податей. Ихъ дѣло состоитъ въ исполненіи рѣшеній собранія, въ надзорѣ за ходомъ дѣлъ, въ сношеніяхъ съ высшей властью. Въ эти должности выбираются на три года, безъ жалованья; въ нихъ не можетъ вступать ни одинъ чиновникъ правительства. Собраніе имѣетъ одного общиннаго агента, секретаря депутаціи; другаго агента, того же рода, только низшаго (cursore); двухъ полевыхъ сторожей; сборщика податей, который въ тоже время есть кассиръ общины илр. Какъ и въ Америкѣ, эти формы измѣняются, если община становится значительнѣе. Такимъ образомъ если община состоитъ болѣе, чѣмъ изъ трехъ сотъ человѣкъ платящихъ подати, то она

управляется муниципальнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ тридцати членовъ. Двѣ первыя трети избираются изъ числа лицъ, платящихъ наибольшее количество податей; третья можетъ быть выбрана изъ всѣхъ жителей безъ различія, даже не имѣющихъ собственности, только бы они имѣли въ общинѣ какое нибудь коммерческое или промышленное заведеніе.

Деревенскія общины, кромѣ агентовъ или чиновниковъ уже наименованныхъ, имѣютъ еще другихъ. Законодатель поставилъ имъ въ обязанность содержать врача, цирюльника, бабку, пробывшую извѣстное число лѣтъ въ гошпиталѣ и выдержавшую экзаменъ. Добровольныя приношенія доставляютъ часто аптекарю возможность доставлять даромъ лѣкарства. Наконецъ общины обязаны содержать въ больницахъ, умалишенныхъ, одержимыхъ хроническими болѣзнями и доставлять каждому больному находящемуся дома, помощь смотря по важности болѣзни; содержать двѣ школы, одну для мальчиковъ, другую для дѣвочекъ ипр. Всѣ эти издержки, необходимо падающія большею частію на богатыхъ, опредѣляются однакожь всѣми. Во сколько разъ это устройство выше этого хвастливаго человѣколюбія, которое выставляетъ Англія въ своемъ налогѣ въ пользу бѣдныхъ! Правда нашъ богачь сберегаетъ нѣсколько крохъ отъ своего праздничнаго обѣ-

да; но вѣдь онъ самъ раздѣляетъ ихъ по своему произволу.

Этому не должно удивляться: сколько другихъ учрежденій тогоже рода, относящихся къ публичной системѣ родилось можетъ быть отъ дыханія католицизма; по крайней мѣрѣ законодатель 1755 г. имѣлъ благороднаго предшественника въ Карлѣ Бороме; великій архіепископъ предупредилъ его въ нѣкоторыхъ частяхъ его дѣла. Борроме, одинъ изъ тѣхъ людей, которые являются вѣками, увѣнчанный святымъ сіяніемъ человѣколюбія, велѣлъ открыть публичныя школы даромъ во всѣхъ частяхъ своего діоцеза. Онъ хотѣлъ сверхъ того, чтобы въ этихъ школахъ учили сами священники и при недостаткѣ другаго помѣщенія въ самыхъ церквахъ.

Всякое сравненіе между общинами американскою и ломбардскою безъ сомнѣнія будетъ говорить въ пользу послѣдней. Жители той и другой принимаютъ одинаковое участіе въ управленіи ихъ дѣлами, въ назначеніи ихъ выборныхъ; та и другая утверждаютъ непосредственно въ общинныя должности агентовъ, въ которыхъ имѣютъ нужду. Личная свобода одинаково обезпечена въ той и другой; за общинными интересами имѣній производится одинаковый надзоръ. Во всемъ прочемъ преиму-

щество принадлежитъ общинѣ ломбардской. Принципъ свободы остается безплоднымъ на почвѣ Америки, но орошаемый христіанской любовью онъ приноситъ въ Италіи удивительные плоды; мы говоритъ о обязанности каждой общины содержать учителя и учительницу, врача, цирульника, раздавать пособія больнымъ и неимущимъ 7. Американская община обезпечиваетъ для каждаго пользованіе его средствами и безопасность того чѣмъ онъ владѣетъ, но всѣ выгоды, которыя она его обезпечиваетъ суть именно тѣ, которыя имѣетъ онъ самъ по себѣ въ общественномъ положеніи. Напротивъ община ломбардская заботится преимущественно о тѣхъ, для которыхъ общество не сдѣлало ничего; она заботится объ ихъ нуждахъ, заставляетъ ихъ учиться, защищаетъ ихъ противъ болѣзней. Въ американской общинѣ и общинѣ ломбардской, издержки богослуженія не входятъ въ общинный бюджетъ. Въ Америкѣ священнику дается жалованье изъ добровольныхъ приношеній; въ сѣверной Италіи духовенство имѣетъ недвижимую собственность.

Итакъ ломбардская община имѣетъ преимущества передъ американской; но община индійская, безъ сомнѣнія, выше обѣихъ. Не только огромное большинство, но всѣ жители индійскаго селенія имѣютъ участіе въ дѣлахъ общинныхъ. Въ самомъ началѣ, отъ этого об-

щаго собранія, по причинѣ его верховной власти, зависѣло назначеніе начальника и агентовъ каждаго селенія; въ послѣдствіи нравы, обычаи Индіи, дѣлая ихъ наслѣдственными, устроивали, такъ сказать, фамильные связи между ними и общинами; потребности общества удовлетворяются съ такою же или съ большею предусмотрительностію въ индійской общинѣ, какъ и въ американской. Тогда какъ въ послѣдней считается девятнадцать агентовъ или должностныхъ лицъ, въ индійской общинѣ ихъ двадцать четыре. Индусское селеніе занимается удовлетвореніемъ другихъ умственныхъ потребностей, которыя пренебрежены въ общинахъ ломбардской и американской; въ спискахъ его мы находимъ поэта, музыканта, танцовщицу; школьные учители, пособіе больнымъ, тамъ на иждивеніи общества, какъ и въ Ломбардіи; но сверхъ того община обязана оказывать гостепріимство иностранцамъ, давать милостыню нищимъ. Сельская администрація производитъ судъ, платитъ за издержки богослуженія, чего не дѣлаютъ общины ломбардская и американская. Подобно первой она обезпечиваетъ личную свободу, подобно послѣдней исполняетъ дѣло человѣколюбія; наконецъ она послужила первымъ типомъ, первымъ практическимъ осуществленіемъ этого великаго начала общенія, которому суждено, можетъ быть, измѣнить лице міра. Индусское селеніе есть маленькое государство, въ кото-

ромъ мы встрѣчаемъ раздѣленіе трудовъ, связь между частными и общественными интересами, обобщеніе усилій расходящихся, но направленныхъ къ одной цѣли.

Отсюда понятно, какую важность имѣло бы для цѣлой Индіи возстановленіе древнихъ сельскихъ учрежденій во всѣхъ ихъ подробностяхъ. Полковникъ Уилькс совершенно основательно писалъ насчетъ этого предмета: „компанія простыхъ купцовъ могла бы доставить этимъ странамъ благодѣяніе гораздо прочнѣе того, которое консулы римскіе въ своихъ прокламаціяхъ обѣщали городамъ Греціи. Свобода въ ея разумной и самой удобовоспріемленой формѣ можетъ быть дарована маленькимъ республикамъ Индіи посредствомъ объявленія постояннаго и умѣреннаго налога, который каждая изъ нихъ должна платить на будущее время. Правительство должно предоставить имъ самимъ внутреннюю раскладку этого налога, и неиначе вмѣшиваться въ вопросы о налогѣ или о поземельной и личной собственности, какъ по требованію ихъ маленькихъ начальствъ.“ (*)

Возстановленіе сельскихъ учрежденій дополнило бы, стало быть, тотъ недостатокъ правительства, который мы замѣтили въ Индіи.

(*) Слѣдствіе. T. III. p. 584.

Эти учрежденія, еслибъ можно было возвратить имъ прежнюю силу и энергію, излѣчили бы пороки правленія, установленнаго съ единственною цѣлью собиранія налога. Они составили бы администрацію, которая, начинаясь тамъ, гдѣ оканчивается политическое и административное учрежденіе Англіи, углублялось бы въ самую внутренность земли.

Наконецъ это одно учрежденіе можетъ дать средства создать въ *Индіи* частную собственность, этотъ производительный капиталъ, изъ котораго можетъ проистечь ея возрожденіе.

ГЛАВА VII.

Продолженіе того же предмета. Превращеніе части поземельнаго налога въ налогъ косвенный.

Отсутствіе избытка произведенія надъ потребленіемъ есть главная, лучше сказать, единственная причина общественнаго положенія Индіи. Пока произведеніе не превышаетъ потребленія, народы не могутъ сдѣлать ни одного шага на пути вещественнаго благосостоянія.

Производительный капиталъ, какъ мы сказали, находится въ Индіи въ зародышѣ. Есть много залежей, которыя при искусномъ побужденіи правительства могутъ покрыться богатыми жатвами. Произведенія тѣхъ изъ этихъ земель, которыя могутъ быть обработаны, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей цѣнятся во 100 мил. Предположимъ, что часть этой суммы, превышающая нужду земледѣльца, непотреблена и обращена въ промышленность и торговлю; предположимъ, что часть составляетъ половину всѣхъ произведеній этихъ земель, т. е. 50 мил. Эти 50 мил. въ первый годъ составятъ уже зародышъ будущаго производительнаго капитала Индіи. Таже самая сумма, скопляемая въ продол-

женіе 20 лѣтъ, дастъ милліардъ, какъ выраженіе капитала страны. Мы предположили на минуту что капиталъ будетъ скопляться единственно посредствомъ сбереженія. Но если эта сумма будетъ составлять настоящій производительный капиталъ, то есть, если она будетъ обращена въ промышленность и торговлю, то она должна возрастать совсѣмъ въ другой пропорціи. Извѣстна быстрота истинно чудесная, съ которой умножается этотъ родъ капиталовъ. Если сбереженіе увеличиваетъ капиталъ въ прогрессіи ариѳметической, то промышленность и торговля увеличиваютъ его въ прогрессіи геометрической. Милліардъ, слѣдуя этому закону, можетъ быть, менѣе чѣмъ въ полстолѣтіе, измѣнилъ бы совершенно общественное положеніе Индіи. Производительный капиталъ во Франціи, я думаю, простирается отъ 30 до 40 милліардовъ, а въ Англіи отъ 40 до 50. Изъ этого мы можемъ понять всю силу, все могущество этого орудія. Но созданіе этого общественнаго капитала не есть однакожъ единственное дѣло законодателя. Создавши его, законодатель долженъ еще обезпечить ему возможность развиваться какъ можно выгоднѣе для общественнаго благосостоянія. Ему надобно предоставить всю свободу дѣйствовать на себя, преобразоваться какъ можно полнѣе и какъ можно выгоднѣе. Политическая экономія располагаетъ многими средствами, могущими благопріятствовать развитію это-

го производительнаго капитала; одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ состоитъ въ томъ, чтобы не трогать произведенія прежде чѣмъ оно достигнетъ наивысшей цѣнности или по крайней мѣрѣ прежде чѣмъ оно приблизится къ ней. Должно будетъ налагать какъ можно менѣе налоговъ на первоначальныя вещества и ожидать, чтобы они получали всю цѣнность, какую могутъ придать имъ промышленность и торговля. Иногда эта цѣнность по истиннѣ чудесна.

Итакъ всякая система налоговъ должна имѣть предметомъ давать первоначальнымъ матеріаламъ время пріобрѣтать всю цѣнность, какую онѣ могутъ пріобрѣсть; въ этомъ состоитъ самое большее число выгодъ косвеннаго налога.

Такимъ образомъ если бы было возможно, чтобы часть произведенія земли въ Индіи достигла высшей возможной цѣнности прежде чѣмъ она будетъ обременена налогомъ, то эта часть принеслабъ правительству столькоже дохода, не дѣлаясь между тѣмъ обременительною для плательщика. Предположимъ напримѣръ, что правительство хочетъ наложить налогъ на желѣзо; что по этому на десять фунтовъ желѣза цѣною въ двадцать су будетъ наложено по 10%, т. е. два су. Въ слѣдствіе этого налога желѣзо вздорожаетъ, произведенія всѣхъ ре-

меслъ, для которыхъ употребляется желѣзо, начиная отъ дѣланія гвоздей и доходя до производства часовыхъ пружинъ, нѣсколько затруднится. Предположимъ однакожь, что изъ десяти фунтовъ желѣза выходитъ 500 часовыхъ пружинъ, стоящихъ по сту су за штуку, что на нихъ наложено по 10% ихъ цѣны. Тоже самое количество желѣза, обложенное тойже пошлиной въ этомъ случаѣ даетъ 25 фр. мѣсто двухъ су, вмѣстѣ съ тѣмъ не произойдетъ никакого затрудненія для ремеслъ, занимающихся обработываніемъ желѣза. Итакъ попеченіе законодателя должно быть обращено на то, чтобы дать производительному капиталу средство достигать наибольшей цѣнности, какой только онъ можетъ достигнуть.

Поземельный налогъ, кромѣ непомѣрной его величины въ Индіи, останавливаетъ еще производительность. Онъ облагаетъ налогомъ предметы, не давши имъ времени пріобрѣсть посредствомъ промышленности или торговли такую цѣнность, которая далабы имъ средства его выдержать. Итакъ законодатель въ Индіи долженъ будетъ взяться за рѣшеніе этой огромной задачи: превратить часть поземельнаго налога въ налогъ косвенный или на потребленіе. Извѣстны всѣ выгоды, признанныя экономистами въ налогахъ этого послѣдняго рода. Они дѣлаются равнѣе, чѣмъ всѣ другіе. Ихъ платятъ только тогда, когда

удобно плательщику. Но правительство, если оно будетъ имѣть руку достаточно ловкую, твердую и вѣрную, чтобы рѣшиться на подобное дѣло, оказало бы Индіи еще болѣе значительную услугу. Допустимъ, что оно сбавитъ по сту милліоновъ съ поземельнаго налога; оно будетъ находиться къ странѣ точь въ точь въ тѣхъ отношеніяхъ, какъ капиталистъ, оставляющій свои деньги въ рукахъ промышленнаго должника. Предположимъ сверхъ того, что этотъ послѣдній съумѣлъ извлечь изъ нихъ наибольшія выгоды; по наступленіи срока, онъ не только будетъ имѣть возможность заплатить эти деньги, но еще сбережетъ значительную прибыль, происходящую изъ ихъ употребленія. Таково положеніе налога при правительствѣ, съ умѣвшемъ устроить налоги такимъ образомъ, чтобы не стѣснять производства.

Какимъ образомъ, какими средствами можетъ быть произведено въ Индіи преоброзованіе поземельнаго налога въ косвенный, въ налогъ на потребленіе? Безразсудно бы было думать указывать это средство. Несомнѣнно то, что это была бы одна изъ самыхъ необходимыхъ мѣръ, какихъ требуетъ теперь общественное положеніе Индіи; что доказывается всѣмъ предъидущимъ. Итакъ, можемъ смѣло сказать, только посредствомъ созданія производительнаго капитала, посредствомъ его свободнаго

развитія, Индія можетъ стать въ экономическомъ отношеніи въ положеніе, подобное положенію другихъ государствъ.

ГЛАВА VIII.

О необходимости для Англіи исполнить какъ можно скорѣе предложенныя реформы; сравненіе положенія Индіи съ положеніемъ Ирландіи.

Не разъ мы имѣли случай говорить обо всемъ томъ, что есть роковаго, исключительнаго въ политическомъ и общественномъ положеніи Индіи подъ англійскимъ владычествомъ. Мы старались дать понятіе о томъ, чѣмъ это положеніе глубоко отличается отъ положенія Франціи, Англіи, отъ положенія нашихъ европейскихъ государствъ. По крайней мѣрѣ мы высказывали это такъ часто, какъ только представлялся случай. Глубокія, радикальныя различія въ положеніи этихъ государствъ не допускали болѣе прямаго сравненія. Въ замѣнъ того есть другая страна, совершенно годная для этого сравненія. Это Ирландія. Нѣтъ ничего любопытнѣе какъ изслѣдовать, какимъ образомъ общественное положеніе, такъ сказать, тождественное, обнаруживается въ этихъ двухъ

странахъ, отстоящихъ на 3,000 лье другъ отъ друга, принадлежащихъ къ различнымъ религіямъ, племенамъ, климатамъ, раздѣленныхъ безднами океана, такъ сказать, цѣлымъ міромъ, и соприкасающихся только одной точкой, подданствомъ Англіи.

Индія и Ирландія суть двѣ страны существенно земледѣльческія. Въ Индіи всѣ (за исключеніемъ развѣ самой малѣйшей части), въ Ирландіи три четверти жителей занимаются земледѣліемъ. Торговля и промышленность Ирландіи остались для ней, такъ сказать, чуждыми: онѣ питаются англійскими капиталами; онѣ и не служатъ выраженіемъ общественнаго быта страны. Если онѣ употребляютъ руки ирландцевъ, то развѣ тѣхъ, которыхъ отказывается кормить земля. Отнимите отъ Ирландіи эту четверть жителей, употребляемыхъ для работъ, за которыя платятъ иностранцы, явятся не только сходства, даже тождевство между обѣими странами. Итакъ въ обѣихъ странахъ самыми важными экономическими вопросами будутъ тѣ, которые имѣютъ соотношеніе съ воздѣлываніемъ земли; отношенія, существующія между кортомщиками и землевладѣльцами, которыя заключаютъ въ себѣ сокращеніе всѣхъ вопросовъ, самыхъ важныхъ для жителей, устройство поземельной собственности, условіе на основаніи котораго она отдается труду чело-

вѣка, составляютъ здѣсь весь общественный вопросъ. Итакъ и здѣсь не будетъ недостатка въ аналогіи.

Туземцы въ Индіи и въ Ирландіи исключены изъ владѣнія землею. Въ обѣихъ странахъ поземельная собственность находится въ рукахъ чужеземныхъ господъ и завоевателей. Примите массу протестантовъ или оранжистовъ, владѣющихъ землями въ Ирландіи за одно собирательное существо, земледѣльческій доходъ въ Ирландіи будетъ въ рукахъ этого собирательнаго существа. Вы находите въ Ирландіи положеніе дѣлъ, какое мы видѣли въ Индіи. Находится ли собственность въ рукахъ одного или нѣсколькихъ, въ этомъ нѣтъ никакой разницы, если только отношеніе кортомщиковъ и земледѣльцевъ въ обѣихъ остаются одни и тѣже.

Правительство въ Индіи, владѣющее землями и владѣльцы земель въ Ирландіи берутъ одинаково весь чистый доходъ съ земли, одно подъ именемъ налога, другіе подъ видомъ доходовъ. Между владѣльцами и кортомщиками въ обѣихъ случаяхъ находятся посредствующіе агенты, midlemen въ Ирландіи, собиратели податей въ Индіи; тѣ и другіе обязаны распредѣлять извѣстныя части земли, болѣе или менѣе значительныя, между тѣми людьми, которые

непосредственно должны ихъ обработывать. Народонаселеніе въ Индіи и Ирландіи, не имѣя другихъ средствъ жизни кромѣ земледѣлія, обязаны воздѣлывать землю на такихъ условіяхъ, какія угодно будетъ предложить землевладѣльцу. Налогъ въ Индіи, доходъ землевладѣльца въ Ирландіи непрерывно стремятся къ возрастанію, издержки воздѣлованія остаются тѣже; стало быть уменьшается со дня на день часть воздѣлователя. Теперь ирландецъ и индусъ дѣлятъ на три или на четыре части горсть рису или мѣрку картофеля, которую прежде они истрачивали на одинъ обѣдъ. Ни тотъ ни другой не могутъ получить никакого облегченія при тѣхъ условіяхъ, на которыхъ отдана имъ земля. Имъ нужно подчинится закону, налагаемому на нихъ правительствомъ и владѣльцемъ, или рѣшиться умереть съ голоду въ одномъ уголкѣ поля. У нихъ нѣтъ другаго средства удовлетворить своимъ нуждамъ; земля въ Ирландіи и въ Индіи въ отношеніи къ своему воздѣлованію раздроблена до безконечности; но недостатокъ капиталовъ парализируетъ большею частію усиліе земледѣлователя.

Здѣсь не мѣсто разсуждать о выгодахъ и невыгодахъ большихъ и малыхъ помѣстьевъ; тѣ и другія могутъ имѣть свое достоинство относительное и зависящее отъ обстоятельствъ.

Малое помѣстье въ рукахъ владѣльца, располагающаго капиталомъ, какбы онъ малъ ни былъ можетъ имѣть нѣкоторыя выгоды, которыхъ не имѣетъ большое. Но этого нельзя сказать о кортомщикахъ ирланскихъ и индусскихъ. Они не болѣе какъ работники; у нихъ нѣтъ никакого капитала, который бы они могли ввѣрить землѣ для ея оплодотворенія. Всякій знаетъ, что земледѣліе, можетъ быть болѣе всякой другой промышленности, требуетъ самыхъ большихъ капиталовъ, потому что оно больше всѣхъ оставляетъ ихъ безплодными. По этому Индія и Ирландія напрасно предлагаютъ огромныя залежи народу исключительно земледѣльческому, для котораго однакожъ это средство не составитъ достаточнаго пособія.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

О будущемъ Индо-Британской Имперіи.

Въ предыдущихъ книгахъ мы старались набросать бѣглый очеркъ англійскаго учрежденія въ Индіи.

Мы старались сдѣлать еще болѣе: мы хотѣли по мѣрѣ силъ нашихъ разсмотрѣть самое зданіе, описать различныя его части, ихъ связь одна съ другой, показать ихъ механизмъ. Мы показали, какъ геній Европы съумѣлъ привести ихъ въ движеніе, и такимъ образомъ наложить свои законы, подчинить своимъ интересамъ народонаселеніе индійскаго полуострова, состоящее изъ двухъ сотъ милліоновъ жителей, покорить подъ одно и тоже иго два различныя племени, живущія въ Индіи вмѣстѣ уже три столѣтія, т. е. индусовъ, послѣдователей Брамы, и мусульманъ, ихъ побѣдителей и владыкъ.

Другой вопросъ еще большаго интереса, еще болѣе непосредственной важности, пред-

ставляется, такъ сказать, самъ собою при концѣ этихъ изслѣдованій: это вопросъ: „какія вѣроятности представляются въ будущемъ для владычества Европы подъ индійскимъ полуостровомъ? Нужно ли почитать это владычество окончательнымъ фактомъ, пріобрѣтеннымъ политическою философіею нашего времени или напротивъ фактомъ до крайности переходнымъ? Продолжительность этого владычества будетъ ли пропорціональна тому, что въ немъ есть страннаго, исключительнаго, чуднаго? Или напротивъ оно дастъ новое доказательство того закона міра физическаго и нравственнаго, по которому продолжительность существованія вещей прямо пропорціональна времени, въ которое они возрастали и образовались? Можно ли по этому ожидать, что это владычество изчезнетъ, поглотится бездной съ такою же быстротою, какъ оно вырвалось, такъ сказать, чтобы расшириться въ пространствѣ и времени.

Всѣ эти вопросы или другіе имъ подобные должны быть уже рѣшены, по крайней мѣрѣ безсознательно въ душѣ читателя вслѣдствіе предшествовавшихъ разсужденій. Мы ограничимся краткимъ извлеченіемъ (resumé) изъ этихъ разсужденій, т. е. покажемъ слабость политическихъ и административныхъ учрежденій британскаго зданія; покажемъ, что сохраненіе имперіи составляетъ задачу болѣе труд-

ную, чѣмъ пріобрѣтеніе ея, покажемъ опасности, которымъ она можетъ подвергнуться внутри и вовнѣ, откуда должно проистечь указаніе пути, по которому Англія, для собственныхъ своихъ выгодъ, должна слѣдовать въ продолженіи своего владычества.]

ГЛАВА I.

Объ общей слабости правленія индо-британской имперіи.

Англійское правленіе въ Индіи, повторимъ еще, не походитъ ни на одно изъ тѣхъ, какія являлись до сихъ на свѣтѣ. Вообще эти правленія могутъ быть раздѣлены на два рода: одни національныя, другія происшедшія изъ завоеванія. Первыя, исшедшія изъ самыхъ нѣдръ общества, рожденныя необходимостями, которымъ они должны удовлетворить, не смотря на ихъ многочисленныя несовершенства необходимо удовлетворяютъ этой цѣли болѣе или менѣе. Они имѣютъ нравственное вліяніе на народы, авкторитетъ неоспориваемый. Правительства, основанныя на завоеваніи, не имѣя этого вліянія, этого авкторитета, замѣняютъ, ихъ силою. Основанныя

шпагою, они опираются на шпагу. Но английское правительство въ Индіи, что не разъ было доказано съ очевидностью, не имѣетъ ни нравственнаго вліянія, ни вещественной силы. Оно состоитъ изъ трехъ главныхъ началъ: учрежденій финансовыхъ, судебныхъ, военныхъ, учрежденій, составленныхъ изъ различныхъ кусковъ, слѣпленныхъ собственными руками Англіи, и которымъ она ввѣрила будущность своей власти. Итакъ этимъ механизмомъ и его различными частями мы займемся сначала.

Учрежденіе политическое, общественное, административное въ Индіи, прежде заключалось почти все въ учрежденіи селеній. Англичане, низпровергая это учрежденіе въ одной части полуострова, въ президенствѣ бенгальскомъ, произвели самый глубокій переворотъ въ этой странѣ, какому никогда не подвергалась ни одна страна въ мірѣ. Въ президенствѣ бенгальскомъ ихъ нововведеннія имѣли цѣлію навлекать на общество извѣстныя аристократическія формы. Лордъ Корнуаллисъ предположилъ создать аристократію землевладѣльцевъ, которая воспроизвела бы до извѣстной степени англійскую аристократію на индійской почвѣ. Извѣстно, что слѣдствіе пошло прямо противъ намѣреній законодателя. Классъ, изъ котораго онъ хотѣлъ образовать эту аристократію, классъ земиндаровъ, подвергся раззоренію

и бѣдности. Общественная іерархія, существовавшая до прибытія англичанъ, сокрушенная страшнымъ механизмомъ, приведеннымъ тогда въ движеніе, покрыла тотчасъ Индію своими развалинами. Земиндары, бывшіе до этой минуты, такъ сказать, естественными главами этого общества, тотчасъ исчезли въ его послѣднихъ рядахъ. Въ мадрасѣ законодатель предположилъ себѣ, можетъ быть, самъ не думая, учрежденіе демократіи. Произошелъ родъ аристократіи свирѣпой, безпокойной, угнетающей. Въ обоихъ случаяхъ общесво было разстроено отъ основанія до вершины, не только въ своихъ политическихъ и административныхъ учрежденіяхъ, но даже въ своей сущности. Въ презеденствѣ бенгальскомъ и мадраскомъ учрежденіе собственности было насильственно и глубоко измѣнено или лучше сказать ниспровергнуто. Отсюда бѣдность, страданіе, перевороты, выше разсказанные, или лучше сказать указанные. Отсюда также на мѣсто стараго общества, которое не могло выдти съ этой минуты изъ своихъ развалинъ, явился родъ толпы разброcанной безъ связи, безъ сцѣпленія котораго рука Англіи неимѣла силъ устроить.

Нововведенія, испытанныя въ судебной системѣ, не были и немогли быть счастливѣе. Древняя политическая организація Индіи соединила судебныя учрежденія съ финансовыми

или муниципальными. Земиндары, агенты финансовъ на извѣстномъ пространствѣ земли, имѣли сверхъ того право производить уголовный и гражданскій судъ. Въ селеніяхъ были посредническіе суды, сходные съ нашими судами присяжныхъ, Мусульмане не тронули ихъ; они удовольствовались учрежденіемъ особенныхъ судилищъ для своего собственнаго употребленія. Оба народонаселенія продолжали управляться по своимъ собственнымъ законамъ. Англичане однимъ ударомъ сокрушили всю эту судебную организацію. Они создали, слѣпили изъ ней новую по своему произволу; но эта послѣдняя осталась неполною, неудовлетворительною для той цѣли, которой должна была достигнуть; она разрушила сверхъ того всякое судебное огражденіе, она предала самыя важныя интересы, самую жизнь, произволу, невѣжеству европейскихъ судей, т. е. иностранцевъ незнакомыхъ своимъ подсудимымъ. Въ этихъ судилищахъ существуетъ въ одно время нѣсколько системъ законовъ различнаго происхожденія; онѣ борются между собою въ большой части дѣлъ. Безсмысленная формальность, заимствованная изъ англійскаго судопроизводства, оставляетъ все на произволъ судей. Не смотря на ихъ таланты и на ихъ усилія, ни одинъ изъ нихъ не можетъ надѣятся исполнить когда нибудь дѣло на него возложенное. При насильственномъ низпроверженіи общественныхъ от-

ношеній, число преступленій возрасло въ ужасающей прогрессіи. Но за всѣмъ тѣмъ не воровства, не убійства больше всего боятся индусы: они боятся англійскаго правосудія. Если человѣкъ обокраденъ, если онъ подвергался опасности потерять жизнь, то все таки прежде всего онъ заботится о томъ, чтобы этого неузналъ англійскій судья. Страхъ, внушаемый этой особой дѣлаетъ его соучастникомъ вора, который ограбилъ его самого, спасителемъ человѣка, который пролилъ его собственную кровь.

Индобританская армія можетъ почитаться основнымъ камнемъ англійскаго владычества. Но эта армія, посредствомъ которой совершенно завоеваніе Индіи, теперь совсѣмъ не то, чѣмъ она была въ первыя времена послѣ своего образованія. Устройство 1796 г., до сихъ поръ остающееся, убило истинновоенный духъ первыхъ временъ, въ пользу несовершеннаго подражанія европейской дисциплинѣ. Мы сказали, что сипаи нѣкогда были сильно привязаны къ англійскимъ офицерамъ; но эта связь ослабѣла и ослабѣваетъ съ каждымъ днемъ; не мудрено, что она разорвется отъ перваго удара. Армія, принимая наружность, устройство болѣе правильное, соскучилась, потеряла этотъ жаръ, который нѣкогда служилъ отличительнымъ ея свойствомъ. Воины первыхъ временъ, товарищи Клейва, Кута, Корнуаллиса, изчезли

навсегда; они уступили мѣсто наемщика солдатамъ, которые сдѣлались чуждыми, враждебными своимъ офицерамъ. Выгодное жалованье, трудность найдти гдѣ нибудь другія средства существованія, вотъ единственное побужденіе, удерживающее индуса подъ британскимъ знаменемъ. Но эти побужденія, могущія обезпечить повиновеніе въ обыкновенное время, сдѣлаются безсильными какъ только обстоятельства получатъ какую нибудь важность. Все, что нѣкогда составляло достоинство, отличительныя черты этой арміи, пожертвовано въ пользу мысли устроить ее совершенно по образцу нашихъ европейскихъ армій или лучше сказать арміи англійской. Это значило прежде всего лишить ее жизни, чтобы потомъ уставить ее трупъ по чужеземному образцу. Въ самомъ дѣлѣ преданность солдата къ своему начальнику, простиравшаяся у индусовъ дальше, чѣмъ у всякаго другаго народа, составляла жизнь этой арміи. Единственное отношеніе, сохранившееся между индускою и европейскою частію арміи, сдѣлалось для первой предметомъ страданія, скорби и униженія. Единственныя точки соприкосновенія, уцѣлѣвшія между обѣими племенами, суть именно тѣ, въ которыхъ эти племена всего глубже язвятъ, всего болѣе отталкиваютъ другъ друга; однимъ словомъ сдѣлалось глубокое раздѣле-

ніе тамъ, гдѣ прежде всего нужно было сліяніе, единство.

Еслибъ правительство имперіи имѣло всѣ совершенства, какихъ только можно было для него желать, то всетаки эти совершества могли бы быть безполезными по причинѣ его общей неудовлетворительности и слабости. Число чиновниковъ слишкомъ мало въ сравненіи съ дѣломъ, которое они должны выполнять. Кажется можно и легко помочь этому недостатку увеличивши число ихъ. Но здѣсь именно начинается затрудненіе. Это правительство, не удовлетворяя своей цѣли, стóитъ однакожъ слишкомъ дорого; съ давняго времени его расходы выше доходовъ. Дефицитъ дополнялся, по единственно посредствомъ монополіи на опіумъ, т. е. изъ источника совершенно чуждаго странѣ и совершенно случайнаго по самой своей природѣ. Не только всякое увеличеніе налоговъ въ Индіи есть вещь невозможная, но преувеличеніе налоговъ достигло до той степени, что сборъ ихъ становится содня на день затруднительнѣе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скоро можетъ сдѣлатся совершенно невозможнымъ. Съ другой стороны эта слабость правительства, такъ сказать,матеріальная, есть только малѣйшій изъ его недостатковъ. Положимъ, что законодатель будетъ имѣть средство удвоить, утроить число чиновниковъ: онъ разрѣшитъ этимъ толь-

ко одну часть вопроса и притомъ самаго маловажнаго. Условія при которыхъ должны будутъ дѣйствовать эти чиновники останутся одни и тѣ же; механизмъ этого иностраннаго правленія постоянно будетъ раздражать тысячію способовъ народы, на которые онъ долженъ дѣйствовать. Рычагъ будетъ имѣть болѣе крѣпости, но сила приводящая его въ движеніе останется также ложною и гибельною.

Англія, по причинѣ самаго своего положенія въ Индіи, не можетъ вознаградить нравственною силою недостатокъ силы матеріальной. Европейская цивилизація, которой она служитъ здѣсь представительницею, и цивилизація индусская, съ которой она должна бороться, отталкиваютъ одна другую всѣми точками. Нѣкоторые публицисты надѣялись и совѣтовали обратить индусовъ и мусульманъ въ христіанство; многіе миссіонеры пытались сдѣлать это; думали, что этимъ средствомъ можно доставить торжество европейской цивилизаціи и слѣдовательно укрѣпить англійское владычество; до сихъ поръ всѣ подобныя предпріятія оставались безъ успѣха. Христіанство и браминизмъ остались отдѣльными; ихъ основное понятіе о Богѣ, ихъ способъ понимать отношеніе Бога къ міру не представляютъ ничего сходнаго. Первые католическіе миссіонеры думали, что они одолѣли эту трудность, но эта

мысль произошла отъ ихъ невѣдѣнія касательно этого предмета. Мы сказали, что множество обращеній, которыя по ихъ мнѣнію были ими совершены, на дѣлѣ были не болѣе какъ оптическій обманъ; этотъ обманъ исчезъ съ перемѣною точки зрѣнія. Христіанство не только не усиливается, но скоро падаетъ; но въ этомъ случаѣ надобно остерегаться оптическаго обмана только противоположнаго. Если христіанство повидимому падаетъ, такъ это потому, что теперь миссіонеры, узнавши лучше браминизмъ, тщательнѣе спрашиваютъ у новообращаемыхъ, на какихъ условіяхъ они хотятъ сдѣлаться христіанами. Обращеніе мусульманъ представляетъ не менѣе трудностей.

Колонизація Индіи Англіею, это другое средство помочь нравственной и вещественной слабости индобританскаго правительства, должна быть также причтена къ числу невозможностей.

Устройство собственности дѣлаетъ Индію страною совершенно отличною отъ всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ когда нибудь заводились европейскія колоніи. Первое условіе возможности какой нибудь колоніи состоитъ въ землѣ, на которой она моглабы утвердиться. А здѣсь можно владѣть землею только при такихъ условіяхъ, при которыхъ владѣніе равняется не-

владѣнію. Какую выгоду можно извлечь изъ имѣнія, владѣлецъ котораго долженъ сначала заплатить подъ именемъ налога сумму, цѣлою третью больше той, какая составляетъ доходъ со всякаго недвижимаго имѣнія въ Европѣ? Воздѣлываніе индиго, заведеніе извѣстныхъ особенныхъ родовъ промышленности могутъ быть причиною нѣкоторыхъ исключеній въ этомъ дѣлѣ; но тѣмъ не менѣе фактъ остается общимъ. Уступитъ ли правительство земли этимъ новымъ поселеніямъ на выгоднѣйшихъ условіяхъ? Но мы показали все неудобство, или лучше сказать всю невозможность этой мѣры. Во первыхъ это была бы жертва, на которую правительство, и теперь уже не имѣющее возможности удовлетворить своимъ нуждамъ, немоглобы рѣшиться. Съ другой стороны это значилобы создать двѣ совершенно различныя собственности на одной почвѣ, одну привилегированную, другую подавленную бременемъ невыносимымъ. Это значило бы, однимъ словомъ, сѣять полною горстью сѣмена непредолимымъ затрудненій для будущаго. Сверхъ того мы умолчали о непредолимой для правительства трудности управлять въ одно время двумя народонаселеніями, происходящими отъ разныхъ племенъ и имѣющими разныя привычки и требованія.

Таковоли, по крайней мѣрѣ, было бы состояніе страны, находящейся подъ владычествомъ

Англіи, что могло бы доставить правительству эту силу, которая ему не достается съ тѣхъ сторонъ? Но общественное устройство Индіи непозволяетъ ей достигнуть когда нибудь большаго развитія богатства. Здѣсь нѣтъ перваго условія ремесленнаго и комерческаго развитія каждой страны. Произведенія не только ни чѣмъ не превышаютъ потребленій, но они недостаточны для того, чтобы оградить народы полуострова отъ бѣдности и голода. Индусъ, съ самаго своего рожденія преданный безплодной работѣ, осуществляетъ въ строгомъ смыслѣ слова поэта *Sic nos, non nobis.* Индія въ полномъ смыслѣ слова есть только обширная земледѣльческая мануфактура, содержимая Англіею; ея жители наемщики или поденщики, воздѣлывающіе землю, которая имъ не принадлежитъ. Итакъ понапрасну богатѣйшія жатвы покрыли бы поля Индіи; бѣдность и голодъ тѣмъ не менѣе остались бы удѣломъ ея жителей. По энергическому выраженію, которое мы не перестаемъ повторять, „тоже бы было, еслибы земля производила не хлѣбъ, а золото." Потому что произвеніями земли пользуется не Индія, а Англія, стало быть наконецъ самое устройство собственности, служаще основаніемъ англійскаго правительства — самый фактъ существованія этого правительства лишаетъ Индію всѣхъ средствъ улучшенія и общественнаго развитія.

Англійскія привычки, т. е. надменность, гордость, презрѣніе къ другимъ народамъ, вмѣстѣ съ различіемъ религіи и нравовъ, держатъ обладателей Индіи въ отдаленіи отъ ихъ подданныхъ и окончательно лишаютъ ихъ всякаго нравственнаго вліянія. Самыя настоятельныя требованія англійскаго правительства остаются безъ послѣдствій, если только онѣ предписываютъ что нибудь въ пользу индійцевъ или мусульманъ. Офицеры арміи, чиновники при сборѣ податей, изъ которыхъ многіе можетъ статься принадлежатъ къ фамиліямъ нѣкогда могущественнымъ, можетъ статься происходятъ отъ государей нѣкогда царствовавшихъ надъ этой страной, неудостоиваются ни малѣйшаго знака уваженія отъ послѣдняго англійскаго чиновника. Вѣрный обычаямъ своего отечества, англичанинъ живетъ въ Индіи среди чуждыхъ народовъ, какъ будто окопавшись; онъ отдѣленъ отъ нихъ бездною, которую неумолимая гордость вырываетъ съ каждымъ днемъ глубже и глубже.

Наконецъ на почвѣ Индіи не прививаются смѣшанныя породы, происходящія отъ смѣшенія побѣдителей съ побѣжденными, которыя могли бы сдѣлаться соединяющимъ звѣномъ. Небольшое число лицъ, происшедшихъ изъ этого смѣшенія, осталось постояннымъ съ той минуты, когда стало возможно наблюдать ихъ.

Незамѣтная дробь изъ этого числа втерлась въ англійское общество; всѣ остальные исчезаютъ среди туземнаго народонаселенія, отъ котораго они ничѣмъ не отличаются.

Что касается до потомковъ чистыхъ англичанъ, рожденныхъ на почвѣ Индіи, то Индія поглощаетъ ихъ въ юности; она пожинаетъ въ цвѣту это потомство своихъ владѣтелей, которое повидимому должно бы было упрочить завоеваніе своихъ отцовъ.

ГЛАВА II.

Отчего сохраненіе индобританской имперіи составляетъ задачу болѣе трудную чѣмъ ея пріобрѣтеніе?

Сэръ-Джонъ Мелькольмъ сказалъ: „размышляя о настоящемъ положеніи нашего владычества въ Индіи, нельзя сомнѣваться, что пріобрѣтеніе нашей имперіи было легкою задачею сравнительно съ той, какую представитъ ея сохраненіе (*).“ Слова эти глубоко истинны не смотря на то, что они кажутся парадоксомъ.

Политическое и общественное положеніе Индіи въ то время когда англичане здѣсь основали свое первое учрежденіе, приготовляло, такъ сказать, призывало завоеваніе. Индія была тогда раздѣлена на маленькія государства, которыя стремились нѣкоторымъ образомъ отдаться подъ покровительство сильнѣйшаго. Всѣ государства, сдѣлавшіяся сильными и образовавшіяся прежде или вмѣстѣ съ учрежденіями англичанъ, стремились также ко всеобщему владычеству. Они не достигли этой цѣли, но единственно въ слѣдствіе какой нибудь случайности, встрѣтившейся на ихъ дорогѣ; эта причина не происходила изъ самой природы вещей;

(*) Malcolm. Hist. polit., t. II, p. 64.

она никакъ не сходствовала съ тѣми причинами, которыя останавливали въ Европѣ всѣ государства, стремившіяся по той же дорогѣ. Монголы въ продолженіи слишкомъ двухъ вѣковъ обладали этой всеобщею монархіею. Маратты вѣроятно овладѣли бы ею въ свою очередь, но ихъ остановилъ мечь афгановъ въ кровавой битвѣ панипутской. Сначала Гайдеръ, потомъ Типу безъ англичанъ имѣли бы болѣе успѣха. А эти афганы побѣдители при Панипутѣ, эти англичане побѣдившіе Гайдера и Типу, были внѣ политической системы Индіи; они вмѣшались въ нее только случайно. Едва разорвались феодальныя связи, прикрѣплявшія всѣ государства Индіи къ трону Великаго Могола, какъ повидимому они старались найдти новый центръ, къ которому бы можно были прикрѣпиться. Они стремились со всѣхъ сторонъ устроится вновь подъ тѣми же условіями. Они попытались образовать подобную политическую систему около новаго правительства, обѣщавшаго каждому міръ, покровительство и безопасность.

Не болѣе трудности находили англичане въ овладѣніи внутреннимъ правленіемъ каждаго государства. Основныя учрежденія страны, т. е. касты и селенія не представляли никакого сопротивленія замѣнѣ правительства мусульманскаго или индускаго правительствомъ англійскимъ. Наклонности самыя естественныя для

человѣческаго сердца, любовь къ новости, привлекательность неизвѣстнаго, отвращеніе къ тому чѣмъ человѣкъ владѣетъ, расчеты честолюбія, неудовольствіе живущее подлѣ всего, что только существуетъ, люди чрезвычайно способные къ этому дѣлу, наконецъ тысяча другихъ случайныхъ причинъ пришли на помощь англичанамъ. Всѣ эти причины, своимъ дѣйствіемъ и воздѣйствіемъ неминуемо должны были доставить ихъ первому бенгальскому заведенію владычество надъ полуостровомъ; такъ только воздухъ, вода, теплота извлекаютъ огромный дубъ изъ желуди, ввѣренной почвѣ. Трудность, которую должно было преодолѣть государственнымъ людямъ, занимавшимся судьбами имперіи, въ началѣ состояла въ томъ, чтобы замедлить ея распространеніе, а не въ томъ, чтобы ускорить его. Какъ и всегда бываетъ тамъ, гдѣ народы или отдѣльныя лица совершаютъ дѣло Провидѣнія, все имъ помогало: дурная и хорошая сторона англійскаго характера, дикое корыстолюбіе нѣкоторыхъ изъ ихъ чиновниковъ, также точно какъ таланты генераловъ и геній государственныхъ людей.

Теперь все на изворотъ. Тѣ самыя естественныя и случайныя причины, которыя нѣкогда благопріятствовали честолюбію англичанъ стали дѣйствовать противъ ихъ безопасности. Всякій непріятель, явившійся теперь про-

тивъ Англіи, имѣлъ бы на своей сторонѣ тѣ самыя вѣроятности, которыя нѣкогда ей благопріятствовали. Слабость свойственная англійскому правленію, явившаяся при самомъ его началѣ и учрежденіи, возрастаетъ съ другой стороны отъ времени. Англичане пришедши въ Индію, чуждые учрежденіямъ и внутреннему положенію страны, никакъ не думали смѣшиваться съ народонаселеніемъ, еще менѣе управлять имъ когда нибудь. Они хотѣли только извлечь какъ можно болѣе выгодъ. Такимъ образомъ они искали золота и серебра въ самыхъ нѣдрахъ общества, такъ сказать, подобно компаніи рудокоповъ. Они взяли всю руду, блестѣвшую на поверхности, разработывали съ начала жилы самыя богатыя, потомъ менѣе богатыя, потомъ до послѣднихъ слѣдовъ, до малыхъ частицъ. Всѣ эти работы, предпринятыя на удачу, выполнялись безъ плана, безъ симметріи; число шахтъ было непомѣрно велико; не расчитывали на работу завтрашняго дня и потому оставляли шахты безъ поддержки, такимъ образомъ пришла минута, когда *пустое* сдѣлалось, можетъ быть, шире чѣмъ *полное*; когда малѣйшія потрясенія, малѣйшій случайный ударъ заступа можетъ обрушить все, потому что каждый день работа продолжается, жилы истощаются, гибельныя предвѣстія умножаются. Если вѣрить нѣкоторымъ изъ этихъ

рудокоповъ, лучше насъ имѣющихъ возможность изучать общность работъ, уже и теперь опасность грозитъ сильно. Нѣкоторые признаки, по ихъ мнѣнію возвѣщаютъ минуту кафастрофы; нѣкоторымъ кажется уже, что они чувствуютъ дрожаніе земли подъ ногами и надъ головой.

Сэръ Джонъ Шоръ, смѣло показавши опасность, оканчиваетъ слѣдующими словами: Я довольно долго жилъ между народами Индіи, для того, чтобы понимать ихъ чувства. *Я убѣжденъ, что кризисъ не можетъ быть далекъ........* Я боюсь гибельныхъ послѣдствій, которыя произойдутъ изъ этого, для насъ для самихъ и для индусовъ, а отъ того я хотѣлъ бы, чтобы въ душѣ тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ судьба столь многихъ милліоновъ намъ подобныхъ, (между которыми находятся ихъ жены, ихъ дѣти, ихъ семейства), родилось желаніе поправить то, что есть дурнаго, поставить себя въ возможность встрѣтиться съ этимъ кризисомъ, обратить его даже къ пользу своей страны, къ утвержденію нашего владычества, которое не можетъ имѣть другой твердой основы, кромѣ довѣренности и преданности народа (*).“

Итакъ владычество Англіи нельзя почитать окончательнымъ. Напротивъ тѣ, которые

(*) Shore. t. II p. 102.

наиболѣе содѣйствовали его утвержденію или, которые лучше его изучили, менѣе всего вѣрятъ его будущности. Уорренъ Гестингсъ писалъ: „если Индія связана съ Англіею, то связана нитью столь тонкою, что ударъ малѣйшаго событія, даже дыханіе общаго мнѣнія можетъ разорвать эту нить." Аббатъ Дюбуа: „власть, теперь господствующая въ Индіи, въ одно время лишена и вещественной и нравственной силы."

Сэръ Джонъ Шоръ: „кризисъ долженъ послѣдовать неминуемо." Сэръ Джонъ Мелькольмъ „пріобрѣтеніе нашей имперіи въ Индіи было легкой задачей сравнительно съ задачей ея сохраненія." Генералъ-маіоръ Брайгсъ: „это соединеніе (т. е. Индіи и Англіи) противоестественно и не можетъ продолжаться." Итакъ государственные люди, миссіонеры, чиновники, военные, посѣтившіи Индію, согласны въ этомъ пунктѣ, въ непрочности англійскаго владычества. Чтожъ могло согласить ихъ, если не истина? Всѣ они смотрятъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, всѣ пишутъ въ разныхъ интересахъ и мнѣніяхъ, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго и однакожъ всѣ согласно думаютъ, что эта странная имперія есть зданіе безъ фундамента, поддерживаемое на воздухѣ какимъ то чудомъ равновѣсія, родъ чужеземнаго растенія, поддерживающаго жизнь помощію иску-

ства, попеченій, но не связаннаго съ почвой, ему чуждой; можетъ быть достаточно слабаго дыханія вѣтра чтобы его вырвать.

ГЛАВА III.

Какимъ образомъ Англія должна приготовляться къ паденію своего владычества?

Два рода опасностей не перестаютъ никогда угрожать англійскому владычеству въ Индіи; одни внутреннія, другія извнѣ. Возмущеніе въ Велорѣ, возстаніе въ Бенаресѣ и Барельи служатъ въ этомъ отношеніи предвѣстниками событій, которыя, можетъ быть, готовятся въ будущемъ.

Честолюбіе Россіи могло бы произвесть эту внѣшнюю опасность, о которой мы говорили. Мы видѣли, что русская армія на берегахъ Инда, даже не очень значительная, привела бы въ опасность имперію. Препятствія для подобнаго похода были всего болѣе политическія. Теперь онѣ удалены. Персія повинуется русскому вліянію. Афганистанъ надолго, можетъ быть, навсегда ускользнулъ изъ подъ

вліянія Англіи. Русскій флагъ одинъ развѣвается на Каспіи; русская торговля распространяется къ югу и востоку отъ этого моря. Хива и Бохара съ каждымъ днемъ тѣснѣе связываются съ Россіею. Чисто военныя вѣроятности, кажется, будутъ равны или могутъ быть предположены равными между корпусомъ русскихъ войскъ, достигшимъ Инда, и индо-британскою арміею, выступившею въ походъ для отраженія этого корпуса. Но вопросъ не могъ бы остаться чисто военнымъ: онъ необходимо будетъ связанъ съ политическими событіями и планами, а послѣднія неминуемо будутъ противъ индо-британскаго правительства. Невозможно и думать, чтобы внутреннія волненія не вспыхнули при внѣшнемъ ударѣ, а мы сказали, какія будутъ необходимыя послѣдствія этихъ волненій.

Изъ всѣхъ этихъ соображеній, кажется, можно заключить, что Индія необходимо когда нибудь вырвется изъ рукъ Англіи. Кажется при томъ, что всѣ общія аналогіи въ исторіи представляютъ это владычество фактомъ чрезвычайно переходчивымъ. Индобратанское государство можно счесть сходнымъ съ римской имперіей. Но имперія римская не была послѣднимъ словомъ Провидѣнія. Когда всѣ народы міра поочередно пали подъ мечемъ Рима, можно было подумать, что міръ достигъ окон-

чательнаго положенія. Цѣль, къ которой столько вѣковъ стремилось безмѣрное честолюбіе царственнаго народа, была наконецъ достигнута. Римлянинъ, сидя подлѣ послѣдней былинки, скошенной его побѣдоносной косой, могъ считать свою задачу рѣшенною; жатва повидимому была кончена. Но новое зерно прозябало уже на обширномъ полѣ исторіи. Христіанство, начиная дѣйствовать среди варваровъ и побѣжденныхъ народовъ, долженствовало преобразовать міръ. Еще невидимая для массъ, эта новая работа необходимо должна было открыться тѣмъ, кому дано было поднять покровъ будущаго. Такъ точно въ нѣдрахъ индо-британской имперіи прозябаетъ будущее, можетъ быть еще скрытое отъ большинства, но уже открывающееся отчасти тѣмъ, которые глубже проникли въ ея положеніе.

Установленіе римскаго владычества надъ извѣстнымъ міромъ было точкою отправленія для проповѣданія Евангелія; установленіе англійскаго владычества въ Индіи будетъ также точкою отправленія новой фазы развитія человѣчества: она означаетъ эру слiянія между цивилизаціею Востока и Запада. Видно только, что это сліяніе совершится подъ условіями, которыя отъ насъ еще скрыты, и что эти условія будутъ не тѣ, которыя Англія думала предписать Индіи исключительно въ свою пользу.

Индія съ гордостію можетъ тогда вспомнить о подвигахъ, которыхъ она была театромъ, о талантахъ обнаруженныхъ въ ея нѣдрахъ великими государственными людьми Англіи. Она заботливо сохранитъ память Клейва, завоевавшаго индо-британскую имперію; Уоррена Гестингса, умѣвшаго сохранить ее; Уильсли, ее расширившаго и утвердившаго; лорда Минто, понявшаго необходимость англійскаго перевѣса; лорда Гестингса осуществившаго эту мысль. Она забудетъ бѣдствія, которыми эти великія событія сопровождались; она вспомнитъ только о томъ, что въ нихъ было великаго и славнаго.

КОНЕЦЪ.

Примѣчаніе къ стр. 400.

Когда я былъ оберъ-офицеромъ, говорить полковникъ Гопкинсонъ, я имѣлъ привычку и обязанность часто бывать въ квартирахъ европойцевъ, чтобы удостовѣриться, что улицы и квартиры содержатся въ хорошемъ порядкѣ и что удовлетворены потребности солдатъ. Въ этихъ частыхъ посѣщеніяхъ я имѣлъ случай видѣть большое число дѣтей чистой европейской крови. Во все продолженіе моей службы я помню только одинъ случай, что одинъ изъ этихъ дѣтей достигъ совершеннолѣтія. Это обстоятельство произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Въ продолженіи многихъ лѣтъ я производилъ множество изслѣдованій касательно этого предмета; но я нашелъ тотъ же результатъ. Можетъ быть многіе изъ этихъ дѣтей вступили въ армію или въ другую общественную службу. Это обстоятельство поразило меня тѣмъ болѣе, что оно сближалось съ другимъ замѣчаніемъ, которое я имѣлъ случай сдѣлать въ это время. Большое число солдатъ, прибывшихъ въ Индію въ

званіи рекрутъ артиллеріи, для полученія отставки должны были найдти себѣ преемниковъ. Конечно это не представило бы никакихъ трудностей, еслибъ только немногіе изъ этихъ дѣтей, рожденныхъ въ Индіи, достигали совершеннолѣтія. Но я никогда невидалъ и не слыхалъ, на всемъ пространствѣ президентства мадрасскаго, чтобъ сдѣлано было хоть одно подобное замѣщеніе; я никогда не слыхалъ сверхъ того ни объ одномъ человѣкѣ чистой европейской крови, рожденномъ въ Индіи, который бы достигъ достаточнаго возраста, чтобъ заступить мѣсто солдата.

«Я писалъ объ этомъ фактѣ мадрасскому генералъ-адъютанту и обратилъ на это его вниманіе. Онъ былъ имъ пораженъ, сообщилъ объ немъ въ свою очерь главнокомандующему, которой, по его рекоммендаціи, далъ приказаніе всѣмъ корпусамъ королевскихъ и компанейскихъ войскъ доставлять свѣдѣнія о всѣхъ дѣтяхъ, рожденныхъ въ Индіи отъ европейскихъ родителей. Эти свѣдѣнія были доставлены мнѣ. По несчастію начальствующіе, кажется, не очень точно поняли мысль приказа. Пересмотрѣвъ свѣдѣнія, я убѣдился, что онѣ были неполны

и неправильны. Во многихъ говорилось о дѣтяхъ, рожденныхъ въ Индіи, но оставившихъ ее съ родителями; въ другихъ говорилось о дѣтяхъ смѣшенной крови, объ англо-индусахъ. Во всякомъ случаѣ, не смотря на неточность списковъ, я убѣдился, что чрезвычайно мало число живыхъ дѣтей относительно числа рожденій, чрезвычайно мало изъ нихъ выходятъ изъ дѣтства! (*)»

Конечно, что фактъ чрезвычайно любопытный. Жаль какъ нельзя больше, что его не изучали и не наблюдали съ достаточною заботливостію, чтобъ извлечь изъ него всѣ возможныя слѣдствія. Нельзя однакожъ сомнѣваться, что въ замѣчаніи полковника Гопкинсона много правды.

Впрочемъ это подтверждается еще другимъ фактомъ. Въ сосѣдствѣ военныхъ квартиръ народонаселеніе смѣшенной крови чрезвычайно незначительно и сверхъ того непостоянно. (**)

(*) Слѣдствіе. t. r. p. 54—55. Показаніе полковника Гопкинсона.

(**) Id. ibid. p. 54. id. Возраженія противъ колонизаціи p. 55.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ 1.

Книга III.

О различныхъ системахъ внѣшней политики, приведшей Англію къ обладанію Индіей.

Книга VI.

Учрежденія судебныя.

Томъ II.

Книга VII.

О военныхъ учрежденіяхъ.

Книга VIII.

О европейской цивилизаціи и христіанствѣ въ Индіи.

Книга IX.

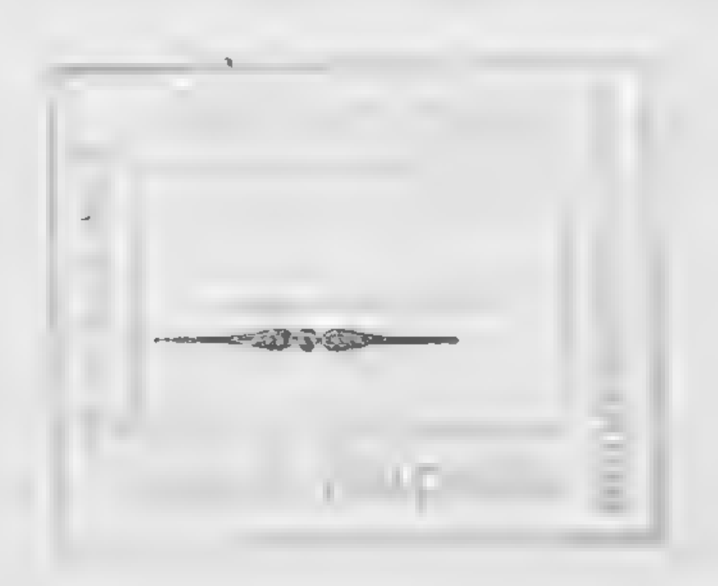
Чувствованія туземцевъ относительно англійскаго владычества и невозможность слiянія побидителей и побѣжденныхъ.

Стран.

Стран.

Книга X (одиннадцатая подлинника).

О средствахъ находящихся во власти Англiи къ смягченiю страданiй народовъ Индiи.

Опечатки.

напечатано:	надобно читать:
Томъ I. стр. 25 стр. 8. не на мѣстѣ на своемъ;	не на своемъ мѣстѣ;
26. стр. 5. снизу. Ориссей.	Ориссой.
84. стр. 12. англійскимъ.	индійскимъ.
стр. 100. стр. 5. или	и
Томъ II. стр. 310. стр. 2. Глава VIII.	Глава XI.
стр. 328. стр. 2. Глава VI.	Глава II.

